This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

W.O. 1078
P 16671

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1964

LAW
Ref.
13.
Ignatovich, Inna Ivanovna
HD715 Pomieshchich'i krest'iane.
I45

И. И. ИГНАТОВИЧЪ.

ПОМѢЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ

IGNATOVICH, INNA IVANOVNA. 1871
wo14785.

НАКАНУНѢ

ОСВОБОЖДЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1902.

HD
715
.I26
1902a

op 18871

F203-365557

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

Law Ref 13
HD 15
I 45

Copy 2

5 838 P

JUL 20 1954

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 9.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Обязанности помѣщика передъ закономъ по отношенію къ крѣпостнымъ. — Право владѣнія крѣпостными.—Права помѣщиковъ на трудъ и личность крестьянъ.—Судебно-вотчинная власть помѣщиковъ.—Отвѣтственность передъ закономъ за злоупотребленія помѣщичьей властью. . . . . 1—36

ГЛАВА II. Численность крѣпостныхъ предъ освобожденіемъ.—Процентное распредѣленіе ихъ по губерніямъ.—Процентное отношеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ XVIII и XIX вѣкахъ.—Распредѣленіе земли между помѣщиками и крестьянами.—Земельные надѣлы крестьянъ. . . . . 37—63

ГЛАВА III. Оброчные крестьяне.—Величина оброка.—Занятія оброчныхъ крестьянъ.—Самоуправленіе . . . . . 63—83

ГЛАВА IV. Крестьяне, работающіе на барщинѣ.—Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и борьба помѣщиковъ съ невыгодными сторонами крѣпостного права. — Размѣръ барщины. — Тягло.—Общинный бытъ помѣщичьихъ крестьянъ.—Крѣпостные въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ. — Крѣпостные, отбывающіе барщину на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ. 83 129

ГЛАВА V. Дворовые.—Величина дворни передъ освобожденіемъ.—Бытъ дворовыхъ.—Развратъ помѣщиковъ.—Жестокое обращеніе съ крѣпостными.—„Крѣпостная интеллигенція“. . . . . 129—157

ГЛАВА VI. Вліяніе крѣпостного права на умственное развитіе народа.—Отношеніе крестьянъ къ крѣпостному игу.—Значеніе борьбы крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью. . . . . 158—178

ГЛАВА VII. Невыгодность крѣпостного права для промышленнаго класса населенія. — Отношенія къ крѣпостному праву дворянства, интеллигенціи, правительства.—Заключеніе. . . . . 178—207

Таблицы . . . . . 207—213

Списокъ источниковъ и пособій . . . . . 214—216

ГЛАВА I.

Обязанности помѣщика передъ закономъ по отношенію къ крѣпостнымъ.—Право владѣнія крѣпостными.—Права помѣщиковъ на трудъ и личность крестьянъ.—Судебно-вотчинная власть помѣщиковъ.—Отвѣтственность передъ закономъ за злоупотребленія помѣщичьей властью.

Прежде чѣмъ говорить о дѣйствительномъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи наканунѣ паденія крѣпостного права, необходимо выяснить ихъ положеніе, какъ оно рисовалось въ законѣ, отдать себѣ отчетъ, каковы были юридическія условія жизни этой многомилліонной массы, чтобы яснѣе увидѣть, какая разница существовала между крѣпостнымъ правомъ de jure и крѣпостнымъ правомъ de facto.

Крѣпостное право въ Россіи имѣло характеръ государственный. Государство, какъ бы сознавая свое безсиліе справиться съ управленіемъ всею народною массою, часть своихъ обязанностей передавало помѣщику. Помѣщикъ, имѣя право на личный трудъ крѣпостныхъ, получая въ извѣстной степени право суда надъ своими людьми, являлся отвѣтственнымъ лицомъ передъ правительствомъ за правильные взносы государственныхъ платежей и за исполненіе повинностей крестьянами и, съ другой стороны, долженъ былъ заботиться о продовольствіи крѣпостныхъ во время голода и помогать имъ въ несчастныхъ случаяхъ. Въ IX т. Св. зак. изд. 1857 г. эти обязанности опредѣлены слѣдующимъ образомъ: „Владѣлецъ, въ случаѣ неурожая, не

сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ со двора, обязанъ доставлять имъ способы пропитанія, воздерживая отъ нищенства" (ст. 1103). За каждаго, пойманнаго въ нищенствѣ, съ владѣльца взыскивалось по 1 р. 50 к. (ст. 1105). Это правило вырабатывалось постепенно, и каждый отдѣльный случай вызывалъ отдѣльное постановленіе.

Но, насколько исполнялись эти требованія правительства, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ запискахъ одного сельскаго священника упоминается о цѣломъ рядѣ помѣщиковъ, которые почти совершенно не заботились о продовольствіи крестьянъ въ голодные годы. Богатый помѣщикъ Н. И. Б. въ сороковыхъ годахъ, во время страшнаго голода, отпускалъ въ мѣсяцъ по одному пуду муки на человѣка, при чемъ мука состояла изъ 30 ф. желудя и 10 ф. муки [1]); помѣщикъ Ж. выдавалъ столько же, но вмѣсто желудя выдавалось 30 ф. лебеды [2]); третій помѣщикъ К** пытался кормить крестьянъ глиною (буквально) [3]). Около двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія крестьяне Минской губ. терпѣли большой недостатокъ въ хлѣбѣ, но помѣщики и арендаторы не только не обращали вниманія на это, но еще стѣсняли ихъ отяготительными работами [4]). Правительству приходилось постоянно дѣлать наставленія начальникамъ губерній, чтобы они слѣдили за тѣмъ, чтобы помѣщики продовольствовали своихъ крестьянъ. Правительству приходилось и самому заботиться о продовольствіи крестьянъ. Такъ, во время голода 1839—40 гг. „вниманіе правительства

---

[1]) «Записки сельскаго священника», Русская Старина, т. 27, стр. 64.

[2]) Тамъ же, стр. 77.

[3]) Тамъ же, стр. 470.

[4]) Романовичъ-Славатинскій. «Дворянство въ Россіи», гл. IV, стр. 330.

должно было отъ казенныхъ крестьянъ обратиться на помѣщичьихъ" въ виду ихъ крайне бѣдственнаго положенія. Графу Строганову было поручено отправиться въ пострадавшія губерніи и принять мѣры къ отвращенію недостатка средствъ для продовольствія и будущаго обсѣмененія полей; помѣщикамъ было выдано пособія болѣе 10 милліоновъ рублей [1]). Во время голода 1851 г. помѣщикамъ также раздавались ссуды изъ продовольственнаго капитала. Выдавая ссуды, правительство возлагало на помѣщиковъ всѣ заботы по продовольствію и благосостоянію крестьянъ и не вмѣшивалось въ ихъ распредѣленіе. Какъ добросовѣстно распоряжались помѣщики выдаваемыми имъ ссудами, показываетъ фактъ, приводимый Романовичемъ-Славатинскимъ. Въ 1851 году начальникъ Смоленской губерніи писалъ, что помѣщики, получивъ ссуду, или всю брали себѣ, или выдавали крестьянамъ только часть, а другую тратили на себя [2]). Иногда помѣщики не могли продовольствовать своихъ крестьянъ по собственной бѣдности; это касается главнымъ образомъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. Такъ, Романовичъ-Славатинскій самъ помнитъ одно семейство небогатыхъ помѣщиковъ, которое испытывало недостатокъ въ хлѣбѣ. Помѣщики нерѣдко бѣжали изъ своихъ имѣній во время голодовокъ, оставляя крестьянъ на волю Божію и не оказывая имъ никакой помощи, такъ что нерѣдко цѣлыя селенія помѣщичьихъ крестьянъ бродили по дорогамъ, существуя нищенствомъ. Заблоцкій-Десятовскій свидѣтельствуетъ, что въ 1839 году помѣщики бѣжали изъ имѣній и вообще рѣдко помогали крестьянамъ. Въ теченіе одного 1840 г. было отдано въ опеку пять

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ» (Письмо Гамалѣя къ графу Киселеву).

[2]) Романовичъ-Славатинскій, стр. 330.

имѣній „за необезпеченіе нуждъ крестьянъ“ [1]). Что помѣщики не исполняли своей обязанности, показываетъ и то, что во время Николая I пять случаевъ волненій крестьянъ произошли изъ-за недостатка продовольствія. Движеніе въ Витебской губ. въ 1847 г., вызванное трехлѣтнимъ неурожаемъ, отсутствіемъ продовольствія для крестьянъ у помѣщиковъ, достигло грандіозныхъ размѣровъ. Крестьяне шли жаловаться царю, чѣмъ кормятъ ихъ паны. Движеніе приняло такіе размѣры, что правительство принуждено было обратить вниманіе и выдало 10.000 р. на продовольствіе этихъ крестьянъ. Самъ народъ слѣдующими словами описываетъ эту пресловутую помощь дворянъ народу въ одной изъ бѣлорусскихъ пѣсенъ „Разговоръ Данилы со Сыцѣпаномъ“:

„Якъ часамъ придзе́шь, чаго́ напрасіць:
„Нимашь чимъ арàць, нимашь чимъ касіць;
„Будзь ласкау панòчку, паратýй у пригодцѣ!“
Ажъ енъ крычіць, лаіць, нимашь конца̀ и годзе,
А каня́, ци хлѣба дастàць, вѐльми трудна,
Панъ самъ не здарòу, пàни нешта нýдна.
Придзи другимъ рàзамъ; а тымъ чàсамъ у пòли
Ня зрòбишь ý пару́ работы никòли;
И у дòму—на пòле ни за порогъ выйци,
Бо и на пригòнѣ нимàли чимъ рабіци,
Идзи—хоць ты трѐсни, намъ не спагадàюць;
Пòруць, бьюць, лàюць и у кàркъ пихаюць“ [2]).

Насколько въ дѣйствительности было обезпечено правительство въ правильномъ поступленіи подушнаго сбора, нельзя точно сказать. Въ Курской губ. въ концѣ тридцатыхъ годовъ, „казенныя недоимки достигли громадныхъ размѣровъ, ибо многіе дворяне имѣли обыкновеніе никогда не платить податей, раз-

---

[1]) Мат. для ист. крѣп. прав., стр. 56.
[2]) Шейнъ, «Р. Стар.», 1886 г., мартъ.

считывая на милостивые манифесты, часто объявляемые по разнымъ случаямъ". Губернатору Муравьеву пришлось прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ для взысканія съ дворянъ недоимокъ. Онъ предписалъ полиціи дѣйствовать энергично и, въ случаѣ неуплаты кѣмъ бы то ни было, немедленно приступать къ продажѣ имущества, въ случаѣ же уклоненія полицейскихъ чиновниковъ и неисполненія его предписаній отрѣшалъ ихъ отъ должностей [1]). Послѣднее показываетъ, что казенныя подати съ дворянскихъ имѣній поступали неаккуратно потому еще, что полиція, состоявшая зачастую на жалованьи у дворянъ, не смѣла взыскивать съ нихъ недоимокъ. Что дворяне не торопились съ уплатою казенныхъ податей, показываетъ и тотъ фактъ, что къ 1841 г. въ опекѣ состояло 916 имѣній „за неплатежъ податей и недоимокъ" [2]). Эти факты вмѣстѣ съ указаніемъ Романовича-Славатинскаго, что въ началѣ XIX вѣка помѣщикамъ было трудно выплачивать восьмигривенный подущный сборъ съ ревизской души, и что они обременяли имѣнія массою недоимокъ по подушному сбору, указываютъ, что и здѣсь крѣпостное право не исполняло своей государственной функціи,—обезпечивать государственные доходы.

Все это показываетъ, что само правительство не могло видѣть большой пользы въ существованіи крѣпостного права. Напротивъ, тотъ фактъ, что помѣщичьи крестьяне не могли облагаться такими же налогами въ пользу государства, какъ казенные, требовали расходовъ на свое продовольствіе,—при чемъ правительство не могло быть даже увѣреннымъ въ правильномъ израсходованіи выданныхъ ссудъ,—толкалъ правительство

---

[1]) Н. Рѣшетовъ. «Дѣла давно минувшихъ дней». Русскій Архивъ, 1885 г. II, стр. 303.

[2]) Мат. для ист. крѣп. права., стр. 56.

на путь освобожденія, заставлялъ его принимать мѣры къ постепенному уничтоженію крѣпостного права. Покамѣстъ государство было слабо, оно должно было платить дворянамъ за поддержку личнымъ трудомъ крестьянъ; но, какъ только оно достаточно окрѣпло, чтобы самостоятельно регулировать бытъ крестьянъ, крѣпостное право стало для правительства лишнимъ бременемъ. Во времена Павла I помѣщиковъ называли „лучшими полицеймейстерами", избавляющими правительство отъ расходовъ на управленіе крестьянами, но къ половинѣ XIX вѣка эти „полицеймейстеры" достаточно доказали свою несостоятельность.

Обратимся къ вопросу, кто по закону имѣлъ право владѣть крѣпостными. Указомъ 1730 г. было подтверждено сдѣланное еще въ Уложеніи запрещеніе владѣть населенными имѣніями боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ. Затѣмъ въ 1746 г. было запрещено купцамъ, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ и боярскимъ людямъ и крестьянамъ, приписаннымъ къ купечеству и въ цехъ, также казакамъ, ямщикамъ, разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ,—покупать во всемъ государствѣ людей и крестьянъ безъ земли и съ землями [1]). Извѣстно, что инструкція 1754 г. окончательно запрещаетъ недворянамъ владѣть населенными имѣніями, а указомъ 1758 года велѣно было всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ права владѣть населенными имѣніями, продать ихъ въ полугодовой срокъ, по истеченіи котораго непроданныя имѣнія должны быть отписаны на государыню.

Правонарушенія происходили на каждомъ шагу, что и вызывало рядъ подтвержденій запрещенія не-дворянамъ владѣть крѣпостными. Въ 1814 г. запрещено было

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II, стр. 2.

владѣть дворовыми и крестьянами личнымъ дворянамъ. По закону 1836 г. деревни, населенныя крѣпостными людьми, или же крѣпостные люди безъ земли, доставшіеся лицамъ, не имѣющимъ права владѣть оными, немедленно поступали въ казенное вѣдомство, а наслѣдникамъ отпускалась изъ казны сумма, какая полагалась обыкновенно по цѣнѣ, установленной для написанія купчихъ крѣпостей на населенныя имѣнія той губерніи. Въ 1841 г. (согласно съ инструкціею 1754 г.) запрещено было дворянкамъ по выходѣ замужъ за недворянъ пріобрѣтать крѣпостныхъ какъ съ землею, такъ и безъ земли. Въ 1842 и 1853 гг. запрещено было лицамъ, вновь возведеннымъ въ дворянское званіе, до третьяго колѣна владѣть имѣніями, въ которыхъ предки мужа или жены были записаны по ревизіи. Наконецъ въ IX Т. Св. Зак., изд. 1857 года, право владѣнія крѣпостными опредѣлено слѣдующимъ образомъ. Потомственный дворянинъ можетъ пріобрѣтать крѣпостныхъ какъ съ землею, такъ и безъ земли, но въ послѣднемъ случаѣ лишь при томъ условіи, если онъ владѣетъ населеннымъ крѣпостными крестьянами имѣніемъ; въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской запрещалось вовсе пріобрѣтать крестьянъ безъ земли (ст. 208). Возведенные въ дворянство изъ крѣпостного состоянія до третьяго колѣна включительно не могли никакимъ способомъ пріобрѣтать тѣхъ населенныхъ имѣній, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцу были записаны по ревизіямъ, а также и крѣпостныхъ людей безъ земли, приписанныхъ къ тѣмъ имѣніямъ. Запрещеніе это распространялось и на дворянъ обоего пола, состоящихъ въ бракѣ съ лицами изъ крѣпостного состоянія, которыя не могли получать и указанныхъ частей послѣ смерти супруговъ въ такихъ имѣніяхъ, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцамъ были крѣпостными крестьянами (ст. 212). Дворяне нехри-

стіанскаго вѣроисповѣданія не могли имѣть крѣпостныхъ христіанъ, за исключеніемъ только тѣхъ дворянъ изъ татаръ, которые издавна владѣли населенными имѣніями въ западныхъ губерніяхъ (ст. 215).

Владѣть крестьянами могли, такимъ образомъ, только дворяне. Исключеніе представляли лишь смоленское городское общество и нѣкоторые смоленскіе мѣщане и купцы. Но и здѣсь, во первыхъ, крѣпостные принадлежали всему смоленскому городскому обществу, а не отдѣльнымъ его членамъ, и, во вторыхъ, смоленскіе мѣщане и купцы владѣли крестьянами только пожизненно, не передавая ихъ своимъ наслѣдникамъ (ст. 549) (по закону 1836 г.).—Владѣніе дворовыми постепенно стѣснялось. Въ 1841 г. было запрещено пріобрѣтать ихъ безпомѣстнымъ дворянамъ, и разрѣшено сохранять уже пріобрѣтенныхъ до восьмой ревизіи съ припискою къ домамъ или при денежномъ обезпеченіи. Вообще, что касается этой стороны крѣпостного вопроса, видно стремленіе правительства ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право владѣть крѣпостными.

Лица, владѣвшія крѣпостными, имѣли право на трудъ послѣднихъ. Въ IX т. Свода зак., изд. 1857 г., это право помѣщиковъ опредѣлялось слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ могъ налагать на нихъ всякія работы, взимать оброкъ и требовать личныхъ повинностей, съ слѣдующими двумя ограниченіями: 1) чтобы крестьяне не претерпѣвали черезъ то раззоренія, и 2) чтобы положенное закономъ число дней оставлялось на исправленіе ихъ собственныхъ работъ (ст. 1045). Крестьяне обязывались работать на помѣщика три дня въ недѣлю; они не могли быть принуждаемы къ работамъ въ воскресные дни и въ извѣстные праздники (ст. 1046). Владѣлецъ имѣлъ право употреблять своихъ крѣпостныхъ людей не только для личныхъ услугъ и работъ, но могъ отдавать ихъ и постороннимъ лицамъ въ услу-

женіе, для обученія ремеслу или на воспитаніе, съ единственнымъ ограниченіемъ не отдавать крѣпостныхъ людей на работу на горные заводы (ст. 1048—1049).

Это опредѣленіе повинностей крестьянъ отличается прежде всего крайнею неопредѣленностью. Опредѣленіе того размѣра повинностей, за которымъ могло итти уже противозаконное „раззореніе" крестьянъ, возлагалось собственно на добрую волю помѣщика да того начальства, которому было поручено наблюдать за отношеніями помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ. Кромѣ того, и то, что было опредѣленно сказано въ законѣ, постоянно нарушалось на практикѣ. Крестьяне лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ работали три дня, а чаще четыре, въ иныхъ мѣстахъ, при переводѣ на мѣсячину, и всѣ шесть дней. Съ другой стороны, въ Малороссіи, напримѣръ, въ обычаѣ была зачастую двухъ-дневная барщина. Кромѣ того крестьяне нерѣдко принуждались работать въ воскресные дни и праздники; помѣщики въ эти дни налагали иногда на крестьянъ легкія побочныя работы, или устраивали какъ бы добровольные сгоны рабочихъ. Размѣръ оброка опредѣленъ не былъ.

Не было опредѣленно указано то количество земли, которое должны были давать помѣщики крестьянамъ. Размѣръ его можно было выводить лишь изъ совершенно другого закона, а именно, изданнаго въ 1827 г. для опредѣленія условій продажи населенныхъ имѣній безъ крестьянъ. По этому закону имѣнія помѣщиковъ, у которыхъ за залогомъ или продажею земли будетъ оставаться земли менѣе $4^1/_2$ дес. на душу, должны были отбираться въ казенное вѣдомство. На дѣлѣ этотъ законъ обыкновенно не исполнялся, но онъ важенъ тѣмъ, что въ немъ видно молчаливое признаніе связи крестьянъ съ землею и опредѣленіе минимума требующагося для крестьянъ земельнаго обезпеченія.

Родъ, количество работы не ограничивались закономъ. Право помѣщиковъ отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе (по закону 1824 г. воспрещено было отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе лицамъ, не имѣющимъ по закону права владѣть ими) приводило на практикѣ къ торговлѣ крѣпостными на подобіе торговли невольниками. Помѣщикъ имѣлъ право переводить крестьянъ во дворъ, а дворовыхъ садить на пашню (ст. 1047, IX т. Св. Зак., изд. 1857 г.). Чрезмѣрное увеличеніе дворовыхъ отъ 9-й до 10-й ревизіи (по 9-й ревизіи было 1.035,924 д., а по 10-й 1.467,378)—вѣроятно, въ виду упорныхъ слуховъ объ освобожденіи крестьянъ—вызвало указъ 2 марта 1858 г., запрещавшій дальнѣйшій переводъ крестьянъ, записанныхъ по 10-й ревизіи осѣдлыми, въ число дворовыхъ. Но, кромѣ оффиціальнаго зачисленія крестьянъ въ дворовые, практиковалось простое употребленіе крестьянъ для личныхъ услугъ и различныхъ работъ при домѣ, когда крестьянинъ, не теряя своего имени, находился собственно въ положеніи двороваго; съ другой стороны, многіе дворовые имѣли отдѣльныя избы, огороды, скотъ, такъ что ихъ положеніе мало чѣмъ отличалось отъ положенія крестьянъ. Поэтому провести строгое различіе между этими двумя группами крѣпостныхъ очень трудно.

Строго говоря, крестьяне не могли называться осѣдлыми, такъ какъ ихъ осѣдлость также зависѣла отъ воли господина. Въ Св. зак., изд. 1857 г., за помѣщикомъ признается право переселять крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями съ однѣхъ земель на другія, какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ и въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ (ст. 1060). Ограниченіе этого права касалось лишь случаевъ переселенія крестьянъ, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ: помѣщики могли переселять ихъ лишь съ согласія тѣхъ мѣстъ, гдѣ они состояли въ залогѣ (ст. 1063). Для того, чтобы

переселить крестьянъ, достаточно было подать прошеніе въ земскій судъ, и можно было начать переселеніе, не дожидаясь соотвѣтствующаго дозволенія или указа.

Насколько и какъ пользовались помѣщики этимъ правомъ, показываетъ случай, приводимый Самаринымъ. Имѣніемъ N Полтавской губерніи управлялъ нѣкто Полякъ. Будучи убѣжденъ въ томъ, что богатый крестьянинъ вреденъ въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ систематически раззорялъ крестьянъ, перенося ихъ избы съ одного мѣста на другое и переселяя богатыхъ крестьянъ въ степь. Дѣйствительно, онъ достигъ того, что вся деревня была раззорена. Романовичъ-Славатинскій зналъ помѣщика въ Малороссіи, который постоянно переселялъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое. „Едва крестьяне успѣвали обжиться въ имѣніи А, какъ помѣщикъ переводилъ ихъ уже въ имѣніе Б и т. д.“ [1]). Помѣщики нерѣдко прибѣгали къ переселеніямъ крестьянъ, чтобы избѣжать исполненія повинностей. Кошелевъ зналъ помѣщиковъ, которые прибѣгали къ переселеніямъ какъ къ угрозѣ и наказанію, въ случаѣ неисправнаго исполненія повинностей. Наказаніе дѣйствовало, говоритъ Кошелевъ, и платежи вносились аккуратно [2]). Иные помѣщики переселяли крестьянъ въ виду недостатка земли въ имѣніи. Напримѣръ, въ 1845 г. „въ Тверской губ., въ имѣніи помѣщика Головина крестьяне оказали неповиновеніе по поводу предположеннаго владѣльцемъ переселенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ другой уѣздъ, по причинѣ недостатка земли въ этомъ имѣніи“ [3]). Нерѣдко при переселеніяхъ помѣщики поступали недобросовѣстно съ крестьянами. Такъ, помѣщикъ Пензенской губерніи Жадовскій перевелъ въ пятидеся-

[1]) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 330.

[2]) Кошелевъ. Записки по уничтоженію крѣпостного права, стр. 138—139.

[3]) «Матеріалы для исторіи крѣпостного права» стр. 129.

тыхъ годахъ своихъ крестьянъ въ Оренбургскую губернію, при чемъ взялъ себѣ деньги, вырученныя при продажѣ ихъ домовъ и хлѣба на корню, а за избы, выстроенныя на новыхъ мѣстахъ, взималъ съ крестьянъ плату, вычитаемую изъ ихъ заработковъ [1]). Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что крестьяне нерѣдко даже физически очень худо переносили подобныя невольныя переселенія. Многіе крестьяне умирали прежде, нежели обживались на новыхъ мѣстахъ. Такъ, одинъ помѣщикъ переселилъ крестьянъ изъ Витебской губерніи подъ Кизляръ. Тамъ въ первые годы умерло ихъ болѣе двухъ третей [2]). Рѣдкій изъ помѣщиковъ заготовлялъ для крестьянъ порядочныя помѣщенія; большею частью первые годы они проживали въ землянкахъ [3]). Въ этомъ отношеніи характерно переселеніе крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщику Дурасову, въ сороковыхъ годахъ изъ Курской въ Оренбургскую губ. Управляющій имѣніемъ Дурасова, найдя, что въ имѣніи послѣдняго крестьянъ несоразмѣрно много сравнительно съ количествомъ земли, продалъ часть ихъ (150 рев. душъ) въ Оренбургскую губ., и крестьяне немедленно были перечислены туда по бумагамъ. Управляющимъ было обѣщано, что крестьяне найдутъ на новыхъ мѣстахъ готовыя хаты, полное продовольствіе, и имъ дадутся разныя льготы и всякія милости. Крестьяне, скрѣпя сердце, отправились и поздною осенью пришли въ Оренбургскую губ. гдѣ не нашли для себя никакихъ помѣщеній; а такъ какъ помѣститься имъ было негдѣ, то они должны были зимовать въ наскоро сдѣланныхъ ихъ же руками землянкахъ. Зимой у нихъ появились

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 331.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 285.

[3]) Тамъ же. На то же самое указываетъ баронъ Гакстгаузенъ. См. Гакстгаузенъ. Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни Россіи, т. I, страница 358.

разныя болѣзни; люди, не привыкшіе къ суровому климату и дурной обстановкѣ, умирали въ большомъ количествѣ, въ особенности дѣти. Весною самовольно вернувшись въ родное село, крестьяне говорили, что они оставили въ Оренбургской губ. „болѣе половины своихъ родныхъ зарытыми въ могилахъ". Въ отвѣтъ на уговариванія уѣзднаго предводителя дворянства вернуться на земли ихъ новаго владѣльца, старики съ какимъ-то отчаяніемъ и рѣшимостью заявляли: „чтобы всѣмъ намъ помирати, такъ лучше дѣлайте съ нами, что хотите, а мы волей туда не пойдемъ". По приказанію губернатора, этихъ крестьянъ разыскивали по сосѣднимъ селамъ, ловили въ лѣсахъ и по мѣрѣ сбора отправляли по этапу въ Оренбургскую губернію [1]).

Крѣпостное право въ развитомъ состояніи очень близко подходило къ рабовладѣнію. Однимъ изъ сильнѣйшихъ признаковъ почти полнаго сліянія понятія крѣпостного и раба служило право помѣщика на куплю и продажу крѣпостныхъ. Помѣщики торговали своими крѣпостными, продавали ихъ съ землею и безъ земли, цѣлыми имѣніями и въ розницу, раздѣляя семьи, отрывая дочерей и сыновей отъ родителей, и т. д. Крестьянъ вывозили на ярмарки, публиковали объ ихъ продажѣ въ газетахъ, продавали съ молотка за частные и казенные долги.

Борьба правительства съ этою принадлежностью крѣпостного права началась съ XVIII вѣка, хотя его мѣропріятія были очень неопредѣленны и нерѣшительны. Еще въ 1771 г. запрещена была продажа крестьянъ безъ земли съ молотка. Въ 1792 г. было разъяснено, что продавать крестьянъ съ аукціона можно, но безъ употребленія молотка. Въ 1798 г. было

---

[1]) Н. Рѣшетовъ. «Дѣла давно минувшихъ дней». Русскій Архивъ, 1886 г. т. I, стр. 212—217.

постановлено, что крестьяне, при взысканіи казенныхъ долговъ, не могутъ быть продаваемы съ публичнаго торга, а должны отписываться въ казну съ зачетомъ долга по оцѣнкѣ получаемаго съ нихъ дохода [1]). Наконецъ, въ 1833 г. было постановлено не принимать въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ крѣпостныхъ безъ земли, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ; при взысканіи же частныхъ долговъ, совершенныхъ подъ обезпеченіе крѣпостными безъ земли до этого узаконенія, было постановлено зачислять такихъ крѣпостныхъ безъ раздробленія семействъ въ казенное вѣдомство, выдавая кому слѣдуетъ изъ казны по 300 руб. за каждую ревизскую душу мужескаго пола и по 150 руб. за ревизскую душу женскаго пола. Этимъ же закономъ запрещалась продажа крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли, съ раздробленіемъ семействъ. Такъ какъ торговля людьми происходила на рынкахъ, такъ что, напримѣръ, еще въ 1807 г. на Урюпинскую ярмарку привозились скованные люди для продажи ихъ въ розницу, то въ 1808 г. запрещено было продавать крѣпостныхъ на ярмаркахъ и торгахъ. Запрещенія мало дѣйствовали, и продажа людей на ярмаркахъ продолжалась. Въ 1822 г. было запрещено печатать публикаціи о продажѣ людей безъ земли, но онѣ продолжались печататься подъ видомъ публикаціи объ отдачѣ крѣпостныхъ въ услуженіе.

Передъ раскрѣпощеніемъ крестьянъ законъ такимъ образомъ регулировалъ продажу и покупку крѣпостныхъ. Въ IX т. Св. зак., изд. 1857 г., право продавать и покупать крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли, предоставлено только потомственнымъ дворянамъ, при томъ только тѣмъ изъ нихъ, которые владѣютъ населенными имѣніями (ст. 1069). Безусловно запре-

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 549.

щена продажа крѣпостныхъ гражданамъ Финляндіи и чиновникамъ земли Войска Донскаго, для переселенія ихъ на войсковыя земли (ст. 1085). За этими ограниченіями дозволялась продажа какъ цѣлыми имѣніями, такъ и отдѣльными семьями. Помѣщикъ могъ продавать какъ лично, такъ и черезъ другихъ лицъ по довѣренности, но послѣднюю онъ не могъ выдавать лицамъ, не имѣющимъ дворянскихъ правъ на продажу и покупку крѣпостныхъ безъ земли (ст. 1071); при покупкѣ же и продажѣ крѣпостныхъ съ землею дозволялось выдавать всякому лицу безъ ограниченія (ст. 1072). Запрещались (1822 г.) публикаціи о продажѣ людей въ розницу безъ земли; запрещалась продажа на ярмаркахъ и торгахъ поименно и безъ земли (ст. 1062). Въ Малороссіи продажа крестьянъ безъ земли была запрещена еще въ 1798 г.

Конечно, на практикѣ происходили различные обходы всѣхъ этихъ узаконеній. Особенно часто прибѣгали къ продажѣ подъ видомъ отдачи крѣпостныхъ въ услуженіе, хотя въ 1824 г. послѣдовало ограниченіе и этого права путемъ запрещенія отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть ими. Но это запрещеніе мало повліяло на положеніе дѣлъ. Отдача крѣпостныхъ на заработки процвѣтала въ лѣвобережной Малороссіи. Въ правобережной Малороссіи было очень сильно развито воздѣлываніе свекловицы. Фабриканты, какъ свидѣтельствуетъ Самаринъ, посылали евреевъ за Днѣпръ „подряжать людей у помѣщиковъ, помѣщики вербуютъ ихъ сотнями, забираютъ за нихъ деньги и отпускаютъ ихъ безъ продовольствія и теплой одежды. Въ случаѣ бѣгства съ дороги ихъ бьютъ и возвращаютъ обратно...“ Эти бѣлые негры, пришедши на мѣсто, томятся болѣзнями, умираютъ десятками, то-

скуютъ и бѣгутъ толпами [1]). Нѣкоторые помѣщики дѣлали особый промыселъ изъ торговли людьми. Нѣкій Ч—ій „купилъ близъ Саратова земельный участокъ и занялся тѣмъ, что завязалъ сношенія съ управляющими имѣній крупныхъ помѣщиковъ, которые въ нихъ никогда не заглядывали, и скупалъ крестьянскихъ дѣтей-сиротъ, выращивалъ ихъ у себя и, по достиженіи извѣстнаго возраста, продавалъ дѣвокъ въ замужество для крестьянъ, а мужчинъ ставилъ внѣ очереди въ рекруты или представлялъ для заселенія Сибири, за что тогда казна выдавала по 300 р. за человѣка“ [2]).

Особенно часто практиковалась незаконная торговля людьми при продажѣ ихъ въ рекруты. Продажа крѣпостныхъ для поставки ихъ въ рекруты была прямо позволена закономъ 1717 и 1720 гг. Съ тѣхъ поръ подобная торговля сильно развилась, такъ что со второй половины XVIII вѣка послѣдовали запрещенія. Въ 1766 г. запрещено было совершать купчія на взрослыхъ крѣпостныхъ за три мѣсяца до рекрутскихъ наборовъ, но отпускъ ихъ на волю для приписки къ казеннымъ селеніямъ былъ разрѣшенъ закономъ 1792 г. Затѣмъ въ 1804 г. велѣно принимать крѣпостныхъ въ рекруты не ранѣе, какъ черезъ три года по совершеніи купчей. Но обходы этихъ законовъ совершались очень свободно, и продажа охотниковъ въ рекруты процвѣтала. Такъ, напримѣръ, въ 1840 году въ Курскую губернію нѣкій мѣщанинъ привезъ изъ Москвы 22 человѣка для продажи въ рекруты [3]). Торговлею занимались даже чиновники: Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ его время въ Калужскую губернію часто пріѣзжалъ чиновникъ изъ Москвы, торговавшій охотниками, конечно,

---

[1]) Самаринъ. Сочиненія, т. V.

[2]) В. А. Шомпулевъ. «Провинціальные типы 40-хъ гг.». Русская Старина, 1898 г. августъ, стр. 335.

[3]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 293.

изъ помѣщичьихъ крестьянъ [1]). Помѣщичьи крестьяне также покупали за себя охотниковъ, выплачивая нерѣдко громадныя деньги и передавая квитанцію помѣщику [2]). Покупка рекрута обходилась крестьянину нерѣдко до 2000 руб., такъ какъ 1000 или 1500 рублей приходилось платить помѣщику, около 500—600 руб. давалось охотнику, да еще угощенія и задабриванія послѣдняго стоили дорого, такъ какъ до сдачи въ рекруты охотникъ гулялъ во-всю и сорилъ деньгами. Отпускная давалась охотнику нерѣдко за нѣсколько дней или, какъ полагалось по закону, за шесть мѣсяцевъ, но въ такихъ случаяхъ отпускная обыкновенно не показывалась предназначенному къ сдачѣ въ рекруты. Послѣдній нерѣдко узнавалъ о своей вольности только въ рекрутскомъ присутствіи. Его приводили сюда сильно возбужденнаго, какъ бы отуманеннаго; подкупленный чиновникъ обыкновенно небрежно спрашивалъ его, идетъ ли онъ охотою; крестьянинъ, слыша постоянно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что онъ охотникъ, почти безсознательно отвѣчалъ утвердительно, и несчастному забривали лобъ. Если вспомнить всю тяжесть солдатской службы въ то время, названіе „несчастнаго“ вполнѣ приложимо здѣсь, и вполнѣ понятны всѣ лишенія, всѣ затраты, которыя производились крестьянами для того, чтобы избавиться отъ воинской повинности.

По закону, помѣщикъ долженъ былъ самъ поставлять рекрутъ, при чемъ помѣщики, имѣвшіе менѣе 20 душъ, участвовали въ рекрутчинѣ лишь деньгами, а не натурою. Помѣщики пользовались сдачею въ рекруты для того, чтобы удалить изъ имѣнія неудобные для себя въ томъ или другомъ отношеніи элементы.

---

[1]) Тамъ же, стр. 293.

[2]) Самаринъ, т. II, стр. 40.

Помѣщица Орловской губ. Черникова писала своему бурмистру, чтобы въ рекруты „выбирали самыхъ отпѣтыхъ, ненадежныхъ, питьемъ балующихъ, бѣглыхъ, чѣмъ либо подмѣченныхъ, и чтобы между ними не попало хорошаго, трезваго человѣка... Обо всѣхъ выбранныхъ въ рекруты отпиши ко мнѣ и дай доказательство, что эти люди—дурные люди, и что выбраны они не по нападкамъ міра“ [1]). Другой помѣщикъ отдавалъ въ рекруты тѣхъ крѣпостныхъ, въ которыхъ особенно рѣзко сказывалось отрицательное отношеніе къ господской власти [2]). Иные помѣщики сдавали крестьянъ въ рекруты за малѣйшія провинности, иногда даже для того, чтобы избавиться отъ мужа понравившейся имъ молодухи.

Вообще крестьяне были почти совсѣмъ безправными личностями. Они были отданы подъ власть помѣщика, а государство для нихъ какъ бы не существовало.—Еще указомъ 1741 г. крѣпостные были устранены отъ присяги государю. Какъ уже было отмѣчено, за государственные платежи и рекрутскую повинность отвѣчалъ помѣщикъ. По уложенію 1845 г. возмущеніе крестьянъ и дворовыхъ противъ помѣщиковъ, управляющихъ, волостныхъ и общественныхъ управленій приравнивалось къ возстанію противъ властей, правительствомъ установленныхъ, и виновные въ немъ должны были подвергаться наказаніямъ, назначеннымъ за это послѣднее преступленіе [3]). Еще въ 1767 г. крестьянамъ было запрещено подавать жалобы и челобитныя на помѣщиковъ подъ угрозою наказанія кну-

---

[1]) «Приказъ помѣщицы Черниковой о выборѣ рекрутъ», Орелъ 1817 г. «Русская Старина», 1896 г., іюль, стр. 82.

[2]) Воспоминанія, мысли и признанія доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина, «Русская Старина», 1895 года, іюль, стр. 115—116.

[3]) Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 565.

томъ и безсрочной ссылки въ Нерчинскъ на каторжныя работы. Это наказаніе постепенно смягчалось, но и по Уложенію 1845 г. крѣпостные за подачу жалобы на помѣщика подвергались наказанію розгами до пятидесяти ударовъ.

Этими постановленіями крестьянинъ лишался гражданскихъ правъ, становился совершенно оторваннымъ отъ государства и отданнымъ подъ власть помѣщика; правительство лишь косвенно заботилось объ его благосостояніи, смотря на крестьянъ какъ на платежную силу, необходимую для существованія государства, такъ какъ помѣщичьи крестьяне такъ же, какъ и остальные, платили государственныя подати и исполняли повинности, необходимыя для государства: рекрутскую, подорожную и т. п. Крестьянинъ долженъ былъ безусловно повиноваться владѣльцу во всемъ, что не противорѣчитъ обще-государственнымъ узаконеніямъ, платить оброки и исполнять работы и всякаго рода повинности, налагаемыя на него помѣщикомъ.

Крестьянинъ не имѣлъ права собственности какъ на недвижимое, такъ и на движимое имущество. Крестьяне могли пріобрѣтать недвижимую собственность лишь на имя помѣщика, что практиковалось до самой реформы. Но такія сдѣлки неминуемо вели къ злоупотребленіямъ, такъ какъ помѣщики могли безнаказанно присвоить себѣ имущество крѣпостного, а послѣдній не имѣлъ никакого права оспаривать подобное присвоеніе чужой собственности.—Законъ 1848 г. дозволилъ крестьянамъ покупать недвижимое имущество на свое имя, но лишь съ *согласія помѣщика*. Кромѣ того, самое право было не безусловное и вело къ злоупотребленіямъ въ силу существующихъ узаконеній. Такъ, помѣщикъ имѣлъ право запретить крестьянину отчуждать его собственность; крѣпостной не былъ свободенъ въ защитѣ своего имущества, такъ какъ онъ могъ начать искъ лишь

съ дозволенія помѣщика. Самое пріобрѣтеніе на имя крѣпостного не обезпечивало въ цѣлости его имущества отъ посягательства помѣщика, такъ какъ крѣпостной не имѣлъ права иска противъ своего господина.

Вообще злоупотребленія, касающіяся присвоенія недвижимаго имущества крестьянина его господиномъ, были многочисленны въ крѣпостное время. Несмотря на позволеніе крестьянамъ покупать на свое имя недвижимое имущество, крѣпостные до самаго паденія крѣпостного права обыкновенно пріобрѣтали его на имя господина, и, если помѣщикъ раззорялся, имущество крестьянъ шло на уплату его долговъ [1]). Здѣсь можно привести характерный случай съ крестьянами графа Панина, которому пришлось играть важную роль при выработкѣ Положенія 19 февраля. Въ Ригѣ жило нѣсколько семействъ его крестьянъ, занимавшихся огородничествомъ на мѣстахъ, купленныхъ ими на собственныя деньги, но на имя Панина. Когда эти мѣста понадобились казнѣ при постройкѣ желѣзной дороги, правленіе обратилось къ Панину съ запросомъ о размѣрѣ вознагражденія за эти земли. Панинъ, въ порывѣ великодушія, отдалъ земли, пріобрѣтенныя трудами другихъ лицъ, даромъ [2]). Впрочемъ, нѣкоторые господа признавали имущественныя сдѣлки своихъ крестьянъ. Такъ, напримѣръ, поступалъ гр. Шереметевъ, при чемъ въ пользу графа поступалъ извѣстный процентъ стоимости пріобрѣтеннаго или проданнаго крестьянами имущества. Однако, тотъ же Шереметевъ поступилъ и иначе. Многими его крестьянами были куплены сотни десятинъ. „Всѣ эти земли въ 1850 г. онъ отобралъ отъ крестьянъ вмѣстѣ съ документами и на одной

---

[1]) Самаринъ. соч., т. II, стр. 40—41, примѣчаніе.

[2]) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ, т. III, стр. 87.

части земель поселилъ дер. Антеневку, крестьянамъ же зачелъ за отобранную землю не болѣе, какъ 0,01 ея стоимости въ оброкъ" [1]).

Какъ мы видѣли уже, право крестьянъ на землю признавалось закономъ не прямо, а косвенно.

Крестьянинъ не могъ уходить изъ имѣнія безъ разрѣшенія господина, переходить въ другія сословія, поступать въ военную службу, не былъ воленъ въ выборѣ занятій; даже въ брачной жизни онъ не былъ свободенъ, такъ какъ не могъ вступать въ бракъ безъ дозволенія владѣльца, вслѣдствіе чего происходила масса злоупотребленій. Каждый шагъ крѣпостного человѣка зависѣлъ отъ доброй воли господина: онъ могъ дать относительную свободу крестьянину, могъ регулировать и слѣдить за каждымъ его шагомъ, распоряжаться его личностью, что особенно сильно проявлялось въ виду широкой вотчинной судебной власти помѣщика. Общимъ судамъ крестьянинъ былъ подчиненъ лишь по уголовнымъ дѣламъ и отчасти въ дѣлахъ гражданскихъ, при спорахъ о неправильномъ присвоеніи имущества между нимъ и посторонними лицами, хотя самый искъ со своей стороны крѣпостной могъ начинать лишь съ разрѣшенія помѣщика. Помѣщики являлись по закону ходатаями по дѣламъ своихъ крѣпостныхъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Въ 1842 г. былъ изданъ законъ въ пользу крѣпостныхъ относительно удовлетворенія ихъ за обиды, при чемъ они были сравнены въ этомъ отношеніи съ государственными крестьянами.

Крестьянинъ не имѣлъ права на образованіе и здѣсь опять-таки зависѣлъ отъ воли помѣщика. Мало того, рескриптомъ 1827 г. государя министру внутреннихъ

---

[1]) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III; ст. Снѣжневскаго: Крѣпостные крестьяне и помѣщики нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19-го февраля и первые годы послѣ нея. Стр. 69.

дѣлъ Ланскому запрещалось отдавать крѣпостныхъ въ гимназіи и университеты, а разрѣшалось обучать ихъ лишь въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, также въ частныхъ заведеніяхъ хозяйству, садоводству, ремесламъ, если программа этихъ заведеній была не выше программы уѣздныхъ училищъ [1]).

Безправность, экономическая эксплуатація и притѣсненія крестьянъ помѣщиками не могли бы проявляться въ той степени, въ какой они существовали въ дѣйствительности, если бы помѣщики не имѣли права вотчиннаго суда надъ крѣпостными. Эта полицейская власть давала имъ возможность эксплуатировать рабочія силы крестьянъ подъ страхомъ суровыхъ наказаній. Присматриваясь къ отношенію закона къ помѣщичьей судебной и полицейской власти, можно замѣтить, что положеніе крестьянъ, въ которое они были поставлены въ судебномъ и полицейскомъ отношеніи къ помѣщику, было ужасно по своей безправности, жестокости. Но уже самый фактъ опредѣленія въ Св. зак. изд. 1857 г. наказаній, которыя могъ налагать помѣщикъ на крестьянъ, показываетъ, что правительство вступило на путь регламентаціи права наказанія помѣщиками крѣпостныхъ, а идя по этому пути, оно должно было притти къ необходимости тщательнѣе регулировать вотчинную судебную власть помѣщика. Въ Св. Зак. власти помѣщика положены хотя крайне широкія, но все же хоть какія нибудь границы.

Право вотчиннаго суда надъ крѣпостными было не опредѣленно до составленія Св. Законовъ. Единственный видъ наказанія, регламентаціей котораго занималось правительство еще въ XVIII вѣкѣ, было право ссылки въ Сибирь. Такое вниманіе къ этому роду наказаній нужно объяснить тѣмъ, что самая ссылка въ Сибирь

---

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 564.

была разрѣшена въ 1760 г. въ виду государственныхъ интересовъ, „понеже", говорится въ указѣ, „въ Сибирской губерніи и въ Иркутской провинціи Нерчинскаго уѣзда состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству удобныя мѣста, которыя къ заселенію государственный интересъ требуетъ" [1]). Помѣщикамъ было дано право ссылать за различные проступки, лишь бы ссылаемые крестьяне были годны къ работѣ и не старѣе 45-ти лѣтъ. Помѣщикъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію. Съ ссылаемымъ отпускалась жена; малолѣтнихъ же дѣтей помѣщикъ могъ оставить при себѣ. За жену и дѣтей помѣщикъ получалъ опредѣленное закономъ вознагражденіе.

Не буду останавливаться на исторіи ограниченій и расширеній этого права помѣщиковъ. Такъ, въ 1773 году пріемъ въ зачетъ рекрутъ былъ пріостановленъ, но черезъ полтора года опять велѣно было по прежнему отправлять въ Сибирь осужденныхъ въ ссылку. Подтвержденное Павломъ I право ссылки было пріостановлено при Александрѣ I, но разрѣшено въ 1822 г., а въ 1824 г. было уничтожено даже ограниченіе этого права годностью къ работѣ и 45-лѣтнимъ возрастомъ. Наконецъ, въ 1827 г. былъ опредѣленъ предѣльный возрастъ въ 50 лѣтъ, если только ссылаемые не были дряхлы или увѣчны; разлучать супруговъ не разрѣшалось, и повелѣвалось отпускать съ родителями дѣтей мужескаго пола до пяти, а женскаго пола до десяти лѣтъ; помѣщикъ обязывался снабжать пересылаемыхъ кормовыми деньгами и одеждой до Тобольска, платя за нихъ подати до новой ревизіи. Порядокъ же при переселеніи былъ слѣдующій: помѣщикъ представлялъ пересылаемыхъ въ губернское правленіе при прошеніи, съ приложеніемъ

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 286.

свидѣтельства уѣзднаго предводителя и земскаго суда въ томъ, что пересылаемые дѣйствительно принадлежатъ ему, имѣютъ извѣстныя лѣта и не состоятъ въ торговыхъ дѣлахъ по дозволенію помѣщика. Но и на этомъ не остановилось законодательство, и въ 1831 г. было постановлено: крѣпостныхъ, наказанныхъ по судебному приговору, въ случаѣ нежеланія помѣщика принять ихъ обратно, ссылать въ Сибирь на поселеніе, даже въ возрастѣ выше 50-ти лѣтъ. Въ 1846 г. было прямо разрѣшено ссылать крѣпостныхъ старше 50-ти лѣтъ, лишь бы было доказано, что они были въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, въ одной изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, хотя помѣщикъ въ такихъ случаяхъ обязывался внести,—сверхъ кормовыхъ денегъ и одежды,—сумму, равную положенной въ той губерніи для письма крѣпостей за каждую ревизскую душу. Изъ ссылаемыхъ же въ Сибирь губернское правленіе годныхъ къ военной службѣ опредѣляло на военную службу, а негодныхъ отправляло въ Сибирь.—Крѣпостные ссылались въ большомъ количествѣ: въ періодъ отъ 1822 по 1833 г. количество сосланныхъ равнялось 1283 человѣкамъ. Переселенцы отправлялись по большей части въ оковахъ. Условія ихъ пересылки были такъ ужасны, что множество ихъ умирало по дорогѣ, не доѣхавъ до мѣста назначенія. Право ссылки было еще тѣмъ жестоко, что въ законѣ не было опредѣлено, за какія провинности помѣщикъ имѣлъ право сослать своего крѣпостного въ Сибирь, а губернское правленіе не должно было входить въ выясненіе причинъ ссылки человѣка при представленіи ему таковаго помѣщикомъ. Такимъ образомъ, единственнымъ ограниченіемъ произвола помѣщика была личная невыгода лишиться рабочей силы.

Въ числѣ малочисленныхъ ограниченій вотчинной власти нужно отмѣтить изданное въ 1854 г. запреще-

ніе помѣщикамъ предоставлять въ общихъ довѣренностяхъ управителямъ право навсегда удалять крестьянъ изъ имѣнія и отдавать ихъ въ рекруты, но дозволено уполномочивать на это управителя или кого либо другого въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ упоминаніемъ лица, подвергаемаго наказанію [1]). Но за то, съ другой стороны, еще въ 1847 г. было дозволено помѣщикамъ удалять изъ своихъ имѣній несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ людей „порочнаго поведенія" 8—17-ти лѣтняго возраста, отдавая ихъ на общемъ основаніи въ распоряженіе губернскаго правленія; мальчики распредѣлялись обыкновенно по батальонамъ военныхъ кантонистовъ, а дѣвочекъ отдавали въ палату государственныхъ имуществъ для распредѣленія по казеннымъ селеніямъ въ отдаленныхъ отъ мѣста жительства уѣздахъ [2]).

Право вотчиннаго суда признавалось правительствомъ еще въ началѣ XVIII вѣка какъ существующій фактъ. Въ Св. Зак., изд. 1833 г., вотчинная судебная власть уже опредѣлялась. Помѣщику предоставлялось право для поддержанія порядка и повиновенія среди крестьянъ употреблять домашнія средства исправленія и наказанія *по его усмотрѣнію*, лишь бы только не было увѣчья и опасности для жизни. Въ случаѣ нежеланія владѣльца употреблять свою власть или при безуспѣшности налагаемыхъ наказаній, помѣщикъ имѣлъ право просить законнаго содѣйствія администраціи. За полицейскіе проступки противъ помѣщика крѣпостные могли подвергаться или полицейскому наказанію съ возвращеніемъ обратно къ владѣльцу, или заключенію въ смирительныхъ или рабочихъ домахъ *на срокъ самимъ владѣльцемъ опредѣленный* [3]). Какъ видно

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 560—561.
[2]) Тамъ же, стр. 558.
[3]) Тамъ же, стр. 561.

изъ этого опредѣленія, закономъ открывался путь къ полному произволу помѣщика надъ личностью крѣпостного. Наказанія опредѣлялись по личному вкусу и воззрѣнію помѣщика.

Законодательство въ своихъ дальнѣйшихъ постановленіяхъ, регламентируя роды и виды наказаній крѣпостныхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ухудшило положеніе крестьянъ, такъ какъ закрѣпило буквою закона нѣкоторыя изъ крайностей проявленія вотчинной судебной власти, которыя существовали въ жизни. Ко времени же второго изданія Свода законовъ и составленія Уложенія 1845 г. роды и мѣры наказаній приводятся въ систему и опредѣляются точнѣе, что осталось безъ измѣненія и въ третьемъ изданія Св. Зак. въ 1857 г. Тѣ изъ проступковъ и преступленій крѣпостныхъ, говорится тамъ, которыя не подвергаютъ ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и совершаются противъ помѣщика, семьи его или противъ его крѣпостныхъ, подлежатъ расправѣ самого помѣщика; въ случаѣ нежеланія послѣдняго употребить предоставленное ему закономъ право суда или же признанія съ его стороны, что виновный заслуживаетъ наказанія болѣе строгаго, виновный отсылается „въ полицію или судъ для разсмотрѣнія дѣла и поступленія съ нимъ по правиламъ уложенія о наказаніяхъ“. Если проступокъ или преступленіе совершено противъ посторонняго лица, то обидѣвшій подвергается суду помѣщика лишь по просьбѣ самого обиженнаго; въ противномъ случаѣ, т. е. если жалоба обиженнаго поступитъ прямо къ мѣстному начальству, дѣла этого рода разсматриваются въ полицейскихъ и судебныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи. Закономъ былъ опредѣленъ размѣръ и родъ наказаній, а именно: „наказанію *розгами* можно было подвергать до 40, а *палками* до 15-ти ударовъ; затѣмъ аресту въ *сельской тюрьмѣ* отъ 1—7 дней, а въ случаяхъ осо-

бой важности до двухъ мѣсяцевъ, „сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія установленными“ [1]). За преступленія болѣе важныя, или когда мѣры домашняго исправленія оказывались тщетными, помѣщикъ имѣлъ право отсылать крѣпостныхъ въ рабочіе или смирительные дома на время отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ или въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на срокъ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ. Помѣщикъ имѣлъ право отдавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты или удалять изъ имѣній съ предоставленіемъ въ распоряженіе гражданскаго вѣдомства [2]). Хотя эти постановленія жестоки, но они въ извѣстной мѣрѣ кладутъ уже предѣлъ помѣщичьему произволу. Ухудшеніе было въ оффиціальномъ признаніи сельской тюрьмы съ правомъ, для предупрежденія побѣга, заковывать въ кандалы, такъ какъ это значилось въ 87-й ст. устава о содержащихся подъ стражею, что̀ по закону распространялось и на сельскія тюрьмы. Такое признаніе закономъ возмутительныхъ фактовъ практики помѣщичьей судебной расправы могло справедливо возмущать передовыхъ людей. Но напрасно говоритъ Самаринъ, что практика отстала отъ закона, и помѣщики не смѣютъ заводить у себя тюрьмы, забивать людей въ кандалы и т. д. [3]). Ниже мы встрѣтимся съ фактами именно этого рода.

По этимъ очень краткимъ и неполнымъ опредѣленіямъ права помѣщиковъ надъ личностью ихъ крѣпостныхъ можно видѣть, что самый законъ предоставлялъ широкій просторъ произволу господъ надъ ихъ крѣпостными. При подкупности и продажности чиновниковъ и солидарности дворянъ, даже и тѣ ничтожныя и

---

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 562.
[2]) Романовичъ-Славатинскій, стр. 291.
[3]) Самаринъ, т. II, стр. 72.

малочисленныя гарантіи личности крѣпостныхъ, какія существовали въ нашемъ законодательствѣ, обыкновенно игнорировались на практикѣ.

Этому способствовало и то обстоятельство, что въ законѣ очень слабо указана отвѣтственность помѣщиковъ за неисполненіе постановленій, регулирующихъ взаимныя отношенія помѣщика и крѣпостныхъ. Прежде всего нужно отмѣтить, что въ законѣ не было опредѣленной мѣры наказанія за смертоубійство истязаніями при наказаніи, какъ это и было признано самимъ сенатомъ еще въ 1762 г. Поэтому „наказанія помѣщиковъ" за подобныя преступленія были крайне разнообразны, начиная отъ „преданія дѣла волѣ Божіей" и церковнаго покаянія до заключенія въ монастырь, въ тюрьму, лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Сибирь на поселеніе или въ каторжную работу. Впрочемъ, въ Уложеніи о наказаніяхъ 1845 г. говорится: „Если отъ нанесенныхъ не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій причинится кому либо смерть, то виновный въ томъ приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ отъ одного до трехъ лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ или къ заключенію въ тюрьмѣ отъ шести мѣсяцевъ до одного года и предается церковному покаянію".—За раззореніе крѣпостныхъ помѣщиками на имѣніе налагалась опека. По Уложенію о наказаніяхъ 1845 г., если виною помѣщика, черезъ обремененіе населенія безмѣрными сборами или иными также непомѣрными тягостями, имѣніе будетъ доведено до раззоренія, то какъ это, такъ и другія имѣнія того же помѣщика брались въ опеку, и помѣщику воспрещалось какъ личное, такъ и отдача кому либо въ управленіе или владѣніе, „развѣ чрезъ продажу, законно совершенную". Сверхъ того помѣщикъ навсегда лишался

права участвовать въ дворянскихъ выборахъ [1]).—При изобличеніи помѣщика въ жестокости налагалась опека надъ всѣми его имѣніями; помѣщикъ лишался права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ и подвергался заключенію въ смирительномъ домѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (права поступать на государственную и общественную службу, участвовать въ выборахъ и пр.), или же, безъ лишенія этихъ правъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года [2]). Какъ видно уже изъ этихъ отрывочныхъ указаній, наказанія не могли быть особенно страшными для помѣщиковъ и останавливать ихъ эксплуатацію крѣпостныхъ.

Еще яснѣе обнаруживается возможность злоупотребленій при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣмъ, какъ могли они выплывать наружу и доходить до свѣдѣнія начальства.—Еще Петръ I поручалъ земскимъ коммиссарамъ наблюдать за помѣщиками и доносить объ этомъ воеводамъ, которые производили слѣдствіе и, въ случаѣ раззоренія помѣщикомъ имѣнія, брали его подъ началъ [3]). При Екатеринѣ II злоупотребленія должны были раскрываться земскою полиціею. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ раскрытіе преступленій могло происходить очень рѣдко, такъ какъ земскіе коммиссары и земская полиція сами зависѣли отъ помѣщиковъ. Не лучше обстояло дѣло и въ XIX вѣкѣ. По закону 1817 г. назначеніе опеки надъ помѣщиками зависѣло отъ генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ,—отъ дворянскихъ собраній. Въ 1829 г. правила были изложены точнѣе: начальники губерніи постановляли наложить опеку надъ тѣмъ или другимъ

---

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 548.
[2]) Тамъ же, стр. 563.
[3]) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 345.

имѣніемъ, но свое постановленіе предлагали для обсужденія дворянскому сословію. Если послѣднее не было согласно съ начальникомъ губерніи, тогда оба мнѣнія вносились для окончательнаго рѣшенія въ сенатъ. Рескриптами Николая I министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому поставлялось дворянству въ непремѣнную обязанность кроткое и законное обращеніе съ крестьянами. На предводителей дворянства была возложена обязанность наблюдать за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ подъ угрозою взысканія за неисполненіе этой обязанности. Предводители, говорилось въ рескриптахъ, должны тайно, безъ всякаго письменнаго дѣлопроизводства, слѣдить за обращеніемъ помѣщиковъ съ крѣпостными; земскіе исправники обязаны были сообщать имъ всѣ случаи нарушенія помѣщичьей власти. Предводитель, удостовѣрившись въ правильности донесенія исправника, сначала внушалъ помѣщику необходимость перемѣны въ обращеніи съ крѣпостными; если это внушеніе не достигало цѣли, тогда предводитель обращался съ донесеніемъ къ начальнику губерніи, затѣмъ уже имѣніе бралось въ опеку [1]). Предводителямъ пересылались для разслѣдованія жалобы крестьянъ на помѣщиковъ.

При разсмотрѣніи самой организаціи раскрытія злоупотребленій бросается въ глаза ея главнѣйшій недостатокъ, а именно:—слѣдить за злоупотребленіями помѣщичьей властью было предоставлено самимъ дворянамъ. Иначе нельзя охарактеризовать систему, которою обнаруживать злоупотребленія и производить разслѣдованія ихъ по донесеніямъ исправниковъ и жалобамъ крестьянъ поручалось выборному лицу отъ того же самаго дворянства, слѣдить за поведеніемъ котораго оно было обязано передъ закономъ. Связанные

[1]) Тамъ же, стр. 348—349.

сословными и экономическими интересами, а зачастую и родственными связями съ окружающимъ дворянствомъ, предводители, „по обязанности своей выборныхъ отъ сословія поддерживали помѣщичью власть, и при томъ настолько, что, руководствуясь взглядомъ обѣлять всякаго, кто носилъ званіе дворянина,—взглядомъ чисто-дворянскимъ,—очень часто грѣшили противъ истины въ разслѣдованіи дѣла, придавая ему односторонній характеръ“ [1]). Иногда предводители умышленно не видѣли злоупотребленій, считая обнаруженіе злоупотребленій и наказаніе за нихъ подрывомъ авторитета помѣщиковъ передъ крестьянами. Иногда, впрочемъ, предводители не обнаруживали злоупотребленій неумышленно, въ силу привычки къ злоупотребленіямъ, по взгляду на нихъ, какъ на обычное явленіе въ крѣпостномъ хозяйствѣ. Но, каковы бы ни были причины, по которымъ предводители оказывались не на высотѣ положенія, въ которое были поставлены закономъ, фактъ былъ тотъ, что въ большинствѣ случаевъ предводители дворянства давали отзывы въ пользу помѣщиковъ.

Другія лица, обязанныя по закону доносить и разслѣдовать дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, также находились въ зависимости отъ дворянства. Исправники, судьи и засѣдатели земскаго суда избирались самими помѣщиками и состояли большею частью у нихъ на тайномъ жалованьѣ. Такъ, „Скопинскій предводитель дворянства (Рязанской губ.), Лихаревъ, сдѣлалъ въ пользу судьи Бѣгичева подписку отъ дворянъ на его содержаніе, что́ и обратилось въ обязательство подписавшихся уплачивать подписныя деньги ежегодно на все время службы; подписныя суммы были отъ трехъ

[1]) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. 1896 г., т. XI, вып.2. См. ст. Повалишина: «Жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крѣпостными», стр. 113.

до 50 р., общее количество — 523 р.“ Приношенія были уничтожены по разъясненію дѣла министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1858 г. [1]). Подкупы распространялись на всѣхъ лицъ, ведшихъ слѣдствіе. На это указываютъ многіе факты. Помѣщикъ Смоленской губ., Каленовъ, нѣсколько разъ привлекавшійся къ суду по поводу жестокаго обращенія съ крѣпостными, самъ разсказывалъ, что при веденіи слѣдствія онъ, „какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, встрѣчалъ жандармскаго полковника у заставы, пересаживалъ его въ свою коляску, запряженную шестерикомъ, отвозилъ въ Александрино (свое имѣніе) и, послѣ нѣсколькихъ пріятно проведенныхъ дней, полковникъ уѣзжалъ, не собравъ никакихъ неблагопріятныхъ для Каленова фактовъ“ [2]). Такъ, ревизія, назначенная по дѣлу о злоупотребленіи властью помѣщика Рязанской губ. Горяинова въ виду открытія злоупотребленій земскимъ судомъ и обѣленія его уѣзднымъ, обнаружила слѣдующее. Помѣщикъ Горяиновъ продалъ болѣе 20 человѣкъ своихъ крестьянъ изъ тѣхъ, которые показали противъ него въ земскомъ судѣ, тѣмъ лицамъ, которыя имѣли вліяніе на постановленіе приговора, или родственникамъ ихъ и выдалъ также закладные на 50 тысячъ [3]). Въ другомъ дѣлѣ о смерти отъ истязаній крѣпостного мальчика помѣщика Рязанской губ., „врачъ и засѣдатель пріѣхали, по обыкновенію, черезъ недѣлю, когда тѣло, будучи въ теплой избѣ, достаточно разложилось, признаковъ побоевъ не открыли, хотя бывшіе при осмотрѣ понятые и указывали „на животѣ, ниже пупа, надъ тайнымъ мѣстомъ синія пятна“. На эти замѣчанія стряпчій „съ крикомъ и бранью отвѣчалъ имъ: „развѣ не видите, что бо-

---

[1]) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1896 г., т. XI, вып. 2, стр. 119.

[2]) «Воспоминанія, мысли и признанія доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина». Русская Старина. 1895 г. май, стр. 76.

[3]) Тр. Ряз. Арх. Ком. 1896 г., т. XI, вып. II, стр. 117—118.

лѣзнь его испортила". А когда крестьянинъ Петровъ тоже указывалъ на это мѣсто, то засѣдатель закричалъ на него: „ты здѣсь доказываешь, а недоимки не платишь!" ударилъ его по щекѣ, а по окончаніи осмотра отправилъ въ сарай и велѣлъ выпороть" [1]). Не только въ этомъ дѣлѣ, но и зачастую при разслѣдованіи дѣлъ о смерти крѣпостныхъ отъ истязаній врачи пріѣзжали на вскрытіе тогда, когда тѣло, помѣщаемое обыкновенно въ теплой избѣ, настолько разлагалось, что открытіе причины смерти посредствомъ вскрытія оказывалось невозможнымъ. Если же вскрытіе и производилось немедленно, то обыкновенно находили какую либо болѣзнь, вызвавшую смерть, хотя иногда при вторичномъ разслѣдованіи, даже при бѣгломъ осмотрѣ, обнаруживалось противное.

Помимо подкупа лицъ, ведшихъ разслѣдованіе по дѣламъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, раскрытіе злоупотребленій тормозилось малымъ количествомъ свидѣтелей. Крѣпостные помѣщика, находившагося подъ слѣдствіемъ, боялись показывать противъ господина, такъ какъ, зная, какъ легко барину оправдаться, боялись мести съ его стороны. Ихъ опасенія были не безосновательны. Напримѣръ, помѣщикъ Сухановъ заранѣе приказалъ крестьянамъ, видѣвшимъ и знавшимъ объ истязаніи мальчика, молчать, подъ опасеніемъ „содрать шкуру" за обнаруженіе истины [2]). Помѣщики Рязанской же губ. Польскіе посадили одну дѣвушку на цѣпь, а другую содержали съ рогаткой на шеѣ за то, что онѣ пожаловались предводителю дворянства на жестокое обращеніе съ ними [3]). Впрочемъ, если крѣпостные и свидѣтельствовали противъ помѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 122.
[2]) Тамъ же, 1896 г., т. IX, вып. II.
[3]) Тамъ же, стр. 114

щика, ихъ показаніямъ не давали безусловной вѣры, такъ какъ они могли умышленно усугубить проступокъ помѣщика. Посторонніе крестьяне или ограничивались ссылками на слухи, или отговаривались незнаніемъ, не желая впутываться въ судебную волокиту. Сосѣди помѣщики также отзывались по большей части незнаніемъ, не желая своими показаніями увеличивать отвѣтственность сосѣда, въ положеніи котораго они могли очутиться не сегодня, такъ завтра, а также не желая и подрывать авторитетъ помѣщика въ глазахъ крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ, въ низшихъ инстанціяхъ дѣло обнаруженія злоупотребленій помѣщиковъ сопровождалось такими обстоятельствами, что всѣ стремленія и попытки правительства ограничить помѣщичью власть, предупредить возможныя злоупотребленія, не могли ни къ чему повести. Правительство могло издавать благопріятные для крестьянъ указы и т. п., но при существовавшей организаціи мѣстнаго правительственнаго механизма, при взяточничествѣ чиновниковъ, эти благія намѣренія должны были оставаться мертвою буквою.

Этому благопріятствовало то обстоятельство, что даже чиновники, занимавшіе высшіе посты, какъ, напримѣръ, губернаторы, покровительствовали помѣщикамъ, защищали неограниченность ихъ власти, считая крѣпостное право основою государственнаго порядка. Въ этомъ отношеніи интересенъ эпизодъ съ вышеупомянутымъ Каленовымъ. Приговоренный къ тюремному заключенію по дѣлу о засѣченіи имъ своего крѣпостного, Каленовъ хлопоталъ въ сенатѣ о смягченіи наказанія. Между прочимъ онъ отправился къ одному сенатору, прося его похлопотать объ его дѣлѣ. Каленовъ откровенно изложилъ ему свое дѣло. „Господи Боже мой!“ удивился старичокъ,—„и изъ-за этого нынче безпокоятъ дворянина!

Я вамъ скажу по секрету, что я самъ въ молодости сдѣлалъ то же самое.“ [1])

Такое отношеніе къ злоупотребленіямъ помѣщичьей властью со стороны лицъ, обязанныхъ по закону слѣдить за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ, не ускользало отъ вниманія правительства. Министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно предписывало губернаторамъ ставить на видъ предводителямъ дворянства необходимость раскрывать злоупотребленія помѣщичьей властью. Въ 1840 г., по поводу открытія черезъ слѣдствіе жестокаго обращенія съ крестьянами помѣщика Сводковскаго въ продолженіе почти 25 лѣтъ, былъ сдѣланъ строгій выговоръ могилевскому гражданскому губернатору, губернскому и уѣздному предводителю дворянства; военно-уѣздный начальникъ, земскій исправникъ и становой приставъ преданы уголовному суду. „О таковомъ взысканіи дано знать всѣмъ губернаторамъ, а черезъ нихъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ подтвержденіемъ имѣть болѣе бдительное наблюденіе за образомъ управленія помѣщиками ихъ крестьянъ.“ [2]). Однако въ 1842 г. пришлось опять подтверждать предводителямъ дворянства ихъ обязанность наблюдать за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами и раскрывать злоупотребленія помѣщичьей властью [3]). Въ 1846 г. былъ преданъ суду уѣздный предводитель дворянства Калужской губ. за несвоевременное донесеніе о жестокомъ обращеніи съ крестьянами помѣщика Хитрово. Въ томъ же году были преданы суду по тѣмъ же причинамъ три уѣздныхъ предводителя дворянства Тульской

---

[1]) «Воспоминанія... смоленскаго дворянина». Русская Старина, 1895 г., май, стр. 81.

[2]) Матеріалы для исторіи крѣп. права, стр. 49.

[3]) Тамъ же, стр. 84.

и Орловской губ., и объявленъ строгій выговоръ губернскому предводителю дворянства съ внесеніемъ въ формулярный списокъ; объ этихъ мѣрахъ было сообщено всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства [1]).

Всѣ эти принимаемыя правительствомъ мѣры оставались безъ результата. При указанной выше организаціи раскрытія злоупотребленій помѣщичьей властью, при очерченномъ отношеніи къ помѣщикамъ какъ низшей, такъ и высшей администраціи, крѣпостное право могло принимать на практикѣ тѣ формы, которыя требовались жизнью, независимо отъ закона. Этому благопріятствовала неопредѣленность тѣхъ постановленій, которыми законодательство имѣло въ виду ограничить помѣщичью власть. Крѣпостной крестьянинъ, до самаго освобожденія, былъ по закону безправною личностью, за исключеніемъ ограниченія права вотчиннаго суда по уголовнымъ преступленіямъ, весьма слабаго ограниченія повинностей тѣми рамками, за которыми лежало полное раззореніе крѣпостныхъ, что́ было невыгодно самому правительству, и нѣкоторыми другими ничтожными ограниченіями, которыя, конечно, не принимались во вниманіе въ жизни. При безправности помѣщичьихъ крестьянъ, при недостаточности мѣръ, которыми правительство стремилось урегулировать власть помѣщиковъ надъ крѣпостными, можно смѣло сказать, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ de jure не есть еще положеніе ихъ de facto. Для того, чтобы понять сущность крѣпостныхъ отношеній, то положеніе, въ которомъ находились крестьяне ко времени 1861 года; чтобы выяснить тенденціи, которыя носило въ своемъ развитіи крѣпостное право,—нужно разъяснить фактическое положеніе крѣпостныхъ, къ выясненію котораго я и перейду въ дальнѣйшемъ изложеніи.

---

[1]) Матеріалы для ист. крѣп. права, стр. 153—154.

ГЛАВА II.

Численность крѣпостныхъ предъ освобожденіемъ. — Процентное распредѣленіе ихъ по губерніямъ.—Процентное отношеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ XVIII и XIX вѣкахъ.—Распредѣленіе земли между помѣщиками и крестьянами.—Земельные надѣлы крестьянъ.

Обращаясь къ выясненію фактическаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ, напомнимъ ихъ численность по десятой ревизіи. Изъ 21.625.609 душъ обоего пола (не считая крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ) собственно крестьянъ было 20.158,231 душа обоего пола, а дворовыхъ 1.467,378 душъ обоего пола. Отношеніе численности помѣщичьихъ крестьянъ ко всей массѣ населенія уменьшилось съ XVIII вѣка, а именно: въ періодъ времени съ 1747 по 1837 г. отношеніе это составляло 45%, къ десятой ревизіи эта цифра упала до $37^1/_2$%. Уменьшеніе крѣпостныхъ объясняется прекращеніемъ пожалованій и иныхъ искусственныхъ мѣръ, увеличивающихъ число крѣпостныхъ, постепеннымъ освобожденіемъ нѣкоторой части крестьянъ, переходомъ крѣпостныхъ въ другія сословія (при отбываніи рекрутской повинности, ссылкѣ въ Сибирь и т. п.) [1]). Съ 1812 года и абсолютное количество крѣпостныхъ или стояло на одной высотѣ, или падало.

Распредѣленіе крѣпостной массы было крайне неравномѣрно и сложилось, какъ указываетъ П. Н. Милюковъ, „подъ прямымъ вліяніемъ историческихъ причинъ, среди которыхъ главными можно считать: степень близости къ московскому центру и степень дав-

---

[1]) П. Н. Милюковъ «Крестьяне». Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVI, А., стр. 685. П. Н. Милюковъ указываетъ, въ числѣ прочихъ причинъ, также и на слабость естественнаго прироста, въ виду неблагопріятныхъ условій жизни.

ности заселенія“ [1]). Отсюда и произошло, напримѣръ, скопленіе массы крѣпостного люда въ нечерноземныхъ губерніяхъ на ряду съ рѣдкимъ населеніемъ вообще и малымъ развитіемъ крѣпостного люда въ плодородныхъ, но окраинныхъ губерніяхъ. „Въ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, говоритъ Кавелинъ, заключается, если не единственная, то безспорно одна изъ главнѣйшихъ причинъ неправильнаго распредѣленія сельскаго народонаселенія и искусственнаго направленія его промышленной дѣятельности“ [2]). Это неправильное распредѣленіе крѣпостного населенія можно видѣть изъ таблицы Тройницкаго [3]), который раздѣлилъ всѣ губерніи на четыре группы по процентному количеству въ нихъ крѣпостныхъ.

Изъ этой таблицы видно, что въ I группу входятъ 16 губерній, изъ которыхъ большинство находится въ нечерноземной полосѣ. (Въ ихъ число не попала Московская губернія въ силу того, что въ ней понижающимъ крѣпостной процентъ элементомъ оказывается столичное населеніе; иначе ее нужно было бы отнести къ I группѣ). Въ то же время очевидно, что въ нечерноземной полосѣ земледѣліе не можетъ приносить тѣхъ выгодъ, какъ въ черноземныхъ губерніяхъ, и, при густотѣ населенія, становятся болѣе выгодными промышленныя занятія. Въ силу этой-то причины главнымъ образомъ и замѣчается уже въ XVIII вѣкѣ различіе въ системѣ помѣщичьихъ хозяйствъ на сѣверѣ и на югѣ Россіи. На сѣверѣ преобладала оброчная система, на югѣ, въ черноземныхъ губерніяхъ, напротивъ, преобладали издѣльныя повинности крестьянъ.

---

[1]) Милюковъ. Тамъ же, стр. 685.

[2]) Кавелинъ, сочиненія, т. II, стр. 26.

[3]) Тройницкій, «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи». Спб. 1861 г., стр. 85. Закавказскія губерніи исключены изъ приводимой ниже таблицы, такъ какъ положеніе

Въ виду громадной разницы въ положеніи оброчныхъ и издѣльныхъ крестьянъ, при чемъ положеніе оброчныхъ было несравненно лучше издѣльныхъ, необходимо выяснить, какъ измѣнилась численность тѣхъ и другихъ въ XIX столѣтіи сравнительно съ XVIII вѣкомъ. При сужденіи объ улучшеніи или ухудшеніи положенія крѣпостныхъ по количеству барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ нельзя однако забывать, что въ

крѣпостныхъ этихъ губерній вообще не затрогивается въ нашихъ статьяхъ.

I. *Губерніи съ крѣпостнымъ населеніемъ выше 50%.*

1.	Смоленская	69,07%
2.	Тульская	68,94
3.	Могилевская	64,69
4.	Калужская	61,80
5.	Минская	60,74
6.	Подольская	59,54
7.	Нижегородская	58,97
8.	Владимірская	57,91
9.	Кіевская	57,66
10.	Костромская	57,41
11.	Витебская	57,08
12.	Ярославская	57,07
13.	Волынская	56,54
14.	Рязанская	56.50
15.	Псковская	53,81
16.	Тверская	50,63

II. *Губерніи съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 50—25%.*

17.	Орловская	47,26
18.	Пензенская	46,25
19.	Виленская	45,95
20.	Новгородская	43,07
21.	Гродненская	40,97
22.	Саратовская	40,19
23.	Курская	33,19
24.	Тамбовская	39,87
25.	Московская	38,84
26.	Симбирская	38,83
27.	Черниговская	37,61
28.	Полтавская	37,47
29.	Ковенская	36,90
30.	Пермская	32,21
31.	Донскаго войска земля	31,91
32.	Екатеринославск.	31,51
33.	Херсонская	31.27
34.	Харьковская	29,77
35.	Воронежская	26,94

III. *Губерн. съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 25—10%*

36.	С. Петербургская	24,03
37.	Вологодская	22,89
38.	Самарская	15,32
39.	Казанская	13,89
40.	Оренбургская	11,81

IV. *Губерн. съ крѣпостн. населеніемъ ниже 10%.*

41.	Таврическая	5,97
42.	Олонецкая	3,99
43.	Вятская	2,64
44.	Астраханская	2,60
45.	Бессарабская	1,17

XIX вѣкѣ развились въ значительной степени смѣшанныя повинности, т. е. появилось много крестьянъ, платившихъ оброкъ и въ то же время отбывавшихъ барщину. Въ XVIII вѣкѣ оброчные крестьяне пользовались почти полнымъ самоуправленіемъ и почти всею землею господина. Въ XIX вѣкѣ, хотя количество оброчныхъ, какъ мы увидимъ ниже, сильно возросло въ нечерноземныхъ губерніяхъ, но благосостояніе врядъ ли сильно повысилось, такъ какъ въ XIX вѣкѣ помѣщики зачастую заводили въ имѣніи небольшую господскую запашку, а это уменьшало количество крестьянской земли, съ одной стороны, а съ другой,—понижало степень самоуправленія оброчныхъ крестьянъ, такъ какъ барщинная обработка земли требовала большаго присмотра, а слѣдовательно, и большаго вмѣшательства въ крестьянскую жизнь со стороны помѣщика. Тѣмъ не менѣе положеніе оброчныхъ крестьянъ и въ XIX вѣкѣ было несравненно лучше, независимѣе, чѣмъ положеніе барщинныхъ. Поэтому, для выясненія вопроса объ улучшеніи или ухудшеніи положенія крѣпостныхъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII, здѣсь приводится таблица, показывающая распредѣленіе барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ двадцати великороссійскихъ губерніяхъ въ XVIII и XIX вѣкахъ [1]).

---

[1]) Относительно XVIII вѣка приведены данныя по 20 губерніямъ, вычисленныя В. И. Семевскимъ. Приводимыя въ первой графѣ данныя о количествѣ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ вычислены на основаніи приложеній къ Трудамъ Редакціонной Коммиссіи («Извлеченія изъ описаній имѣній по великороссійскимъ губерніямъ» о помѣщичьихъ имѣніяхъ имѣющихъ болѣе 100 душъ. Т. I—IV), по образцу работы кн. Волконскаго «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». (Рязань, 1898 г. гл. III). Цифры по Рязанской губерніи взяты изъ работы кн. Волконскаго (См. таблицу № 1). При сужденіи о величинѣ процента оброчныхъ нельзя забывать, что процентъ выводился на основаніи подсчета тяголъ издѣльныхъ, об-

Губерніи.	XVIII вѣкъ.		XIX вѣкъ. Въ имѣн., имѣющ. болѣе 100 душъ.		XIX вѣкъ. Во всѣхъ имѣніяхъ.	
	% оброч.	% издѣльн.	% оброч.	% издѣльн.	% оброч.	% издѣльн.
1. Владимір. .	50	50	92,53	8,47	70	30
2. Ярославс. .	78	22	90,87	9,13	87,4	12,6
3. Костром. .	85	15	89,13	10,87	87,5	12,5
4. Олонецкая.	66	34	88,64	11,36	72	28
5. Московская.	36	64	80,27	19,73	68	32
6. Вологод. .	83	17	80,04	19,96	84	16
7. Нижегород.	82	18	74,38	25,62	68	32
8. Тверская .	46	54	68,25	31,75	41	59
9. Новгородск.	49	51	65,14	34,86	45,6	54,4
10. С.-Петерб.	51	49	63,14	36,86	—	—
11. Калужская.	58	42	58,79	41,21	55	45
12. Воронежск.	64	36	58,76	41,24	45	55
13. Рязанская.	19	81	47,98	52.02	38	62
14. Смоленск. .	30	70	33,89	66,11	27	73
15. Псковская.	21	79	32,81	67,19	23	77
16. Тульская .	8	92	27,23	72,77	25	75
17. Орловская.	34	66	25,88	74,12	28	72
18. Тамбовская.	22	78	21,60	78,40	22	78
19. Пензенская.	52	48	18,52	81,48	25	75
20. Курская . .	8	92	16,67	83,33	24,5	75,5

рочныхъ и состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ, но не душъ; поэтому выпускались такія имѣнія, гдѣ не показано количество тяголъ, или же гдѣ распредѣленіе ихъ на указанныя группы не ясно. Такъ какъ имѣнія безъ раздѣленія на тягла были преимущественно оброчныя, то изъ-за исключенія ихъ долженъ былъ понизиться процентъ оброчныхъ Тягла, состоящія на смѣшанныхъ повинностяхъ, относились то къ оброчнымъ, то къ издѣльнымъ тягламъ, смотря по величинѣ денежнаго оброка, а именно: тягла, платившія менѣе $^1/_2$ средняго по губерніи чисто денежнаго оброка, относились къ издѣльнымъ; нужно замѣтить, что получились ничтожныя отчисленія. Во второй графѣ приведены проценты оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ касательно всѣхъ имѣній (менѣе и болѣе 100 душъ), вычисленные на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ III и IV тт. Трудовъ Редакціонныхъ Коммиссій. Нужно замѣтить, что цифры относительно всѣхъ имѣній нужно принимать съ осторожностью, такъ какъ неизвѣстно, къ какой группѣ—издѣльныхъ или оброчныхъ—относили крестьянъ

Изъ приведенной таблицы видно, что процентъ оброчныхъ крестьянъ повысился въ губерніяхъ:

Въ имѣніяхъ имѣющихъ болѣе 100 душъ.			Во всѣхъ имѣніяхъ.		
1. Московской . .	на	44 %	1. Московской . .	на	32 %
2. Владимірской .	»	42,5 »	2. Владимірской .	»	20 »
3. Рязанской . .	»	29 »	3. Рязанской . .	»	19 »
4. Олонецкой . .	»	23 »	4. Тульской . . .	»	17 »
5. Тверской . . .	»	22 »	5. Курской . . .	»	16,5 »
6. Тульской . . .	»	19 »	6. Ярославской .	»	9,4 »
7. Новгородской .	»	16 »	7. Олонецкой . .	»	6 »
8. Ярославской .	»	13 »	8. Костромской .	»	2,5 »
9. Псковской . .	»	12 »	9. Псковской . .	»	2 »
10. С.-Петербургск.	»	12 »	10. Вологодской .	»	1 »
11. Курской . . .	»	9 »			
12. Смоленской . .	»	4 »			
13. Костромской .	»	4 »			
14. Калужской . .	»	1 »			

Уменьшеніе числа оброчныхъ крестьянъ наблюдается въ слѣдующихъ губерніяхъ:

янъ, состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, въ хозяйственномъ отдѣленіи Редакціонной Коммиссіи не было яснаго представленія объ этомъ; напримѣръ, въ Курской губ., при повѣрочныхъ работахъ, смѣшанныя тягла отнесены къ группѣ издѣльныхъ, что совсѣмъ не можетъ быть принято. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ издѣльные крестьяне совершенно не отдѣлены отъ оброчныхъ, такъ что при вычисленіи процента приходилось выпускать крѣпостныхъ подобныхъ уѣздовъ; такіе уѣзды встрѣчаются въ губерніяхъ Орловской (5 уѣздовъ) и Тверской (1 уѣздъ). Въ Рязанской губ. въ трехъ уѣздахъ показаны только оброчные безъ издѣльныхъ, а въ одномъ только издѣльные. Кромѣ того цифры Редакціонной Коммиссіи проредактированы крайне небрежно. Проценты оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, выведенные по «Приложеніямъ къ Трудамъ Редакціонной Коммиссіи», хотя охватываютъ меньшую группу крестьянъ, болѣе вѣрны, чѣмъ вторыя цифры. На данныя о процентѣ оброчныхъ въ Вологодской губ. положиться нельзя, такъ какъ тамъ во многихъ имѣніяхъ показаны повытки, по количеству же душъ, приходящихся на тягла и повытки, отождествить эти двѣ величины нельзя.

Въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ.		Во всѣхъ имѣніяхъ.	
1. Пензенской . .	на 33,5%	1. Пензенской . .	на 27 %
2. Орловской . .	» 8 »	2. Воронежской .	» 19 »
3. Нижегородской .	» 8 »	3. Нижегородской.	» 14 »
4. Воронежской .	» 5 »	4. Орловской .	» 6 »
5. Вологодской .	» 3 »	5. Тверской . . .	» 6 »
		6. Новгородской .	» 3,4 »
		7. Калужской . .	» 3 »
		8. Смоленской . .	» 3 »

Изъ приведенныхъ таблицъ ясно, что оброчная система въ XIX вѣкѣ развивалась главнымъ образомъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Неплодородная почва дѣлала невыгоднымъ веденіе барщиннаго сельскаго хозяйства потому, во первыхъ, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ для обезпеченія быта крестьянъ необходимо большее количество земли, такъ что, по обезпеченіи крестьянъ землею, у помѣщика могло остаться мало земли; а во вторыхъ, неплодородная почва требовала усиленнаго искусственнаго удобренія, т. е. сильно увеличивала издержки производства, что́, при низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ и трудности сбыта сельскихъ продуктовъ, сильно затрудняло веденіе сельскаго хозяйства. Между тѣмъ въ нечерноземныхъ центральныхъ, относительно густо населенныхъ губерніяхъ наличность промышленныхъ и торговыхъ центровъ обусловливала возможность развитія отхожихъ промысловъ и занятій промышленностью. Такъ какъ отхожіе промыслы и занятія промышленностью могутъ итти успѣшнѣе при свободѣ трудящейся личности, то помѣщики нечерноземныхъ центральныхъ губерній отпускали на оброкъ большую часть своихъ крестьянъ. Въ лѣсныхъ губерніяхъ возможность лѣсныхъ промысловъ и трудность обработки земли приводила къ тому же результату.

За то, съ другой стороны, въ тѣхъ нечерноземныхъ

губерніяхъ, гдѣ не было благопріятныхъ условій для развитія промышленности, и гдѣ отхожіе промыслы не получили развитія, помѣщики заводили барщинную запашку, чему благопріятствовала близость хлѣбныхъ рынковъ. Поэтому-то и встрѣчается уменьшеніе количества оброчныхъ крестьянъ въ Тверской, Новгородской, Смоленской и Калужской губерніяхъ [1]) (по даннымъ о всѣхъ имѣніяхъ). Пониженіе это станетъ еще болѣе замѣтнымъ, если принять во вниманіе, что въ этихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, былъ наибольшій процентъ крестьянъ, состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ. Какъ видно изъ примѣчаній къ имѣніямъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ, въ Извлеченіяхъ изъ описанія имѣній, въ этихъ же губерніяхъ встрѣчается особая группа крестьянъ, которые лѣтомъ состояли на барщинѣ, а зимою отпускались на оброкъ. Это обстоятельство зависѣло, вѣроятно, отъ того, что въ сельской промышленности время производства не совпадаетъ съ рабочимъ временемъ. Въ южныхъ губерніяхъ, въ относительно тепломъ климатѣ, это обстоятельство менѣе замѣтно; кромѣ того, при плохихъ путяхъ сообщенія зимнее время барщинныхъ крестьянъ могло уходить отчасти на извозы. Въ нечерноземныхъ же губерніяхъ именно близость хлѣбныхъ рынковъ и обусловливала выгодность земледѣлія, а потому извозы не могли отнять много времени у барщинныхъ крестьянъ. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ помѣщику было выгодно отпускать крестьянъ зимою на оброкъ, имѣя въ то же время барщинную запашку.

Въ южныхъ губерніяхъ, какъ видно изъ приведен-

---

[1]) Замѣчаемое уменьшеніе количества оброчныхъ въ Нижегородской губ. произошло, быть можетъ, на счетъ ея земледѣльческихъ черноземныхъ уѣздовъ.

ныхъ выше таблицъ, преобладала барщинная система, но замѣчается, что по сравненію съ XVIII вѣкомъ въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ произошло увеличеніе оброчныхъ крестьянъ. Ясно, что здѣсь на распредѣленіе крестьянъ по указаннымъ группамъ имѣли вліяніе другія причины, кромѣ выгодности земледѣлія. Одною изъ такихъ причинъ могло быть малоземелье этихъ губерній. Въ малоземельныхъ мѣстностяхъ ростъ крѣпостного населенія ставилъ помѣщиковъ въ затруднительное положеніе. При малоземеліи имѣнія становилось все труднѣе и труднѣе надѣлять землею вновь прибывающее населеніе. Помѣщики справлялись съ этимъ затрудненіемъ различнымъ образомъ. Одни обращали часть крестьянъ въ затяглыхъ, не несшихъ никакихъ повинностей, но и не получавшихъ земли, другіе надѣляли крестьянъ землею на счетъ собственной запашки, а такъ какъ уменьшенная запашка требовала меньше рабочихъ рукъ, поэтому или всѣ крестьяне платили незначительный оброкъ взамѣнъ уменьшенія барщины, или же часть крестьянъ оставлялась на прежней барщинѣ, а часть отпускалась на чистый оброкъ; такимъ путемъ образовались имѣнія съ крестьянами на смѣшанныхъ повинностяхъ и имѣнія, гдѣ часть крестьянъ была на барщинѣ, а часть на оброкѣ. Наконецъ, уменьшеніе барщинной запашки изъ-за надѣленія новыхъ тяголъ землею могло дойти до того, что помѣщику становилось выгоднѣе отдать крестьянамъ всю землю и отпустить всѣхъ крестьянъ на оброкъ. Этимъ-то обстоятельствомъ и можно объяснить увеличеніе процента оброчныхъ въ Курской, Тульской, Рязанской губ. [1]).

---

[1]) Впрочемъ, нельзя забывать, что послѣдняя губернія принадлежитъ своею сѣверною частью къ нечерноземнымъ губерніямъ, а южною къ черноземнымъ.

Кромѣ малоземелья, были и другія причины развитія оброчной системы въ черноземныхъ губерніяхъ. Повышающимъ процентъ оброчныхъ обстоятельствомъ могла быть наличность въ губерніи большого числа крупныхъ помѣщиковъ. Здѣсь играла роль прежде всего величина имѣнія. Такъ какъ барщинная система сельскаго хозяйства требовала строгаго неустаннаго надсмотра надъ рабочими, то въ большихъ имѣніяхъ она становилась крайне затруднительною, и въ такихъ имѣніяхъ нерѣдко крестьянъ переводили на оброкъ. Кромѣ того имѣла значеніе величина всего состоянія владѣльца. Богатый помѣщикъ могъ довольствоваться низкимъ доходомъ съ имѣнія, нисколько не урѣзывая своихъ расходовъ, а потому могъ отпускать крестьянъ на оброкъ даже въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ было несомнѣнно выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ. Это хорошо иллюстрируется примѣромъ Воронежской губерніи. Какъ видно изъ таблицы (по имѣніямъ имѣющимъ болѣе 100 душъ), Воронежская губ. принадлежитъ къ числу оброчныхъ (въ ней % оброчныхъ=58,76). Въ ней находится громадное имѣніе гр. Шереметева, въ которомъ всѣ крестьяне отпущены были на оброкъ и составляли 33,889 тяголъ (собственно земельныхъ участковъ). Если исключить это имѣніе, то процентъ оброчныхъ опустится до 34,2, а процентъ издѣльныхъ поднимется до 65,8, и Воронежская губернія займетъ мѣсто среди губерній съ преобладающимъ процентомъ барщинныхъ крестьянъ. Эту зависимость развитія оброчной и барщинной системы отъ величины имѣнія можно замѣтить; присматриваясь къ приведеннымъ таблицамъ. Сравнивая процентное количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ во всѣхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, замѣчаемъ слѣдующее: Даже въ губерніяхъ съ повысившимся сравнительно съ XVIII вѣкомъ процентомъ об-

рочныхъ крестьянъ, повышеніе это менѣе замѣтно для всѣхъ имѣній, имѣющихъ болѣе 100 душъ. Въ губерніяхъ же съ переходнымъ характеромъ, какъ Смоленская, Новгородская, Тверская, процентъ оброчныхъ въ первомъ случаѣ даже понизился сравнительно съ XVIII вѣкомъ. Касательно нѣкоторыхъ губерній черноземной полосы (Курская, Тульская губ.) является недоумѣніе: при включеніи имѣній, имѣющихъ менѣе 100 душъ, процентъ оброчныхъ повысился сильнѣе. Но, если мы вспомнимъ, что увеличеніе процента оброчныхъ въ этихъ губерніяхъ объясняется малоземельемъ, тогда придется признать, что, если отъ малоземелья бросали земледѣліе и переводили крестьянъ на оброкъ крупные владѣльцы, вѣроятно, тѣмъ въ большей степени принуждались къ тому же мелкіе владѣльцы.

Распространеніе оброчной и барщинной системы зависѣло также отъ абсентеизма помѣщиковъ, который опять таки сильнѣе замѣчался у крупныхъ владѣльцевъ; отсутствіе въ имѣніяхъ помѣщиковъ, стремившихся на государственную службу и предпочитавшихъ готовые доходы кропотливому веденію сельскаго хозяйства, часто вызывало предпочтеніе оброчной системы передъ барщинной. Въ мелкихъ имѣніяхъ помѣщики чаще жили сами и лично вели сельское хозяйство, при чемъ здѣсь, даже при отпускѣ большей части крестьянъ на оброкъ, помѣщики старались имѣть хотя небольшую, но собственную запашку. Въ большихъ имѣніяхъ помѣщикъ рѣже вмѣшивался въ личную жизнь крѣпостного, не имѣя иногда даже физической возможности дѣлать это; въ мелкихъ же имѣніяхъ господинъ или управитель могъ наблюдать за каждымъ шагомъ крѣпостного и въ большей степени эксплуатировать рабочія силы крестьянъ.

Въ виду зависимости системъ хозяйства, а потому и благосостоянія крестьянъ отъ величины имѣнія, инте-

ресно выяснить распредѣленіе помѣщиковъ по числу имѣвшихся у нихъ во владѣніи душъ и измѣненіе, происшедшее въ этомъ отношеніи съ XVIII вѣка. Приведемъ для этого таблицу Тройницкаго [1]) о количествѣ землевладѣльцевъ, раздѣленныхъ, по количеству имѣющихся у нихъ душъ, на шесть группъ; таблица дополнена процентными вычисленіями П. Н. Милюкова [2]).

	По 8 ревизіи [3]).			
	Владѣльц.	%	У нихъ крѣпост.	%
1. Безпомѣстные . .	17.763	14,0	62.183	0,6
2. Имѣющіе до 20 д. .	58.457	45,9	450.037	4,1
3. Имѣющіе отъ 21 — 100 душъ. . . .	30.417	24,0	1.500.357	13,9
4. Имѣющіе отъ 101 — 500 душъ. . . .	16.740	13,2	3.634.194	33,9
5. Имѣющіе отъ 501— 1000 душъ . . .	2.273	1,8	1.562.831	14,5
6. Имѣющіе бол. 1000 д.	1.453	1,1	3.556.959	33,0

	По 10 ревизіи.			
	Владѣльц.	%	У нихъ крѣпост.	%
1. Безпомѣстные. . .	3.633	3,5	12.045	0,1
2. Имѣющіе до 20 д. .	41.016	39,5	327,534	3,1
3. Имѣющіе отъ 21 — 100 душъ	35.498	34,2	1.666.073	15,8
4. Имѣющіе отъ 101 — 500 душъ	19.930	19,2	3.925.102	37,1
5. Имѣющіе отъ 501— 1000 душъ . . .	2.421	2,3	1.569.888	14,9
6. Имѣющіе бол. 1000 д.	1.382	1,3	3.050.540	29,0

[1]) Тройницкій. «Крѣпостное населеніе Россіи по 10-й народной переписи», стр. 67.

[2]) П. Милюковъ «Крестьяне», стр. 686.

[3]) В. И. Семевскій указываетъ, что количество землевладѣльцевъ по восьмой ревизіи, имѣвшихъ менѣе 100 душъ (84%), согласно

Изъ этихъ цифръ видно, что сокращеніе произошло въ группѣ помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 20 душъ, и въ группѣ, имѣвшей болѣе 1000 душъ крестьянъ, какъ въ количествѣ самихъ владѣльцевъ, такъ и въ количествѣ владѣемыхъ ими крестьянъ. Наоборотъ, увеличеніе и владѣльцевъ и имѣющихся у нихъ крестьянъ произошло въ группахъ, имѣющихъ отъ 20—1000 душъ. Такимъ образомъ произошли, съ одной стороны, концентрація имѣній, а съ другой,—раздробленіе между большимъ количествомъ владѣльцевъ. Изъ цифръ десятой ревизіи мы видимъ, что больше всего было владѣльцевъ, имѣвшихъ менѣе 20 душъ и отъ 20—100 душъ (I = 39,5% II = 34,2%), а наибольшимъ количествомъ крѣпостныхъ владѣла IV группа (37,1% крѣпостныхъ), имѣвшая отъ 100 — 500 душъ. Вообще группы, имѣвшія отъ 20—1000 д. крѣпостныхъ владѣли по 10-й ревизіи ³/₄ крѣпостного населенія, и въ частности группа, имѣвшая отъ 20—500 д. кр., владѣла болѣе, чѣмъ половиною крѣпостныхъ. Сильное увеличеніе количества помѣщиковъ съ 20—100 д. (по 8-й ревизіи ихъ число = 24%, а по 10-й=34, 2%) дѣлаетъ возможнымъ выводъ, что развитіе барщиннаго хозяйства могло сильно двинуться впередъ въ XIX вѣкѣ, ко времени реформы. Это обстоятельство, быть можетъ, объясняетъ до нѣкоторой степени и тотъ фактъ, что и въ оброчныхъ имѣніяхъ въ XIX вѣкѣ появились барщинныя запашки и смѣшанныя оброчно-барщинныя системы. Во всякомъ случаѣ размельчаніе имѣній указываетъ на возможность ухудшенія экономическаго положенія крестьянъ.

Оканчивая выясненіе главнѣйшихъ причинъ, вліяв-

изслѣдованію Кеппена, и число таковыхъ же владѣльцевъ въ XVIII вѣкѣ—совпадаютъ. В. И. Семевскій «Крестьяне при имп. Екатеринѣ II», стр. 30.

шихъ на преобладаніе той или другой системы помѣщичьяго хозяйства, можно отмѣтить общее направленіе его развитія. При переходѣ натуральнаго помѣщичьяго хозяйства къ денежному, по мѣрѣ увеличенія потребностей помѣщиковъ, для удовлетворенія которыхъ уже требовались деньги, каждый помѣщикъ стремился такъ организовать свое хозяйство, чтобы оно при данныхъ условіяхъ почвы, климата и пр. приносило наибольшій денежный доходъ. Отсюда получилось развитіе въ различныхъ мѣстностяхъ или барщинной или оброчной системы и ихъ видоизмѣненіе, развитіе дворянскихъ фабрикъ и т. п. Гдѣ только была выгодна барщинная запашка, помѣщики селились въ имѣніяхъ и лично вели хозяйство, переѣзжая въ городъ на зиму. Это осѣданіе дворянства на землю замѣчалось современниками. „Въ настоящее время"—говоритъ Гакстгаузенъ, бывшій въ Россіи въ 1843 г.,—„дворяне болѣе чѣмъ прежде живутъ въ деревнѣ, хотя все еще не въ той степени, чтобы они могли быть названы сельскимъ дворянствомъ; но все-таки они посѣщаютъ свои имѣнія, занимаются хозяйствомъ въ нихъ, что видно изъ того, что число барщинныхъ крестьянъ постоянно возрастаетъ, тогда какъ оброчное положеніе, дотолѣ господствовавшая форма взиманія дохода съ крестьянъ во всей Великороссіи, прекращается" [1]). „Раньше,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—молодые дворяне, лѣтъ съ семнадцати, уже стремились поступить на гражданскую или военную службу, гдѣ и оставались, докуда могли... Теперь же большинство выходитъ въ отставку черезъ нѣсколько лѣтъ и поселяются въ имѣніяхъ, чтобы заниматься сельскою или мануфактурною

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 426. Конечно, съ замѣчаніемъ Гакстгаузена о прекращеніи оброчнаго положенія въ Великороссіи можно отчасти согласиться только относительно мѣстностей, выгодныхъ для земледѣлія.

промышленностью. Въ то время какъ раньше помѣщики очень мало занимались сельской экономіей, въ настоящее время многіе образованные помѣщики, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, начинаютъ серьезно заниматься сельской промышленностью и переводить крестьянъ съ оброка на барщину, что заставляетъ ихъ жить въ имѣніяхъ, чтобы лично наблюдать за веденіемъ хозяйства" [1]).

Господство той или другой системы помѣщичьяго хозяйства отзывалось на крестьянахъ прежде всего въ количествѣ земли, отводимой имъ помѣщиками. Въ XVIII вѣкѣ, по указанію В. И. Семевскаго, согласно свидѣтельствамъ современниковъ, въ чисто-оброчныхъ имѣніяхъ вся земля была въ пользованіи крестьянъ, количество же смѣшанныхъ вотчинъ было ничтожно, поэтому можно считать, что въ оброчныхъ имѣніяхъ почти вся земля была отдана крестьянамъ. Нужно замѣтить при этомъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ въ XVIII вѣкѣ крестьяне пользовались лѣсомъ весьма свободно. Средній надѣлъ на душу равнялся 13½ десятинамъ, въ числѣ которыхъ было 4 десятины пашни. Въ барщинныхъ имѣніяхъ въ XVIII вѣкѣ на долю крестьянъ приходилось приблизительно ⅔ всей помѣщичьей земли; на душу въ среднемъ по 8-ми десятинъ въ нечерноземной полосѣ и 7 десятинъ—въ черноземной. Нельзя забывать, что въ этотъ приблизительный надѣлъ включенъ и лѣсъ, которымъ крестьяне пользовались подъ наблюденіемъ помѣщика, или имъ отводились отдѣльные лѣсные участки [2]). Въ XIX вѣкѣ отношеніе между господскою и крестьянскою удобною землею выражается въ слѣдующихъ цифрахъ [3]):

---

[1]) Указ. соч., т. III, стр. 63.

[2]) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I. стр. 34—36.

[3]) См. таблицу № 2. Таблица вычислена по образцу работы

Губерніи.	% всей удобной земли безъ лѣса. У крестьянъ.	У помѣщиковъ.
1. Петербургская	79,66	20,34
2. Владимірская	79,52	20,48
3. Ярославская	79,23	20,77
4. Нижегородская	79,20	20,80
5. Тверская	77,18	22,82
6. Калужская	76,02	23,98
7. Вологодская	73,37	26,63
8. Смоленская	71,41	28,59
9. Псковская	68,24	31,76
10. Новгородская	67,45	32,55
11. Олонецкая	65,61	34,39
12. Пензенская	57,25	42,75
13. Рязанская	52,60	47,40
14. Тульская	52,00	48,00
15. Костромская	50,02	49,98
16. Курская.	47,25	52,75
17. Тамбовская	47,20	52,80
18. Орловская	46,67	52,33
19. Воронежская	46,05	53,95

На этой таблицѣ отражается раздѣленіе крѣпостной Россіи на двѣ половины, сообразно принятой системѣ хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: въ нечерноземныхъ съ преобладаніемъ процента оброчныхъ кресть-

---

ки. Волконскаго, на основаніи свѣдѣній о помѣщичьихъ и крестьянскихъ земляхъ и имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком. (т. I—IV); цифра по Рязанской губ. взята изъ работы кн. Волконскаго. Относительно этихъ свѣдѣній нужно замѣтить, что они очень неполны и неясны. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьянская земля не показана, и въ такомъ случаѣ приходилось совершенно выпускать имѣніе, что уменьшало количество крестьянъ, относительно которыхъ дѣлался выводъ.

янъ замѣтно преобладаніе крестьянской земли надъ господскою; въ черноземныхъ же губерніяхъ, гдѣ преобладалъ процентъ издѣльныхъ, замѣчается или равномѣрное распредѣленіе удобной земли между помѣщиками и крестьянами, или же преобладаніе господской земли надъ землею, находящейся въ пользованіи крестьянъ. Сравнивая это распредѣленіе съ приблизительнымъ распредѣленіемъ земли въ XVIII вѣкѣ, нужно отмѣтить измѣненіе отнюдь не въ пользу крестьянъ. Количество удобной земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, не поднимается выше 4/5 всей удобной земли даже въ губерніяхъ съ наибольшимъ процентомъ оброчныхъ, опускаясь въ то же время въ черноземныхъ губерніяхъ ниже половины всей удобной земли; въ XVIII вѣкѣ, какъ сказано, количество земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, очень часто вдвое превосходило то, какое оставалось за господиномъ. Это указываетъ на ухудшеніе положенія крестьянъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII.

Такое уменьшеніе количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, зависѣло главнымъ образомъ отъ развитія помѣщичьяго барщиннаго хозяйства. Пока господинъ не дорожилъ собственною запашкою, онъ предоставлялъ бо́льшую часть земель крестьянамъ. Въ XIX вѣкѣ, при увеличеніи потребностей помѣщиковъ, потребовалось повышеніе дохода съ имѣнія, при чемъ требовался преимущественно денежный доходъ. Результатомъ явилось стремленіе увеличить барщинную запашку для производства сельскихъ продуктовъ въ большемъ количествѣ для сбыта на рынкѣ; понятно, такое увеличеніе запашки шло на счетъ крестьянскихъ земель. Въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ уменьшеніе количества крестьянскихъ земель относительно помѣщичьихъ вызывалось, вѣроятно, развитіемъ смѣшанной системы.

Уменьшеніе относительнаго количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, еще неблагопріятнѣе вліяло на положеніе послѣднихъ потому, что населеніе продолжало возрастать. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы при увеличеніи населенія поглощать все бо́льшую и бо́льшую часть помѣщичьихъ земель, крестьянское землепользованіе, напротивъ, все болѣе и болѣе уменьшалось. Такъ какъ въ нечерноземныхъ, оброчныхъ губерніяхъ отношеніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель измѣнилось менѣе всего, то здѣсь можно лишній разъ подчеркнуть преимущества положенія оброчныхъ крестьянъ передъ барщинными.

Различіе между положеніемъ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ яснѣе раскрывается изъ разсмотрѣнія среднихъ крестьянскихъ надѣловъ, вычисленныхъ на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій, о земляхъ въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ. Крестьянскіе надѣлы въ XIX вѣкѣ, около времени раскрѣпощенія, въ вышепоименованныхъ двадцати губерніяхъ были слѣдующіе [1]):

---

[1]) См. таблицу № 2. Въ составъ среднихъ надѣловъ входитъ усадебная земля, пахотная, луга, сѣнокосы, если есть, то кустарники, иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, лѣсъ; нужно замѣтить, что зачастую сѣнокосы были расположены въ господскихъ лѣсахъ. По указанію редакціонныхъ коммиссій большаго довѣрія заслуживаетъ показанное количество пахотной и усадебной земли; въ показаніяхъ о лугахъ и сѣнокосахъ есть много неточностей, которыя имѣютъ послѣдствіемъ то, что средніе выводы о надѣлахъ, вообще, ниже дѣйствительности; они, впрочемъ, ближе подходятъ къ истинѣ въ черноземной полосѣ, гдѣ пропорція луговъ и сѣнокосовъ къ пахотнымъ землямъ вообще очень мала, и, напротивъ, могутъ быть принимаемы только за приблизительные въ нечерноземныхъ и преимущественно въ малонаселенныхъ губерніяхъ, гдѣ луговые и сѣнокосные надѣлы преобладали надъ пахотными. (Скребицкій. «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II», т. III, стр. 826).

Губерніи.	Удобной земли на 1 рев. душу м. п.	Губерніи.	Удобной земли на 1 рев. душу м. п.
1. Вологодская . . .	8,68	11. Владимірская . . .	3,72
2. Новгородская . . .	8,61	12. Орловская	3,50
3. Олонецкая	7,64	13. Калужская . . .	3,38
4. Петербургская . .	6,40	14. Пензенская . . .	3,24
5. Костромская . . .	5,85	15. Воронежская . . .	3,02
6. Смоленская . . .	5,29	16. Тульская	2,88
7. Псковская	5,04	17. Тамбовская . . .	2,88
8. Ярославская . . .	4,70	18. Московская . . .	2,86
9. Тверская	4,41	19. Рязанская	2,74
10. Нижегородская . .	3,83	20. Курская	2,48

При разсмотрѣніи размѣровъ среднихъ надѣловъ замѣчается та же разница между нечерноземными, оброчными, и черноземными, издѣльными, губерніями. По мѣрѣ увеличенія выгодности для помѣщика занятія земледѣліемъ уменьшается и количество удобной земли на ревизскую душу.

Замѣчаемое уменьшеніе среднихъ надѣловъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ приблизительными средними надѣлами XVIII вѣка имѣло свою причину прежде всего въ приростѣ населенія при отсутствіи или маломъ количествѣ прирѣзаемой земли. Въ связи съ этимъ стоитъ вліяніе на величину надѣла малоземелья или многоземелья губерніи [1]). Вполнѣ естественно, что самая мало-

[1]) Всей земли (крестьянской и помѣщичьей) на одну ревизскую душу мужескаго пола приходилось слѣдующее количество десятинъ въ разныхъ губерніяхъ (Скребицкій, т. II, стр. 1491—1533).

1. Новгородская . .	21,4	11. Нижегородская . .	7,0
2. Петербургская . .	16,9	12. Калужская	6,5
3. Вологодская . . .	15,7	13. Тамбовская	6,3
4. Костромская . . .	14,3	14. Пензенская	6,1
5. Псковская	13,3	15. Орловская	6,0
6. Тверская	9,0	16. Московская	5,5
7. Смоленская . . .	8,1	17. Рязанская	5,3
8. Ярославская . . .	7,8	18. Тульская	5,1
9. Воронежская . . .	7,3	19. Курская	4,9
10. Владимірская . . .	7,0		

земельная губернія (Курская) имѣла въ то же время наименьшій средній душевой надѣлъ удобной земли. Въ силу этой причины въ число губерній съ малымъ надѣломъ попали такія нечерноземныя губерніи, какъ Московская и Владимірская; самое малоземелье этихъ губерній содѣйствовало развитію промышленныхъ занятій среди крѣпостныхъ.

На величину надѣла имѣла вліяніе система земледѣлія. Въ такихъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ: Новгородская, Костромская, Вологодская, гдѣ встрѣчалось мѣстами лядинное хозяйство, выше былъ и надѣлъ. Имѣла значеніе и плодородность почвы губерніи въ связи съ развитіемъ промышленныхъ занятій. При отсутствіи подсобныхъ промысловъ, при неплодородности почвы помѣщику волею-неволею приходилось предоставлять крестьянамъ количество земли, достаточное для поддержанія существованія самого крестьянина и его семьи: въ противномъ случаѣ, вся тяжесть содержанія нищаго населенія легла бы на него самого. Впрочемъ, иные помѣщики этимъ не смущались и доводили крестьянъ до нищенства, урѣзывая надѣлъ и налагая повинности и работы выше силъ крестьянина.

Въ высшей степени интересно выяснить вопросъ, обезпечивалъ ли земельный надѣлъ лишь минимумъ необходимыхъ средствъ къ существованію, малѣйшее уклоненіе отъ котораго вело уже къ раззоренію крестьянина, или же онъ вполнѣ обезпечивалъ удовлетвореніе всѣхъ потребностей крестьянъ даже въ неблагопріятные для земледѣлія годы. Выясненіе этого вопроса тѣмъ болѣе важно, что Редакціонныя Коммиссіи, при опредѣленіи максимума надѣла въ каждой отдѣльной мѣстности, приняли за исходный пунктъ существующій надѣлъ (въ 1859 году), признавъ, что въ крѣпостное время „въ фактѣ преобладающаго надѣла практически выразилось долголѣтнимъ опытомъ дознанное со-

отношеніе между крестьянскими нуждами и мѣстными средствами, служащими къ ихъ удовлетворенію" [1]).

Для выясненія степени достаточности надѣла для обезпеченія существованія крѣпостного населенія возьмемъ расчетъ Янсона. Янсонъ считаетъ, что въ черноземной полосѣ „на тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, слѣдовательно, достаточнаго количества луговъ и выгоновъ, душевой надѣлъ, для того, чтобы обезпечивать продовольствіе семьи, и при томъ, если земля не очень ужъ плоха, не можетъ быть, съ усадьбою, менѣе восьми десятинъ" на одну ревизскую душу; при этомъ онъ считаетъ, что изъ этихъ восьми десятинъ можетъ быть по двѣ десятины пахоты въ клину. При такомъ надѣлѣ, при урожаѣ самъ-третей, получится, за вычетомъ сѣмянъ, количество хлѣба, едва достаточное на прокормленіе $2^1/_2$ душъ, т. е. приблизительно, того числа, какое приходится на одну ревизскую душу. Уплата различныхъ денежныхъ повинностей сюда не входитъ. Средніе надѣлы въ нечерноземныхъ губерніяхъ, вычисленные на основаніи „Приложеній", показываютъ, что въ большинствѣ нечерноземныхъ губерній средній надѣлъ не достигалъ указанной Янсономъ нормы, въ иныхъ губерніяхъ опускаясь до $^3/_8$ (въ Московской губерніи). Это обстоятельство, т. е. недостаточность надѣловъ, не давало крестьянамъ возможности существовать, занимаясь земледѣліемъ, и дѣлало необходимыми подсобные промыслы. Въ лучшемъ случаѣ, если предположить, что ошибка при вычисленіяхъ среднихъ надѣловъ, вслѣдствіе неполноты свѣдѣній, достигаетъ двухъ десятинъ, то и тогда въ большей части нечерноземныхъ губерній земельный надѣлъ могъ удовлетворить только продовольственной потребности крѣпостного населенія. Оброки же и уплата по-

[1]) Скребицкій, т. II, стр. 1378.

душныхъ ложились всецѣло на подсобные промыслы крѣпостныхъ. Еще больше оттѣняется недостаточность земельнаго обезпеченія при выясненіи количества пахотной земли на одну ревизскую душу. Янсонъ полагаетъ необходимымъ надѣлъ въ шесть десятинъ пахотной земли въ трехъ поляхъ. Между тѣмъ количество пахотной земли въ нѣкоторыхъ нечерноземныхъ губерніяхъ было слѣдующее [1]):

Въ	Нижегородской	губ.	на	1	рев.	душу	приход.	пахоты	2,83 дес.
»	Калужской	»	»	1	»	»	»	»	2.60 »
»	Ярославской	»	»	1	»	»	»	»	2,31 »
»	Тверской	»	»	1	»	»	»	»	2,27 »
»	Олонецкой	»	»	1	»	»	»	»	1,87 »
»	Московской	»	»	1	»	»	»	»	1,63 »

Понятно, что при такомъ количествѣ пахотной земли земледѣліе не могло имѣть главнаго значенія, требуя подсобныхъ промысловъ. Въ этихъ губерніяхъ не могло быть крупнаго, достаточнаго для существованія надѣла и потому, что это были самыя малоземельныя изъ нечерноземныхъ губерній. Въ Нижегородской, Калужской, Московской, Ярославской губерніяхъ даже общее количество помѣщичьей и крестьянской земли не достигало восьми десятинъ, необходимыхъ, согласно Янсону, для обезпеченія одной ревизской души. Насколько недостаточенъ былъ надѣлъ пахотной земли въ Ярославской губерніи, показываетъ расчетъ Гакстгаузена, сдѣланный имъ относительно Угличскаго уѣзда Ярославской губерніи, гдѣ надѣлъ былъ равенъ $2^1/_2$ десятинамъ пахотной земли на мужскую душу, т. е. почти совпадалъ со среднимъ надѣломъ по губерніи. Гакстгаузенъ считаетъ на каждое изъ трехъ полей по $^3/_4$ десятины. На $^3/_4$ засѣяна рожь, которой собирается

[1]) Вычислено на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком., объ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ.

при среднемъ урожаѣ въ $2^1/_2$ зерна, за вычетомъ сѣмянъ,—$9^1/_2$ четвериковъ; около $^3/_8$ засѣяно ячменемъ; за исключеніемъ сѣмянъ, собрано — $4^3/_4$ четверика, итого $14^1/_4$ четвериковъ хлѣба, которые дадутъ 556 фунтовъ хлѣба. Овесъ, посѣянный на остальныхъ $^3/_8$ дес., идетъ на прокормленіе скота и въ расчетъ не принимается. Допуская, что съ надѣла кормится мужчина и женщина (на самомъ дѣлѣ на одну ревизскую мужескаго пола душу приходилось больше, такъ какъ были еще дѣти и старики; кн. Волконскій считаетъ на одну ревизскую мужескаго пола душу—$2^1/_2$ души наличнаго населенія), и считая круглымъ счетомъ на каждаго человѣка по $1^1/_2$ ф. хлѣба въ день, Гакстгаузенъ вычисляетъ, что на одного мужчину и одну женщину выйдетъ среднимъ числомъ въ годъ — 1,094 ф. хлѣба. Такъ какъ съ надѣла собирается немного болѣе половины этого количества, то является ежегодно дефицитъ въ 538 ф. хлѣба. „Дефицитъ этотъ покрывается покупкою привознаго хлѣба, а это можетъ быть только при помощи побочныхъ ремеслъ и заработковъ“ [1]). Бывшій крѣпостной помѣщиковъ — наслѣдниковъ Яковлевыхъ, Пурлевскій, жившій въ громадномъ промышленномъ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, также свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что крестьяне въ ихъ селѣ не довольствовались своимъ хлѣбомъ, а покупали привозный. „Простонародье сѣверныхъ губерній, говоритъ Пурлевскій, кормилось почти однимъ чернымъ ржанымъ хлѣбомъ да сѣрыми щами. Калачъ считался лакомствомъ, пряники—богатымъ подаркомъ. Въ крестьянскомъ быту отъ своего скотоводства всѣ молочные скопы, лишняя скотинка, барашки, ягнята, яйца, все продавалось по необходимости, а питались горохомъ, толокномъ да рѣпой пареной. Наше село не

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 118—119.

въ счетъ. Промыслы доставляли намъ средства не въ примѣръ лучше другихъ мѣстъ“ [1]).

Обращаясь къ черноземной полосѣ, Янсонъ указываетъ, что для покрытія продовольственной потребности населенія требуется пять десятинъ въ душевомъ надѣлѣ при урожаѣ самъ-четвертъ; при такомъ надѣлѣ почти не можетъ быть никакихъ избытковъ для уплаты денежныхъ повинностей и покрытія другихъ хозяйственныхъ расходовъ. Этому требованію не удовлетворяла ни одна изъ указанныхъ черноземныхъ губерній. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, конечно, были надѣлы даже превосходящіе указанную норму. Въ степныхъ губерніяхъ хотя и встрѣчались надѣлы, размѣръ которыхъ былъ замѣтно выше пяти десятинъ, но нельзя забывать, что здѣсь существовало залежное хозяйство, требующее много земли.

Количество пахотной земли было здѣсь также далеко недостаточно. Янсонъ приблизительно вычисляетъ, что въ душевомъ надѣлѣ необходимо имѣть десятины четыре пахотной земли. Между тѣмъ въ двухъ черноземныхъ губерніяхъ, относительно которыхъ вычислено количество пахотной земли на одну ревизскую душу [2]), душевой надѣлъ пахоты былъ слѣдующій:

Тульская губ.	. . . .	2,33 дес.
Курская „	. . . .	2 „

Сравнительная ничтожность надѣла говоритъ сама за себя. Само собою разумѣется, что при такомъ надѣлѣ всякіе денежные поборы, въ видѣ оброковъ, подушныхъ и пр., или ложились на промысловые заработки крестьянъ, или же вели къ ихъ раззоренію. Этимъ,

[1]) Воспоминанія крѣпостного. «Русскій Вѣстникъ», 1877 г., кн. 7, стр. 342.

[2]) На основаніи свѣдѣній о пахотной землѣ, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком.

быть можетъ, и объясняется, что отпускъ крестьянъ на оброкъ въ черноземныхъ губерніяхъ не всегда велъ къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ.

Гакстгаузенъ свидѣтельствуетъ, что въ приволжской мѣстности (въ Симбирской губ.) „барщинныя деревни много богаче и лучше оброчныхъ“ [1]). Тепловъ, помѣщикъ Орловской губ., указываетъ также, что въ мѣстности, гдѣ лежало его имѣніе (преимущественно земледѣльческой за отсутствіемъ промысловыхъ занятій), „оброкъ часто бываетъ обременительнѣе барщины“ [2]). Этимъ и нужно объяснить, что, несмотря на позволеніе Теплова откупаться отъ барщины на оброкъ, крестьяне, даже самые зажиточные, упорно отказывались переходить на оброкъ, такъ что помѣщикъ, выведенный изъ терпѣнія „упрямствомъ“ крестьянъ, насильственно перевелъ пятьдесятъ самыхъ исправныхъ тяголъ на оброкъ [3]). Оброкъ въ черноземныхъ губерніяхъ могъ быть выгоденъ только въ двухъ случаяхъ: во первыхъ, если помѣщикъ отводилъ большой надѣлъ, и во вторыхъ, если есть выгодныя промысловыя занятія. Такъ, въ той же мѣстности, гдѣ Гакстгаузенъ замѣтилъ бѣдность оброчныхъ крестьянъ сравнительно съ барщинными, онъ указываетъ на деревни гр. Орловой, расположенныя на мысѣ, образуемомъ Волгою. Часть деревень состояла на оброкѣ, часть на барщинѣ; „первыя много богаче послѣднихъ, такъ какъ близость Волги даетъ возможность заработковъ въ различныхъ промыслахъ“ [4]).

Изъ указанной недостаточности надѣла вытекаетъ и другой выводъ: въ лучшемъ случаѣ, при среднемъ

---

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 348.

[2]) Тепловъ. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ». Москва 1870 г. стр. 21.

[3]) Тамъ же, стр. 20.

[4]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 348.

урожаѣ крестьянинъ могъ удовлетворить со своего надѣла первыя, необходимыя продовольственныя потребности. Этотъ выводъ подтверждается свидѣтельствомъ современниковъ. Н. Н. Муравьевъ, авторъ примѣчаній къ изданному въ 1830 г. русскому переводу сочиненія Тэра „Основанія сельскаго хозяйства", говоритъ: „каждому тяглу потребно $1^1/_2$ дес. пахотной земли въ полѣ, а въ трехъ—$4^1/_2$, сѣнокосу—по 2 десятины, подъ поселеніе и огороды $^1/_2$ десятины, лѣсныхъ дачъ и выгоновъ 1 десятина: итого 8 д. на тягло" [1]; такъ какъ Муравьевъ считаетъ на одно тягло по двѣ ревизскихъ души, то на одну ревизскую душу приходится по четыре десятины. М. Н. Семеновъ, авторъ „Руководства къ управленію имѣніемъ", помѣщикъ Рязанской губ. Ранненбургскаго уѣзда, считаетъ необходимымъ давать на тягло $8^1/_2$ дес. удобной земли (или 3,6 дес. на 1 рев. душу) (усадьба, сѣнокосъ, коноплянники и пашня). Этотъ надѣлъ былъ разсчитанъ Семеновымъ такъ, чтобы при среднемъ урожаѣ крестьяне могли получать ровно столько, сколько нужно было на продовольствіе, считая по двѣ четверти ржи на ѣдока. При большемъ урожаѣ получился бы излишекъ хлѣба, при меньшемъ недостатокъ [2]). Если обратиться къ среднему надѣлу въ Рязанской губерніи, то надѣлъ окажется ниже надѣла, необходимаго, по указанію Семенова, для продовольствія одной ревизской души. Если даже допустить, что такой низкій размѣръ надѣла составляетъ результатъ неполноты свѣдѣній о крестьянской землѣ, все-таки придется признать, что въ лучшемъ случаѣ средній земельный надѣлъ обезпечивалъ только полученіе минимума необходимыхъ средствъ существованія. При неурожаѣ же крестьянинъ оказывался совершенно необезпеченнымъ и требо-

[1]) Кн. Волконскій. «Условія помѣщ. хозяйства при крѣп. правѣ», стр. 23.

[2]) Кн. Волконскій, указ. соч., стр. 27.

валъ себѣ продовольственной и хозяйственной помощи. Г. Повалишинъ, описывая организацію хозяйства помѣщика К. В. Рязанской г., считавшагося образцовымъ хозяиномъ, отнюдь не притѣсняющимъ своихъ крестьянъ, указываетъ на ту же ограниченность надѣла крестьянъ. „Нерѣдко происходившіе въ имѣніи неурожаи воочію доказывали, что въ такіе годы большая часть крестьянъ не только не въ силахъ уплатить повинности, но даже не можетъ продовольствовать себя собственнымъ хлѣбомъ“ [1]). Выясняя, что считалось нормальнымъ строемъ крѣпостного хозяйства, основаннаго на барщинномъ трудѣ въ Рязанской губ., Повалишинъ дѣлаетъ выводъ, который можно до извѣстной степени распространить и на всю Россію: „пріобрѣтаемыя крестьянами отъ ихъ помѣщиковъ выгоды обезпечивали имъ лишь минимумъ существованія и не давали возможности даже въ отдаленномъ будущемъ думать объ улучшеніи этого положенія, путемъ пріобрѣтенія какихъ либо средствъ для болѣе сноснаго человѣческаго существованія. Наоборотъ, весь ходъ помѣщичьяго хозяйства давалъ основаніе заключить о переходѣ крестьянъ въ совершенное рабство, т. е. объ ухудшеніи даже этого худого положенія“ [2]).

ГЛАВА III.

Оброчные крестьяне. — Величина оброка.—Занятія оброчныхъ крестьянъ.—Самоуправленіе.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что средніе надѣлы, какъ въ черноземныхъ губерніяхъ, такъ и въ нечерноземныхъ, въ лучшемъ случаѣ, только обезпечивали

[1]) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, т. XIV, вып. I, 1899 г., Ст. Повалишина: «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 38.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

существованіе крѣпостного населенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ всякія денежныя повинности падали всею тяжестью не на землю, а на подсобные промыслы. Баронъ Гакстгаузенъ, такъ мѣтко и ярко характеризовавшій нѣкоторыя явленія въ помѣщичьемъ крѣпостномъ хозяйствѣ въ сороковыхъ годахъ, подмѣтилъ и это обстоятельство. „Оброкъ крѣпостныхъ—говоритъ онъ—лежитъ не на землѣ, которую помѣщикъ даетъ крестьянину, но на его рабочей силѣ и его промыслѣ“ [1]). Большее или меньшее соотвѣтствіе между оброками и земельными надѣлами можно замѣтить только въ мѣстностяхъ, гдѣ не были развиты подсобные промыслы, а потому оброкъ можно было взимать только давая лишнюю землю. Напримѣръ, въ Тульской и Тамбовской губ., какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ „Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій“, оброчнымъ давалось больше земли. сравнительно съ издѣльными. Въ Тамбовской губ., въ иныхъ мѣстахъ, оброчные крестьяне получали отъ 6 — $7^1/_2$ дес. въ душевой надѣлъ (въ томъ числѣ $1^1/_2$ дес. сѣнокоса) [2]). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ видно изъ тѣхъ же примѣчаній, самый оброкъ опредѣлялся количествомъ десятинъ, которое давалось въ надѣлъ оброчнымъ крестьянамъ; оброкъ взимался подесятинно, при чемъ съ десятины брали около двухъ и болѣе рублей. Большею же частью оброкъ не находился въ связи съ даваемымъ количествомъ земли. Напримѣръ, въ селѣ Великомъ наслѣдниковъ Яковлевыхъ Ярославской губ. [3]) на 1743 оброчныхъ крестьянина приходилось 1723 дес. удобной земли, т. е. по 0,98 дес. на душу; между тѣмъ въ этомъ имѣніи съ тягла брали по 21 р. или 17,230 р. со всего

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 220.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 285.

[3]) Приложенія къ Трудамъ Редакціонной Коммиссіи, т. IV, Ярославскій уѣздъ, № 35.

общества, да кромѣ того 10.037 р. 8 к. на мірскіе расходы и на подати. Въ другомъ имѣніи той же Ярославской губ., селѣ Порѣчьѣ гр. Панина, при надѣлѣ въ 1,64 десят., брали оброку по 7 р. съ души (9 р. 30 к. съ тягла) и 5 рублей на мірскіе расходы. Въ одной деревнѣ кн. Гагарина Нижегородской губ., въ 30 верстахъ отъ Арзамаса, земельный надѣлъ былъ такъ незначителенъ ($1^1/_2$ дес. пашни и лугу на душу при необходимости покупать дрова на отопленіе), что полевое и домашнее хозяйство вели бабы, старики и дѣти, а бо́льшая часть здоровыхъ мужчинъ уходила изъ деревни весною и возвращалась только къ зимѣ, занимаясь бурлачествомъ на Волгѣ. Имъ приходилось платить 50 р. ассигнаціями съ тягла [1]).

Въ XVIII вѣкѣ, во вторую половину царствованія Екатерины II, средняя величина оброка равнялась 5 р. съ души; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оброкъ повышался до 20 р. съ тягла (ежегодно). Для сравненія этихъ оброковъ съ оброками, взимавшимися съ крѣпостныхъ передъ освобожденіемъ, необходимо принять во вниманіе, что рубль восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія равнялся самое большое полутора рублямъ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Слѣдовательно, при переводѣ денежныхъ оброковъ второй половины царствованія Екатерины II на деньги пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, средняя величина оброка будетъ равняться 7 р. 50 к. съ души, доходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 30 р. съ тягла [2]). Въ XIX вѣкѣ средніе,

---

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 220.

[2]) Для сравненія цѣнности рубля второй половины царствованія Екатерины II съ цѣнностью рубля въ половинѣ XIX столѣтія взяты среднія цѣны въ копѣйкахъ на одну четверть ржи (Тульская, Тамбовская и Ярославская губ.), пшеницы и овса (Ярославская губ.) конца XVIII вѣка и пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Данныя для XIX стол. взяты изъ доклада Высочайше

чисто-денежные оброки представляются въ слѣдующемъ видѣ [1]):

Губерніи.	Средній оброкъ съ тягла.	Губерніи.	Средній оброкъ съ тягла.
1. С.-Петербург. .	27 р. 26 к.	11. Рязанская. .	19 р. 34 к.
2. Тульская . .	23 » 38 »	12. Нижегородск.	18 » 76 »
3. Орловская . .	22 » 14 »	13. Воронежск. .	18 » 46 »
4. Пензенская . .	20 » 3 »	14. Вологодская.	17 » 83 »
5. Ярославская. .	20 » 3 »	15. Московская .	17 » 67 »
6. Калужская . .	19 » 77 »	16. Тверская. .	17 » 53 »
7. Тамбовская . .	19 » 75 »	17. Владимірск .	17 » 27 »
8. Новгородская .	19 » 55 »	18. Смоленская.	16 » 82 »
9. Псковская . .	19 » 55 »	19. Курская . .	15 » 60 »
10. Костромская .	19 » 40 »	20. Олонецкая .	12 » 51 »

Изъ таблицы видно, что оброки сильно повысились съ конца XVIII вѣка.

Какъ видно, высота оброковъ сильно колебалась,

утвержденной Коммиссіи для изслѣдованія положенія сельск. хоз. (Прилож. II—V, Спб. 1873). Получилось сдѣдующее отношеніе цѣнъ:

	XIX в.	XVIII в.		XIX в.	XVIII в.
Тульская губ.			Ярославская губ.		
рожь въ 1780 гг.	437:240=1,8		рожь въ 1780 гг.	361:329=1,1	
» » 1790 »	437:285=1,5		» » 1790 »	361:480=0,7	
Тамбовская губ.			пшен. » 1780 »	698:500=1,4	
рожь въ 1797 г.	250:232=1		» » 1790 »	698:727=1	
			овесъ » 1780 »	237:162=1,5	
			» » 1790 »	237:265=0,9	
					1,2

Итакъ одинъ рубль пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія равнялся 1,2 рубля конца прошлаго столѣтія. Принимая во вниманіе недостаточность данныхъ, и во избѣжаніе опасности уменьшить средніе оброки XVIII в. и сдѣлать поэтому выводъ изъ сравненій оброковъ XVIII и XIX вѣковъ слишкомъ неблагопріятнымъ для послѣдняго,—можно принять, что цѣнность рубля конца XVIII вѣка самое большое была въ полтора раза выше цѣнности рубля половины XIX вѣка.

[1]) Средніе оброки по двадцати черноземнымъ и нечерноземнымъ губерніямъ вычислены на основаніи Приложеній къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій (т. I—IV), по образцу работы

и это зависѣло отъ разнообразныхъ причинъ. Какъ на самое распредѣленіе барщинной и оброчной системы помѣщичьяго хозяйства имѣли вліяніе удобства для земледѣлія, такъ и здѣсь выступаетъ вліяніе той же причины. При выгодности веденія сельскаго хозяйства, помѣщики переводили на оброкъ только тѣхъ крестьянъ, съ которыхъ можно было взять большой оброкъ, замѣняющій тотъ доходъ, который помѣщикъ получалъ бы съ него, заставляя крестьянина работать на барщинѣ. Дѣйствительно, на первыхъ мѣстахъ по величинѣ оброка мы видимъ черноземныя губерніи. Но здѣсь же вліяетъ и другая причина, понижающая оброкъ: малоземелье и перенаселеніе помѣщичьихъ имѣній. При малоземельѣ помѣщикъ былъ вынужденъ или переводить крестьянъ въ затяглые и не требовать съ нихъ почти никакихъ повинностей, или переводить ихъ на оброкъ, хотя бы и незначительный. Потому-то, вѣроятно, самый низкій оброкъ замѣчается въ Курской, плодородной земледѣльческой губерніи.

Необходимость отпускать иногда крестьянъ на незначительный оброкъ зависѣла также отъ другого обстоятельства: отъ наличности или отсутствія подсобныхъ промысловъ. Чѣмъ незначительнѣе были подсобные промыслы, тѣмъ труднѣе было брать съ оброчныхъ крестьянъ высокій оброкъ, и наоборотъ. Оттого-то мы и видимъ на первомъ мѣстѣ по величинѣ оброка С.-Петербургскую губернію. Подстоличные и столичные

кн. Волконскаго («Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ», гл. III). Цифра по Рязанской губерніи взята изъ его работы (См. таблицу № 3). Низкій оброкъ въ Олонецкой губерніи объясняется малымъ количествомъ чисто-оброчныхъ имѣній и отсутствіемъ въ нихъ помѣщиковъ. Въ Олонецкой губ. въ смѣшанныхъ имѣніяхъ оброки были выше и колебались отъ 14 до 30 рублей съ тягла.

заработки позволяли брать съ крестьянъ этой губерніи высокіе оброки. Кавелинъ указываетъ, что одинъ господинъ бралъ съ каждаго изъ своихъ крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ въ С.-Петербургѣ, по 450 р. сер. Масса оброчниковъ платила по 60 р. сер. съ тягла [1]). Высокій оброкъ, отмѣчаемый въ Ярославской губ., безъ сомнѣнія также зависѣлъ отъ развитія отхожихъ и мѣстныхъ промысловъ.—На величину оброка имѣли затѣмъ вліяніе размѣръ имѣнія и величина всего состоянія помѣщика. При невозможности успѣшно вести барщинное хозяйство безъ личнаго контроля при крупномъ размѣрѣ имѣнія, помѣщикъ долженъ былъ отпускать или всѣхъ, или часть крестьянъ хотя бы на низкій оброкъ. Богатство помѣщика также позволяло ему довольствоваться ничтожнымъ сравнительно оброкомъ. Это хорошо иллюстрируется примѣромъ Воронежской губерніи. По величинѣ средняго оброка эта черноземная губернія занимаетъ мѣсто среди нечерноземныхъ. Выключеніе одного имѣнія крупнѣйшаго помѣщика, гр. Шереметева, повышаетъ оброкъ до 28 р. 50 к. [2]) и ставитъ ее на первое мѣсто по величинѣ оброка.

Во многихъ имѣніяхъ къ чисто-денежному оброку, въ XIX столѣтіи такъ же, какъ и въ XVIII, прибавлялись поборы натурою, но, повидимому, они не играли большой роли и были незначительнымъ прибавкомъ къ чисто-денежному оброку.

Кромѣ чисто-оброчныхъ имѣній, въ XIX вѣкѣ было большое количество имѣній, гдѣ къ оброку присоединялось, при существованіи барщинной запашки, извѣстное количество барщинныхъ дней въ году и нѣкоторыя другія работы. Такъ, Заблоцкій-Десятовскій

---

[1]) Кавелинъ, т. II, стр. 13.

[2]) Вычислено на основаніи Приложеній къ Тр. Ред. Ком., т. I.

указываетъ, что въ большей части имѣній оброчные крестьяне были обложены сборомъ натурою, при чемъ, если была въ имѣніи барщинная запашка, оброчные давали отъ 4 до 16 рабочихъ дней въ году. Оброкъ съ крѣпостныхъ, состоящихъ на смѣшанной повинности, обыкновенно былъ ниже, чѣмъ съ крестьянъ, состоящихъ на чистомъ оброкѣ. Въ имѣніяхъ, гдѣ часть крестьянъ находилась на чисто-денежномъ оброкѣ, а часть отбывала тѣ или другія барщинныя работы, денежный оброкъ послѣднихъ соотвѣтственно понижался. Нельзя, однако, возводить это въ общее правило. Въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были частью на оброкѣ, частью на барщинѣ, часто жилъ самъ помѣщикъ, такъ какъ барщинная запашка требовала личнаго надзора за производствомъ работъ. Живя въ деревнѣ, помѣщикъ лучше зналъ состоятельность своихъ оброчныхъ крестьянъ и, стремясь къ наибольшему использованію рабочей силы крестьянъ, накладывалъ иногда высшіе оброки сравнительно съ оброками крестьянъ тѣхъ имѣній, гдѣ помѣщикъ лично не жилъ. Поэтому-то, вѣроятно, по вычисленіямъ хозяйственнаго отдѣленія редакціонной коммиссіи, касающимся одиннадцати уѣздовъ Владимірской губ., средній оброкъ по уѣздамъ въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне состояли на смѣшанныхъ повинностяхъ, былъ только въ одномъ случаѣ ниже, а въ остальныхъ уѣздахъ выше средняго оброка въ чисто-оброчныхъ имѣніяхъ [1]).

Иногда крестьяне лѣтомъ работали въ имѣніяхъ на барщинѣ и у себя, а зимою отпускались на оброкъ. Такія имѣнія встрѣчались часто, какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій, въ Новгородской, Тверской, Смоленской губ. Въ

---

[1]) Первое изданіе Трудовъ Редакціонной Коммиссіи, т. XVI, кн. II, стр. 20.

Псковской губ. смѣшанная система принимала иногда такой характеръ, что на одинъ дворъ накладывалось $^1/_2$ барщиннаго тягла и $^1/_2$ оброчнаго или на одинъ дворъ —барщину, а на другой—оброкъ; это вело къ тому, что въ одной семьѣ часть мужчинъ шла на оброкъ, а другая оставалась на барщинѣ, или для той же цѣли соединялись два тягла [1]). Иногда въ имѣніи ежегодно отпускалось на оброкъ нѣсколько тяголъ или по выбору владѣльца, или по свободному соглашенію между самими крестьянами.

Барщинная запашка, встрѣчаемая въ нечерноземныхъ губерніяхъ, какъ было указано выше, можетъ объясняться отчасти отсутствіемъ хорошихъ путей сообщенія, вслѣдствіе чего помѣщикъ нечерноземной полосы могъ выдерживать конкурренцію съ владѣльцемъ черноземнаго имѣнія. Кромѣ того, мелкопомѣстные помѣщики должны были довольствоваться небольшими доходами и, за неимѣніемъ средствъ жить въ столицахъ, должны были поселяться въ имѣніяхъ и заводить хотя небольшія запашки для удовлетворенія своихъ ближайшихъ потребностей. Барщинную запашку заводили и для острастки крестьянъ, такъ какъ послѣдніе боялись барщины и исправнѣе выплачивали оброкъ. Въ имѣніи Шиповой [2]), въ Тверской губ. не платившіе недоимщики назначались, напримѣръ, на господскій хуторъ, обрабатываемый обыкновенно наймомъ.

Въ виду недостаточности, въ большинствѣ случаевъ, земельнаго надѣла для обезпеченія денежныхъ платежей крестьянъ, очевидно, что повышеніе оброковъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII могло произойти

---

[1]) Скребицкій, т. III, стр. 1203. Показаніе членовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

[2]) Приложенія къ Трудамъ Ред. Ком., т. IV, Бѣжецкій уѣздъ, № 55.

только вслѣдствіе развитія подсобныхъ промысловъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ на помощь оброчнымъ крестьянамъ являлись земледѣльческіе отхожіе промыслы, такъ какъ, благодаря наличности подобныхъ земледѣльческихъ рабочихъ, могла производиться эксплуатація обширныхъ плодородныхъ пространствъ малонаселенныхъ южныхъ губерній со слабымъ процентомъ крѣпостного населенія. Иногда, конечно, въ этихъ губерніяхъ встрѣчались промышленныя оброчныя селенія. Такова была, напримѣръ, слобода Михайловка Новооскольскаго уѣзда Курской губ., принадлежавшая кн. Потемкиной. Въ ней было всего 5.000 рев. душъ при 14.587 дес. „Въ землѣ крестьяне не нуждались, такъ какъ почти всѣ были ремесленники, торговцы, хлѣбопашествомъ не занимались, сбывали свои произведенія, преимущественно сапоги, въ огромномъ количествѣ въ Турцію чрезъ Одессу и, исправно выплачивая помѣщицѣ оброкъ, не болѣе 9000 р. въ годъ, жили очень хорошо, а многіе даже зажиточно“ [1]. Въ лѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ въ оброчныхъ имѣніяхъ зачастую вся земля отдавалась въ пользованіе крестьянъ, хотя земельный надѣлъ былъ относительно великъ, но земледѣліе такъ же было мало развито, оброчные крестьяне уплачивали оброкъ, большею частью занимаясь лѣсными промыслами. Такъ, напримѣръ, въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губ., по указанію барона Гакстгаузена, были сильно распространены дегтярный промыселъ, мочальное производство, постройка судовъ и т. п. [2]. Иногда крестьяне уплачивали оброкъ, благодаря наличности въ предоставленныхъ имъ всецѣло господскихъ имѣніяхъ выгодныхъ статей, напримѣръ, рыбныхъ озеръ и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне уплачивали оброки бла-

[1]) Н. Рѣшетовъ. Дѣла давно минувшихъ дней. Русскій Архивъ. 1885 г, II, стр. 149.

[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 192—195.

годаря льноводству. Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. процвѣтали садоводство и птицеводство. Въ деревнѣ Порѣчьѣ гр. Паниной собиралось до 40,000 пудовъ цикорія, болѣе чѣмъ на 200,000 р. сер. [1]). Въ мѣстахъ, гдѣ было мало земли, были сильно развиты отхожіе промыслы. Иногда часть крестьянъ оставалась на мѣстѣ, при землѣ, а часть уходила на промыслы. Въ Юхотской вотчинѣ гр. Шереметева, въ Ярославской губ., изъ 9500 мужскихъ душъ только 2600 жили на мѣстѣ, а остальные промышляли по паспортамъ въ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и др. [2]). Въ селѣ Висенѣ гр. Салтыкова, въ Нижегородской губ., изъ 1820 душъ, занимавшихся большею частью сапожнымъ и башмачнымъ ремесломъ, около 500 бывали постоянно въ отлучкѣ по паспортамъ [3]). Они работали въ Саратовѣ, Астрахани, Уральскѣ и даже въ Сибири. Нѣкоторые уходили на 10—15 лѣтъ, другіе совсѣмъ поселялись въ чужихъ городахъ и никогда уже не возвращались на родину, хотя и не разрывали связей съ селомъ, уплачивая причитающіяся на нихъ подати и сохраняя за собою свой домъ, садъ, участокъ земли, хотя и сдавали его обыкновенно въ аренду. Значительная часть уходящихъ на промыслы направлялась въ столичные, портовые и другіе города. Многіе оброчные крестьяне бурлачили на Волгѣ. Гакстгаузенъ слышалъ, что большинство бурлаковъ (на Волгѣ) состояло изъ крѣпостныхъ, рѣдко изъ государственныхъ крестьянъ.

Часть оброчниковъ находила себѣ работу на фабрикахъ и заводахъ, но эти работы могли поглощать лишь небольшое количество свободныхъ рукъ, такъ какъ даже въ 1858 г. число рабочихъ на фабрикахъ

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 123.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 126.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 214.

и заводахъ равнялось лишь 548,921; при чемъ въ этомъ же числѣ нужно считать работниковъ мелкихъ крестьянскихъ фабричекъ, на которыхъ зачастую рабочій сливался съ хозяиномъ. Въ числѣ фабричныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ, какъ указываетъ М. И. Туганъ-Барановскій [1]), было много помѣщичьихъ крестьянъ. Фабриканты предпочитали нанимать ихъ, а не государственныхъ крестьянъ. Эти фабричные крѣпостные частью были невольные оброчники, т. е. помѣщичьи крестьяне, отданные самими помѣщиками за извѣстную плату на фабрику, частью самостоятельно нанимавшіеся крестьяне изъ оброчныхъ имѣній. Фабричные рабочіе должны были уплачивать изъ заработка оброкъ хозяину; при этомъ нерѣдко владѣльцы фабрикъ сами уплачивали его господину рабочаго. Это несомнѣнно должно было понижать заработки рабочихъ и держало ихъ въ полной зависимости отъ хозяевъ; подобные рабочіе назывались кабальными. Помѣщикъ, до 1835 года, могъ во всякое время потребовать оброчнаго крестьянина съ фабрики въ имѣніе, и только въ этомъ году законъ запретилъ помѣщику требовать рабочаго обратно до окончанія срока выданнаго паспорта. Но по окончаніи срока паспорта оброчникъ никогда не могъ быть увѣреннымъ, что онъ останется на свободѣ, и его не потребуютъ въ имѣніе. Нерѣдко оброчные крестьяне занимались торговлею по свидѣтельствамъ, уплачивая громадные оброки, доходящіе до 450 р. сер. съ души и выше [2]). Заработки оброчниковъ затруднялись тѣмъ, что помѣщики часто требовали взноса оброчной суммы впередъ. Для зажиточныхъ крестьянъ это не было обременительно, но бѣд-

---

[1]) Туганъ-Барановскій. Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ, стр. 92.

[2]) Кавелинъ, II, стр. 13.

ные вынуждены были прибѣгать къ займамъ за громадные проценты (нерѣдко по 15% въ мѣсяцъ), такъ что многіе крестьяне оставались вѣчно въ долгу [1]). Это-то обстоятельство ставило оброчныхъ крестьянъ въ полную зависимость отъ фабрикантовъ, уплачивавшихъ за нихъ оброки помѣщикамъ.

Положеніе оброчныхъ было тѣмъ тяжелѣе, что помѣщикъ могъ во всякое время повысить оброкъ; поэтому крестьяне нерѣдко скрывали отъ помѣщиковъ дѣйствительные размѣры своихъ заработковъ. Между тѣмъ между ними встрѣчались очень богатые люди, чему способствовали начавшіе быстро развиваться въ XIX вѣкѣ, особенно съ сороковыхъ годовъ, кустарные промыслы.

Мелкія крестьянскія фабрички съ успѣхомъ конкуррировали съ большими частными, вотчинными и поссессіонными фабриками. Конечно это могло происходить только благодаря малому развитію техники производства, дешевизнѣ матеріала и вольному труду кустарей, работавшихъ для себя, самостоятельно, и имѣвшихъ при томъ еще и подсобный заработокъ въ видѣ земледѣлія. Въ силу развитія мелкой кустарной промышленности въ сороковыхъ годахъ замѣчается размельчаніе производства, а не концентрація. Число фабрикъ растетъ, а количество рабочихъ на каждой отдѣльной фабрикѣ падаетъ. Главный контингентъ такихъ крестьянъ-кустарей и крестьянъ-фабрикантовъ почерпался изъ оброчныхъ крестьянъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ выдвинулись такія богатыя промышленныя села, какъ Иваново Шуйскаго уѣзда, Ворсма и Павлово Нижегородской губ.—оба гр. Шереметева. Первое въ сороковыхъ годахъ давало заработокъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ 42,000 человѣкъ и вы-

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. VI, стр. 288.

рабатывало ежегодно 900,000 кусковъ бумажныхъ матерій на сумму 23.400.000 р. ассигнаціями [1]). Во всѣхъ этихъ селахъ встрѣчались богатые фабриканты, имѣвшіе собственныя села и собственныхъ крѣпостныхъ, хотя и пріобрѣтенныхъ на имя Шереметева. Такъ одному фабриканту, Ивану Горемыкину, принадлежало сельцо Спасское. Нѣкоторые крестьяне имѣли по 600—700 душъ своихъ крѣпостныхъ [2]). Изъ оброчныхъ крестьянъ вышелъ такой богачъ, какъ Савва Морозовъ; въ Ворсмѣ особенно извѣстенъ былъ фабрикантъ Завьяловъ. „Въ Костромской губ. основатели всѣхъ бумаго-ткацкихъ фабрикъ, дѣйствовавшихъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, говоритъ Туганъ-Барановскій, за немногими исключеніями, были помѣщичьими крестьянами, начавшими дѣло съ небольшихъ кустарныхъ заведеній“ [3]).

Несмотря на возможность достигнуть богатства, крестьянинъ все же не былъ независимъ отъ господина. Послѣдній могъ во всякое время возвысить оброкъ до такой степени, что оброчникъ долженъ былъ неминуемо раззориться. Господинъ могъ лишить его всего имущества. Къ такимъ безчестнымъ поступкамъ прибѣгали даже богатые помѣщики. Господинъ могъ перевести оброчныхъ крестьянъ на барщину, запретить имъ заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ. Вообще эта зависимость отъ произвола помѣщика, сдерживаемаго лишь личнымъ расчетомъ, сильно понижала промышленную дѣятельность оброчныхъ крестьянъ и заставляла ихъ скрывать свои капиталы. Поэтому понятны стремленія оброчныхъ къ свободѣ и ненависть ихъ къ крѣпостному праву.

---

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 391.
[2]) Туганъ-Барановскій, стр. 99.
[3]) Тамъ же, стр. 101.

Въ этомъ отношеніи характерна судьба крѣпостного крестьянина Николая Шипова, принадлежавшаго гр. Салтыкову и жившаго въ богатой оброчной слободѣ Выѣздной Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губ. Отецъ Шипова былъ зажиточнымъ крестьяниномъ, занимался скупкою скота въ большомъ количествѣ (5—10.000 головъ) въ Уральскѣ, Оренбургѣ и Астрахани, пригоняя его для продажи въ Нижегородскую губ.; кромѣ того онъ мѣнялъ юфть на бухарскіе товары, имѣлъ пушную лавку въ Нижнемъ-Новгородѣ. Шиповъ имѣлъ собственныхъ рабочихъ и приказчиковъ, необходимыхъ при его большихъ торговыхъ дѣлахъ. Въ виду такой зажиточности Шипова, общество слободы Выѣздной накладывало на него по раскладкѣ свыше 5.000 въ годъ. Несмотря на отсутствіе въ имѣніи помѣщика, предоставившаго крестьянамъ слободы Выѣздной до извѣстной степени самоуправленіе, зависимость отъ помѣщика тяжело отзывалась на торговыхъ дѣлахъ Шиповыхъ. Въ 1828 г., напримѣръ, Шиповы понесли 18.000 р. асс. убытку потому, что помощникъ бурмистра (послѣднимъ былъ въ то время отецъ Шипова) распускалъ слухи, что на Шиповѣ состоятъ большіе начеты по управленію вотчиной, а потому его скотъ и товары будутъ арестованы; кредитъ Шипова палъ по этой причинѣ. По смерти отца, по проискамъ того же помощника, назначеннаго уже бурмистромъ, Н. Шиповъ былъ арестованъ на дому. Хотя управляющій имѣніемъ велѣлъ вскорѣ освободить его, но тѣмъ не менѣе уже было расхищено много товара; состояніе и торговыя дѣла Шипова пошатнулись. Кредитъ нельзя было возстановить, такъ какъ во всякое время Шипова, какъ крѣпостного, могли лишить всего имущества: носились слухи, что все его имущество будетъ арестовано, а его самого отдадутъ въ солдаты. Просьбы Шипова сбавить съ него оброкъ въ виду пошатнувшихся торговыхъ дѣлъ и

взыскать убытки съ виновниковъ его ареста и раззоренія не привели ни къ чему. Побившись нѣкоторое время, Н. Шиповъ, будучи энергичнымъ человѣкомъ, рѣшилъ бѣжать и тѣмъ избавиться отъ гнета крѣпостного состоянія, что и исполнилъ въ 1832 г. Но въ качествѣ бѣглаго его дѣйствія были еще болѣе стѣснены. Онъ долженъ былъ скрываться отъ посланныхъ за нимъ сыщиковъ, вести торговыя дѣла подъ чужими именами, терпя, конечно, при этомъ громадные убытки отъ отсутствія личнаго присмотра и недобросовѣстности лицъ, которымъ приходилось довѣрять. Напримѣръ, одинъ его приказчикъ, посланный съ юфтью, скрылся вмѣстѣ съ деньгами, Шиповъ же не могъ его преслѣдовать. Н. Шиповъ принужденъ былъ переѣзжать изъ города въ городъ въ Россіи и за границей, пока не утвердился на Кавказѣ, въ Пятигорскѣ, гдѣ дѣла его пошли хорошо. Въ 1837 г. мѣстопребываніе Шипова было открыто, благодаря Сухорукову, у котораго онъ служилъ комиссіонеромъ, изъ-за личныхъ счетовъ передавшему полицеймейстеру письмо, въ которомъ говорилось о бѣгствѣ Шипова. Н. Шиповъ былъ посаженъ въ тюрьму и послѣ долгой судебной волокиты былъ приговоренъ въ 1841 г. уѣзднымъ судомъ къ возвращенію къ помѣщику. Понятно, за это время состояніе его опять разстроилось. Въ 1842—43 г. Шипову опять пришлось потерпѣть чувствительные матеріальные убытки изъ-за крѣпостного состоянія. Выхлопотавъ въ 1842 г. полугодовой паспортъ, онъ пріобрѣлъ въ Кишеневѣ клейный заводъ съ шерстяною мойкою. Вернувшись на родину, онъ просилъ вновь выдать паспортъ, но получилъ отказъ. Пришлось управлять заводомъ черезъ приказчика, который ничего не сумѣлъ сдѣлать. Задатокъ и первоначальныя затраты пропали даромъ, и надежда Шипова поправить денежныя дѣла погибла. Положеніе Шипова становилось бѣдствен-

нымъ. Приходилось платить 400 р. оброку, а его, какъ опальнаго, боялись принимать даже въ услуженіе. Искъ Шипова противъ дяди, у котораго онъ оставилъ передъ бѣгствомъ часть имущества, былъ рѣшенъ магистратомъ не въ его пользу, а гражданская палата рѣшила, что по этому дѣлу могъ хлопотать только или управляющій, или помѣщикъ. Такимъ образомъ и здѣсь поперекъ дороги стало крѣпостное право. Положеніе Шипова было настолько затруднительно, крѣпостное состояніе настолько связывало его по рукамъ и по ногамъ, что Шиповъ рѣшился на отчаянную попытку освободиться. Познакомившись со статьею закона, что крѣпостные люди, бывшіе въ плѣну у горскихъ хищниковъ, по выходѣ изъ плѣна, освобождаются на волю со всѣмъ семействомъ и могутъ избрать родъ жизни, какой пожелаютъ, Шиповъ выхлопоталъ полугодовой паспортъ, пробрался на Кавказъ и пристроился маркитантомъ при дѣйствующей арміи. Здѣсь онъ дѣйствительно попалъ въ плѣнъ и былъ освобожденъ со всѣмъ семействомъ въ 1845 г. на основаніи вышеприведеннаго правила [1]). На этомъ конкретномъ примѣрѣ видно, какъ сильны должны были быть въ оброчныхъ крестьянахъ стремленіе къ свободѣ и ненависть къ крѣпостному праву.

Конечно, не всѣ были такъ энергичны и настойчивы, какъ Н. Шиповъ, но крестьяне готовы были пожертвовать половиною и болѣе своего капитала, лишь бы выкупиться на волю. Удавалось это лишь богатымъ крестьянамъ, при этомъ приходилось иногда выплачивать громадныя выкупныя суммы. Савва Морозовъ купилъ свою свободу у гр. Шереметева за 17.000 р. Заблоцкій-Десятовскій приводитъ два случая

---

[1]) Н. Шиповъ «Исторія моей жизни и моихъ странствій». Русская Старина, 1881 г., стр. 31—32.

выкупа оброчныхъ крестьянъ: въ первомъ случаѣ помѣщикъ взялъ 16.000 р., въ другомъ—30.000 р. при капиталѣ у крестьянина въ 45.000 р. У гр. Шереметева, который неохотно соглашался на выкупъ, средняя цѣна равнялась 20.000 р. за семейство. Вообще выкупныя цѣны были крайне разнообразны, такъ какъ размѣръ ихъ всецѣло зависѣлъ отъ добросовѣстности помѣщика, богатства мужика, а также и отъ того, насколько извѣстно было помѣщику состояніе выкупающагося крѣпостного. Крестьянинъ стремился скрыть свое истинное состояніе отъ помѣщика, помѣщикъ—содрать какъ можно больше съ крестьянина. Впрочемъ, нѣкоторые помѣщики не желали давать выкупа изъ тщеславія имѣть въ своей власти богачей-крестьянъ. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что помѣщики нерѣдко не желали выкупа богатыхъ крестьянъ изъ-за боязни потерпѣть убытки, такъ какъ при существованіи круговой поруки эти богачи выплачивали недоимки своихъ собратій: на этомъ основаніи пріостановилъ однажды отпускъ на волю гр. Шереметевъ. Князь Салтыковъ, владѣлецъ слободы Выѣздной Нижегородской губерніи, совершенно прекратилъ отпускъ крестьянъ на волю послѣ того, какъ онъ отпустилъ на волю крестьянина, казавшагося небогатымъ, а послѣ освобожденія выстроившаго въ Москвѣ большой каменный домъ и обширную фабрику. Одинъ крестьянинъ, очень богатый, предлагалъ ему 160.000 р. за себя и семерыхъ сыновей, чтобы онъ отпустилъ ихъ на волю; помѣщикъ не согласился. Отецъ Шипова, автора воспоминаній, хотѣлъ выкупить на волю свою внучку за 10,000 р. и также получилъ отказъ [1]).

Кромѣ относительно большей матеріальной обезпе-

---

[1]) Н. Шиповъ. «Исторія моей жизни». (Разсказъ бывшаго крѣпостного крестьянина), «Русская Старина», т. 31, стр. 227.

ченности оброчныхъ крестьянъ сравнительно съ барщинными, оброчные пользовались большею самостоятельностью, большимъ самоуправленіемъ. Нужно отмѣтить, однако, что въ этомъ отношеніи положеніе оброчныхъ ухудшилось въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII. Во многихъ мѣстахъ это произошло уже потому, что, благодаря распространенію смѣшанно-оброчныхъ имѣній, увеличилось вмѣшательство помѣщиковъ въ крестьянскую жизнь и ея распорядки. Въ этихъ имѣніяхъ помѣщикъ чаще лично раскладывалъ оброкъ, сообразуясь съ большею или меньшею состоятельностью оброчниковъ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ всѣ крестьяне отпускались на оброкъ, помѣщикъ, не живя лично въ имѣніи, не зналъ своихъ крестьянъ и не могъ поэтому соразмѣрить величину оброка съ имущественною состоятельностью каждаго отдѣльнаго крестьянина. Въ такихъ случаяхъ крестьянамъ часто предоставлялось самостоятельно раскладывать оброчную сумму, назначаемую на все общество сразу. Вмѣстѣ съ раскладкою оброчной суммы помѣщикъ обыкновенно предоставлялъ крестьянамъ до извѣстной степени и внутреннее самоуправленіе. Кошелевъ указываетъ на самоуправленіе въ оброчныхъ имѣніяхъ [1]), судъ стариковъ, мірскія сходки. Крестьяне сами раскладывали между собою подати и оброки, рѣшали на сходкахъ возникающіе вопросы и дѣла повседневной жизни. Земля у нихъ находилась—въ большей части Великороссіи—въ общинномъ владѣніи [2]). Существованіе круговой поруки и самостоятельная раскладка оброчной суммы вели къ соразмѣрности оброка съ платежною способностью крестьянъ. Для примѣра приведемъ описаніе оброчнаго села Кубенскаго, Вологод-

---

[1]) Кавелинъ, стр. 61.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ и его время». т. IV, стр. 288.

ской губ., принадлежавшаго г-жѣ Ярославлевой [1]). „Во главѣ всей общины, считающей въ себѣ 800 душъ, поставленъ со стороны помѣщицы староста, получающій 500 р. ассигнаціями жалованья. Община выбираетъ ежегодно 5 посредниковъ и 12 старшинъ, которые подчинены старостѣ и вмѣстѣ съ нимъ творятъ общинный судъ, и для письмоводства нанимается писарь съ жалованьемъ въ 200 р. ассигнаціями. Судъ разбираетъ всѣ спорныя дѣла между поселянами о границахъ земли, о наслѣдствѣ и пр., налагаетъ въ случаѣ нужды опеку и пр. Этотъ судъ налагаетъ до 24 ударовъ розгой; уголовныя дѣла, конечно, ему не подлежатъ". Въ другомъ оброчномъ селѣ, Висенѣ, Нижегородской губ., кн. Салтыкова, оброкъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ. „Каждыя 100 тяголъ выбираютъ одного старосту, слѣдовательно, на всю деревню приходится 18 старшинъ (въ с. Висенѣ—1820 душъ), которые раздѣлили всѣхъ членовъ общины на группы по ихъ имуществу и, сообразно этому, разложили на нихъ оброкъ, раздѣливши его на число душъ, такъ что, напримѣръ, одинъ богатый платитъ за 30 душъ, каждый изъ свѣчныхъ заводчиковъ платитъ за 20 душъ, и вслѣдствіе этого нѣкоторые платятъ за полъ-души" [2]). Въ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, принадлежавшемъ наслѣдникамъ Яковлевыхъ, при незначительномъ количествѣ земли, не обезпечивавшемъ платежа оброка, крестьянское общество положило всю сумму оброка на землю, но не раздѣлило его равномѣрно между своими членами, а принудило богатыхъ взять больше земли, чѣмъ сколько имъ было нужно, и чѣмъ сколько бы пришлось на ихъ долю при равномъ дѣлежѣ; черезъ такой раздѣлъ богатымъ пришлось вносить боль-

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 144—145.
[2]) Тамъ же, стр. 215.

ше чѣмъ, что могла дать земля [1]). Неравномѣрность обложенія въ оброчныхъ имѣніяхъ видна на примѣрѣ села Богородскаго, Нижегородской губ., гр. Шереметева. Въ этомъ селѣ минимумъ оброка равнялся 25 р. сер. съ души. Изъ окладной книги села за 1858 г. видно, что 9 человѣкъ платили въ годъ отъ 500 до 1530 р., всего 7560 р.; 24 человѣка—отъ 200 до 375 р., всего 5707 р. и такъ далѣе [2]).

Не всѣмъ помѣщикамъ нравилась общинная организація крестьянъ, быть можетъ, вслѣдствіе того, что при существованіи мірского самоуправленія труднѣе было эксплуатировать отдѣльныхъ крестьянъ; если только мірская организація была крѣпка, на всѣ вымогательства помѣщика крестьянинъ могъ отвѣчать опредѣленно: „міръ велитъ", „міръ отвѣтитъ", „міръ рѣшилъ" и т. п. Противъ общины вооружается и Заблоцкій-Десятовскій, указывая, что круговая порука тяжелымъ бременемъ ложится на зажиточныхъ крестьянъ, лишаетъ ихъ предпріимчивости и стремленія къ увеличенію благосостоянія. Но съ точки зрѣнія интересовъ бѣднѣйшаго класса населенія необходимо нужно признать очень важное значеніе за круговой порукой и общиннымъ самоуправленіемъ; круговая порука умѣряла и уравнивала произвольные оброки крестьянина, а самоуправленіе общины охраняло личность крестьянина отъ эксплуатаціи и произвола помѣщика. Отдѣльная личность могла скрыться за міръ: каждаго отдѣльнаго крестьянина помѣщикъ могъ притѣснить, уговорить, но, разъ дѣло касалось міра, помѣщики должны были серьезно бороться съ его стойкостью.

---

[1]) Тамъ же, стр. 74.

[2]) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III, ст. Снѣжковскаго: «Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губ. наканунѣ 19-го февраля и въ первое время послѣ него», стр. 69.

Крестьяне были привязаны къ своей общинѣ и съ трудомъ разставались съ нею. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ раздѣлить землю на отдѣльные участки и образовать родъ фермъ не удавались, если помѣщики лично не жили въ имѣніи.

Присматриваясь къ положенію оброчныхъ крестьянъ, нельзя не признать, что экономическая эксплуатація ихъ усилилась въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII, и отчасти уменьшилась ихъ самостоятельность. Но въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ крѣпостное право въ этой формѣ все-таки не насиловало личности крестьянина, не обращало его въ безсловесное, пришибленное существо. Не то было у барщинныхъ крестьянъ, къ характеристикѣ положенія которыхъ я теперь и перехожу.

ГЛАВА IV.

Крестьяне, работающіе на барщинѣ.—Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и борьба помѣщиковъ съ невыгодными сторонами крѣпостного права.—Размѣръ барщины.—Тягла.—Общинный бытъ помѣщичьихъ крестьянъ.—Крѣпостные въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ.—Крѣпостные, отбывающіе барщину на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ.

Выше, при разсмотрѣніи таблицъ о количествѣ барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ XIX и XVIII вѣкахъ, мы видѣли, что число барщинныхъ увеличилось главнымъ образомъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Помѣщики видимо считали для себя выгоднымъ переводить крестьянъ съ оброка на барщину. Уже изъ одного этого факта можно сдѣлать выводъ, что положеніе крестьянъ въ этихъ губерніяхъ ухудшилось. Барщинная обработка земли требовала тщательнаго надзора за под-

невольнымъ рабочимъ, такъ какъ только страхъ передъ наказаніемъ могъ заставить барщинника работать напряженно. Для возможно большаго использованія труда крестьянина необходимо было кромѣ того тщательно регламентировать его жизнь. При наличности барщинной запашки помѣщикъ ближе соприкасался съ личностью крестьянина, слѣдовательно, чаще могли проявляться насиліе и произволъ со стороны владѣльца. Такимъ образомъ, чѣмъ больше вниманія обращали помѣщики на барщинную запашку, чѣмъ большую роль она играла въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, тѣмъ хуже должно было становиться положеніе барщинныхъ крестьянъ.

Къ выводу объ ухудшеніи положенія барщинниковъ ко времени реформы можно подойти и другимъ путемъ. Положеніе крестьянъ зависѣло отъ величины имѣнія. Чѣмъ мельче были имѣнія, тѣмъ чаще жили въ нихъ сами помѣщики, а слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе могла проявляться съ ихъ стороны эксплуатація крестьянъ, и тѣмъ тяжелѣе была зависимость крестьянина отъ владѣльца. Въ крупныхъ имѣніяхъ крестьяне чаще отпускались на оброкъ. Между тѣмъ ко времени реформы произошло раздробленіе крупныхъ имѣній сравнительно съ началомъ XIX вѣка.

Барщинныя имѣнія можно раздѣлить на сельско-хозяйственныя и промышленныя, такъ какъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ помѣщики зачастую заводили фабрики, заводы, вообще занимались различными промышленными предпріятіями. Къ послѣдней группѣ мы перейдемъ ниже, теперь же остановимся на барщинныхъ имѣніяхъ сельско-хозяйственной группы. Барщинное хозяйство было во вторую половину XIX вѣка почти господствующимъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской, Херсонской, Таври-

ческой крестьяне почти поголовно были издѣльными. Въ самомъ характерѣ и способѣ веденія сельскаго хозяйства замѣчалась сильная разница между отдѣльными хозяйствами, а въ зависимости отъ этого была разница и въ положеніи крестьянъ.

Пока мѣновыя отношенія въ странѣ были мало развиты, и пока потребности помѣщиковъ стояли на такомъ низкомъ уровнѣ, что онѣ могли быть удовлетворены продуктами собственнаго хозяйства, — до тѣхъ поръ господствовало натуральное хозяйство. Помѣщики не заводили барщинныхъ запашекъ, а довольствовались натуральными приношеніями крестьянъ, при чемъ эти приношенія въ началѣ были даже въ готовомъ видѣ, напр., въ видѣ печенаго хлѣба, холста и т. п. Такія чисто натуральныя хозяйства врядъ ли сохранились ко времени реформы. По мѣрѣ роста своихъ потребностей помѣщикъ уже не довольствовался готовыми приношеніями крестьянъ, а требовалъ сборовъ въ видѣ сырья, которое перерабатывалось дворнею въ предметы, годные для удовлетворенія его вкусовъ. Дифференціація среди крестьянъ усилилась. Одна часть крестьянъ трудилась надъ добываніемъ сырья, другая — дворня—перерабатывала сырье въ предметы, которые могли быть потреблены барпномъ. При такомъ строѣ хозяйства извнѣ пріобрѣталось только то, чего нельзя было изготовить въ собственномъ хозяйствѣ; для этого нѣкоторая часть собираемыхъ съ крестьянъ продуктовъ шла на рынокъ. „Эта часть сельско-хозяйственныхъ произведеній“, говоритъ кн. Волконскій, „составляла, вмѣстѣ съ покупными предметами помѣщичьяго потребленія, то звено, которымъ крѣпостное населеніе привязывалось къ остальному обществу“ [1]). При та-

[1]) Кн. Волконскій, «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». Рязань, 1898 г.

комъ строѣ помѣщичьяго хозяйства барщинная запашка была незначительна, а бо́льшую роль среди помѣщичьихъ крестьянъ игралъ натуральный оброкъ. Дворня была необходимою частью хозяйства и нерѣдко бывала очень велика. Крестьяне въ такомъ имѣніи сравнительно рѣдко приходили въ соприкосновеніе съ помѣщикомъ, и экономическая эксплуатація ихъ не могла сильно развиться, такъ какъ помѣщику было невыгодно тѣснить крестьянъ, съ благосостояніемъ которыхъ было связано его собственное. Хозяйства такого типа сохранились, повидимому, до самой реформы.

Въ началѣ же XIX вѣка въ Рязанской губерніи, гдѣ процентъ барщинныхъ былъ великъ, въ южныхъ уѣздахъ (черноземныхъ) натуральное хозяйство, какъ указываетъ кн. Волконскій, было господствующимъ. Что такое было подобное натуральное хозяйство, можно показать на примѣрѣ, приводимомъ кн. Волконскимъ. Помѣщикъ Рязанской губ. Колобовъ, имѣвшій 500 душъ мужескаго пола и жившій приблизительно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, такъ велъ свое хозяйство. Покупали лишь то, что невозможно было производить дома: покупались желѣзо, соль, деготь, лѣсной матеріалъ, если его не было въ имѣніи; пряности, сухіе плоды, изюмъ, миндаль и т. п.; закуски, рыба, если не было рыбной рѣки или озера. Все покупное очень цѣнилось и тратилось очень экономно. Дворня въ имѣніяхъ этого рода была многочисленна и разнообразна. Среди дворовыхъ нерѣдко были столяры, кузнецы, молотобойцы, портные, сапожники, кучера, далѣе дворецкіе, пекари, кондитеры, слесаря, музыканты, псари и штатъ псовой охоты, актеры, повитухи, даже профессіональные дураки. Конечно, не всѣ помѣщики были настолько богаты, чтобы позволять себѣ имѣть подобную многочисленную дворню, но каждую потребность помѣщики стремились удовле-

творить по возможности при помощи труда своихъ крѣпостныхъ. А такъ какъ всѣ многочисленныя и постоянно растущія потребности не могли все-таки удовлетворяться исключительно натуральнымъ оброкомъ, то помѣщики увеличивали барщинныя запашки.

Распространеніе образованности въ Россіи, усилившіяся сношенія съ западомъ и расширеніе потребностей помѣщиковъ, какъ результатъ этихъ явленій, должны были, съ одной стороны, смягчать нравы господъ, а съ другой, — увеличивать экономическую эксплуатацію крестьянъ. Ростъ потребностей и разнообразіе ихъ приводили къ необходимости большую часть предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей, покупать на рынкѣ. Это вело къ необходимости повышать доходъ съ имѣнія, чтобы имѣть возможность поставлять на рынокъ продукты собственнаго хозяйства. Сельское хозяйство стало вестись не исключительно для производства продуктовъ, нужныхъ для *самого* помѣщика, а часть продуктовъ уже шла на *рынокъ*, чтобы при помощи продажи ихъ добыть нужныя для помѣщика деньги. Засѣвалось не то, что было нужно для *помѣщика*, не всего понемногу, какъ было при натуральномъ хозяйствѣ, а хозяинъ приноравливался *къ спросу на рынкѣ* на тотъ или другой продуктъ и *къ свойствамъ почвы* въ своемъ имѣніи. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ чаще предпочитали отпускать крестьянъ на оброкъ, чѣмъ увеличивать барщинную запашку. Въ южныхъ же губерніяхъ, по преимуществу черноземныхъ, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному приводилъ къ постепенному увеличенію барщинной запашки. Выступленіе сельскаго хозяйства на рынокъ характеризуется также введеніемъ культуръ, наиболѣе пригодныхъ для данной почвы, такъ что въ Вологодской губ. перестали сѣять пшеницу, а на черноземѣ ленъ. Впрочемъ

это улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ нарушалось нерѣдко требованіями рынка: если, напримѣръ, на рынкѣ требовалась пшеница, тогда, хотя бы данная почва была пригоднѣе для какой либо другой культуры, помѣщикъ принужденъ былъ вводить въ сѣвооборотъ пшеницу.

Развитіе сельскаго помѣщичьяго денежнаго хозяйства въ крѣпостное время затруднялось и отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія. Гакстгаузенъ, внимательно наблюдавшій хозяйственную жизнь Россіи въ сороковыхъ годахъ, говоритъ: „*Главнѣйшая потребность Россіи заключается въ улучшенныхъ путяхъ сообщенія*“ [1]). „Россія, продолжаетъ онъ, представляетъ обширную равнину, которой лучшія внутреннія губерніи удалены отъ моря, которой необильныя рѣки три четверти года несудоходны, дороги въ дождливое время непроѣзжаемы, шоссейныхъ дорогъ не существуетъ, о желѣзныхъ дорогахъ не начинаютъ думать“ [2]). Какъ извѣстно, первая желѣзная дорога въ Россіи была открыта только незадолго до отмѣны крѣпостного права. Помѣщики въ силу этого никогда не могли разсчитывать на своевременную доставку хлѣба, что очень затрудняло торговые обороты. Слѣдствіемъ плохихъ путей сообщенія были рѣзкія колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, нарушавшія расчеты хозяевъ. При плохихъ путяхъ сообщенія цѣны сильно повышались и понижались въ зависимости отъ степени урожая и удаленности отъ рынка. Въ 1843 году въ С.-Петербургской губ., напр., хлѣбъ былъ въ пять разъ дороже, чѣмъ въ Курской (съ равномѣрнымъ урожаемъ). Въ 1845 г. въ то время, какъ въ Курской губерніи цѣна ржи равнялась 1 р. 50 к., въ Псковской губерніи, на разстояніи 600 или 700 верстъ,

---

[1]) Курсивъ Гакстгаузена.

[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 413.

цѣна доходила до 14 и 15 р. сер. [1]). По доставленнымъ Гакстгаузену свѣдѣніямъ, въ Харьковской губерніи „цѣна на хлѣбъ, смотря по тому, хороши или дурны дороги, близка или судоходна рѣка, разнится въ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на 50 верстъ, больше чѣмъ на половину“ [2]). Близость рынка для сбыта сельскихъ продуктовъ дѣлала, по указанію того же Гакстгаузена, чрезвычайно выгоднымъ занятіе земледѣліемъ около Одессы. Ему указывали, что, „если около Кіева 500 крестьянъ доставляютъ доходъ въ 20,000 руб. асс., то то же количество крестьянъ около Одессы дастъ 80.000 руб. ассигнаціями“ [3]).

Затрудненіе, въ которое ставились помѣщики, занимавшіеся сельскимъ хозяйствомъ, облегчалось до извѣстной степени существованіемъ крѣпостного права. При паденіи хлѣбныхъ цѣнъ помѣщикъ, не будучи вынужденъ продавать хлѣбъ, хотя бы за безцѣнокъ, лишь бы расплатиться съ вольнонаемными рабочими, могъ выжидать повышенія цѣнъ. Это замѣтилъ баронъ Гакстгаузенъ, говоря о Харьковской губерніи: „Въ этихъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ помѣщики ни подъ какимъ видомъ не продаютъ своего хлѣба въ урожайные годы и въ большинствѣ случаевъ запрещаютъ продажу его и своимъ крестьянамъ. Поэтому въ такіе годы огромныя массы хлѣба не поступаютъ на рынокъ, и цѣны на него не падаютъ до минимума. Въ неурожайный годъ помѣщики и ихъ крестьяне продаютъ хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ, и этимъ предотвращается голодъ“ [4]). Такъ, въ 1831, 32 и 33 неурожайные

---

[1]) П. Б. Струве. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Міръ Божій, 1899 г., кн. 12. стр. 280.

[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 430.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 432.

[4]) Тамъ же, т. I, стр. 430.

годы Тамбовская губернія не только удовлетворила всѣмъ потребностямъ изъ запасовъ своихъ прежнихъ хорошихъ лѣтъ, но и продала въ сѣверныя и южныя губерніи болѣе десяти милліоновъ четвертей по такимъ высокимъ цѣнамъ, которыя обогатили помѣщиковъ, крестьянъ и купцовъ и подняли цѣнность земли на 50% [1]).—Кромѣ возможности выжидать поднятія цѣнъ, была и другая выгода существованія крѣпостного права для помѣщиковъ, при плохихъ путяхъ сообщенія. При наемномъ трудѣ помѣщикамъ пришлось бы тратить массу денегъ на доставку сельскихъ продуктовъ на рынки.

Но, доставляя помѣщикамъ оружіе для борьбы съ низкими цѣнами, крѣпостное право въ то же время способствовало и пониженію ихъ до минимума. „Не имѣя возможности разсчитать, во сколько ему самому обошлось производство хлѣба (именно, во что обходится трудъ крѣпостныхъ), говоритъ Кавелинъ, помѣщикъ не въ состояніи опредѣлить и низшей наименьшей цѣны, ниже которой нельзя ему продать хлѣбъ, не получивъ убытка, и потому наибольшая часть помѣщиковъ сообразуется только съ торговыми цѣнами и своими потребностями“ [2]).

Низкія цѣны вызывались и указанною въ упомянутой выше статьѣ П. Б. Струве недостаточностью внутренняго и внѣшняго рынка для сельскаго производства. По расчетамъ статистиковъ дореформеннаго хозяйства, обыкновенный ежегодный урожай разнаго хлѣба въ Россіи составлялъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ до 250 милліоновъ четвертей. Изъ этого количества обращалось:

---

[1]) Тамъ же, стр. 413.
[2]) Кавелинъ, т. II, стр. 27.

на продовольствіе земледѣльческаго населенія	132 милл.
„ „ городского населенія и войска	18 „
„ винокуреніе	10 „
„ обсѣмененіе	60 „
Итого	220 милл.

Значитъ, при среднемъ урожаѣ ежегодный остатокъ могъ простираться до 30 милліоновъ четвертей. Между тѣмъ въ 1845—1853 г. за границу среднимъ числомъ отпускалось около $5^1/_2$ милліоновъ четвертей, или только $^1/_6$ всего средняго производимаго излишка [1]).

Подневольный трудъ, необходимость заботиться о продовольствіи крестьянъ также могли затруднять помѣщиковъ, хотя съ этимъ они кое-какъ справлялись. Всѣ эти причины должны были значительно тормозить переходъ помѣщичьихъ хозяйствъ къ типу чисто денежныхъ. Тѣмъ не менѣе попытки перехода къ болѣе интенсивному сельскому хозяйству, приноровленному къ сбыту продуктовъ на рынкѣ, все-таки встрѣчались.

О развитіи денежнаго хозяйства можно судить по росту внутренней и внѣшней торговли сельскими продуктами. О внутренней торговлѣ хлѣбомъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ; что же касается торговли внѣшней, то цифры оффиціальной таможенной статистики указываютъ съ несомнѣнностью, что въ первой половинѣ XIX столѣтія торговля собственно хлѣбомъ всюду, за исключеніемъ Персіи и Азіатской Турціи, возросла, особенно торговля съ Европою. Вывозъ хлѣба на рынокъ сталъ замѣтно расти съ сороковыхъ годовъ и особенно съ начала пятидесятыхъ. Конечно, этотъ хлѣбъ поставлялся не исключительно помѣщиками. На

[1]) П. Б. Струве, Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства, «Міръ Божій», 1899 г., кн. 12, стр. 278—279.

рынокъ вывозили хлѣбъ и крестьяне помѣщичьи, государственные, удѣльные, но помѣщики, въ виду большаго количества земли у нихъ въ рукахъ, поставляли и бо́льшую часть этого хлѣба. Ростъ хлѣбной торговли повліялъ до нѣкоторой степени и на измѣненіе въ системѣ веденія сельскаго хозяйства. Помѣщики, вмѣсто производства почти исключительно для себя, вывозили все больше и больше сельскихъ продуктовъ на рынокъ.

О состояніи внутренняго рынка у насъ, какъ уже упомянуто выше, нѣтъ систематическихъ данныхъ; имѣются, однако, указанія, что внутренній рынокъ имѣлъ больше значенія для торговли сельскими продуктами, чѣмъ внѣшній. Такъ, А. Семеновъ (въ книгѣ своей „Изученіе историческихъ свѣдѣній о внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г.") указываетъ на невыгоды внѣшней торговли сельскими продуктами. Прежде всего „большій или меньшій вывозъ хлѣба зависитъ отъ состоянія урожая за границею" (стр. 310). Большій урожай понижаетъ спросъ, меньшій повышаетъ, такъ что эти колебанія дѣлаютъ невозможными для сельскихъ хозяевъ правильные расчеты въ хозяйствѣ. Хлѣбной торговлѣ, по указанію Семенова, мѣшаетъ также соперничество Америки, Египта и Турціи (для пшеницы и кукурузы), въ сбытѣ другихъ сельскихъ продуктовъ другія страны. Кромѣ того заграничное требованіе простирается больше на пшеницу, слѣдовательно, на такого рода хлѣбъ, который въ средней полосѣ Россіи мало производится... Отпускъ пшеницы подверженъ случайностямъ войны, установленія таможенныхъ пошлинъ въ иностранныхъ государствахъ на привозный хлѣбъ; самая отдаленность нашихъ приморскихъ городовъ отъ заграничныхъ рынковъ замедляетъ отпускъ хлѣба въ иностранныя государства [1]).

---

[1]) Семеновъ, стр. 306.

Между тѣмъ внутреннимъ губерніямъ, въ виду отдаленности ихъ отъ рынковъ для заграничнаго отпуска хлѣба, заграничная торговля представляетъ менѣе выгодъ, чѣмъ сбытъ хлѣба внутри государства. Семеновъ особенно сильно напираетъ на значеніе для внутренняго рынка именно сѣверныхъ промысловыхъ губерній. Принимая въ общемъ, что заграничный отпускъ равняется пяти милліонамъ четвертей хлѣба, Семеновъ считаетъ, что на внутренній рынокъ поставляется ежегодно до сорока мил. четв. хлѣба, т. е. въ восемь разъ больше, чѣмъ на внѣшній. Другія сельскія произведенія, по его словамъ, также сбываются главнымъ образомъ на внутреннемъ рынкѣ. Если даже принять половину его цифры, все же очевидно, что значеніе внутренняго рынка для сельскихъ хозяевъ, сравнительно съ внѣшнимъ, было очень велико.—Главными потребителями хлѣба, идущаго въ промысловыя губерніи, были оброчные крестьяне этихъ губерній. Отъ степени ихъ благосостоянія зависѣлъ и ростъ этого рынка, а тормозомъ для развитія этого благосостоянія было крѣпостное право. Такимъ образомъ сельскіе хозяева хлѣбороднаго района были въ извѣстной степени заинтересованы въ благосостояніи промысловыхъ губерній, а насколько это благосостояніе связано было съ крѣпостнымъ правомъ, и въ паденіи послѣдняго. Слѣдовательно, самый ростъ сельскаго хозяйства могъ до извѣстной степени доводить сельскихъ хозяевъ до сознанія выгодъ отмѣны крѣпостного права, если не въ ихъ губерніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ промышленныхъ. Конечно, такое сознаніе могло явиться лишь у очень развитыхъ хозяевъ, способныхъ оцѣнивать выгоды и невыгоды положенія, откинувъ различныя традиціи, привязанность къ крѣпостному праву, и при томъ у хозяевъ, перешедшихъ уже къ исключительно денежному хозяйству. Такихъ хозяевъ не могло быть много.

Всѣ указанныя выше затрудненія помѣщичьяго сельскаго хозяйства привели къ тому, что обратились къ промышленнымъ предпріятіямъ для переработки сельскихъ сырыхъ продуктовъ въ такіе, которые могли получить болѣе легкій сбытъ на рынкѣ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно на юго-западѣ, помѣщики, разводя свеклу, устраивали свеклосахарные заводы, въ другихъ, сѣверныхъ по преимуществу, получили развитіе винокуренные заводы, распространились также суконныя фабрики и иныя подобныя заведенія.

Отсутствіе хорошихъ путей сообщенія вызывало и другія явленія въ сельско-хозяйственной практикѣ помѣщиковъ. Необходимость доставлять хлѣбъ хотя бы на ближайшіе рынки заставляла помѣщиковъ увеличивать извозную повинность. Такъ Самаринъ указываетъ, что по справкамъ, наведеннымъ въ имѣніяхъ Московской, Тульской и Рязанской губерній, „почти постоянно, особенно, если въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ имѣніе нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки, гдѣ съ тягла ставилась прежде одна подвода, тамъ теперь ставятъ двѣ, три и больше“ [1]). Насколько была велика разница въ отношеніи извозной повинности при натуральномъ хозяйствѣ и денежномъ, приноровленномъ въ производству на рынокъ, видно изъ брошюры кн. Волконскаго. Помѣщикъ Колобовъ не прибѣгалъ къ увеличенію извозной повинности, а предпочиталъ продавать хлѣбъ дома, хотя бы и за болѣе дешевую цѣну. Этимъ онъ снискалъ себѣ среди крестьянъ большую популярность. Помѣщикъ Тепловъ въ Орловской губ., съ цѣлью освободить крестьянъ отъ обременительной извозной повинности, стремился развить мелочную торговлю хлѣбомъ на

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 69.

мѣстѣ; на такое рѣшеніе вліяло и то обстоятельство, что „мелочныя мѣстныя цѣны бываютъ выгоднѣе“ [1]). Помѣщикъ Рязанской губ., Семеновъ, такъ цѣнилъ подводную повинность, что въ своемъ имѣніи онъ за вывозъ на разстояніе 350 в. сверхъ 156 положенныхъ пудовъ еще 26 п. на тягло брался уплатить всѣ казенныя земскія повинности и принять на свой счетъ обмундировку и отдачу рекрутъ въ тотъ годъ, въ который придется очищать рекрутскую повинность, если только повинности не будутъ превышать 4 р. сер. Интересно, то въ XVIII вѣкѣ одна подвода на разстояніи 270 верстъ цѣнилась только въ 1 р. 50 к. „Подводная повинность считалась, говоритъ кн. Волконскій, самою тяжелою и подчасъ обращалась для крестьянъ въ настоящую зимнюю страду“ [2]). Помѣщикъ Семеновъ въ своемъ руководствѣ,—которое, по словамъ кн. Волконскаго, можно признать типичнымъ для условій среднихъ помѣщичьихъ хозяйствъ Рязанской губерніи,—считаетъ на подводную повинность 2,603 мужскихъ дней при 5,230 лошадяхъ (въ имѣніи 283 р. д. м. п.). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ коммиссій, помѣщики давали крестьянамъ, для облегченія тяжелой извозной повинности, землю или извѣстное количество возовъ сѣна. Въ Рязанской губ. вывозкою хлѣба занимались государственные крестьяне и оброчные, такъ какъ иногда помѣщики были не въ состояніи вывести весь хлѣбъ на рынокъ при помощи собственныхъ крестьянъ.

Вмѣстѣ съ переходомъ къ денежному хозяйству росли и помѣщичьи запашки. Помѣщики начинали все

---

[1]) Тепловъ, Опытъ улучшенія быта крестьянъ, Москва, 1870 г. стр. 216.

[2]) Кн. Волконскій, указ. соч., стр. 142.

болѣе и болѣе цѣнить землю. Необходимость отвода части земли крестьянамъ стѣсняла ихъ, а потому у нихъ являлось стремленіе уменьшить количество крестьянской земли. Какъ было указано выше, въ двадцати разсмотрѣнныхъ губерніяхъ, тамъ, гдѣ преобладалъ процентъ барщинныхъ крестьянъ, общее количество земли, предоставленное въ пользованіе крестьянъ, упало въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII до половины и менѣе всей господской удобной земли. Съ цѣлью сохранить для себя возможно большее количество земли, нѣкоторые помѣщики прекращали нарѣзку земли на вновь прибывшія тягла, прекращали увеличеніе количества послѣднихъ, переводя часть крестьянъ въ затяглые, отпускали лишнихъ крестьянъ на безземельный оброкъ, наконецъ, переселяли ихъ въ другія свои многоземельныя имѣнія или же продавали крестьянъ безъ земли на выводъ. Объ увеличеніи барщинной запашки свидѣтельствуютъ современники: Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ черноземныхъ губерніяхъ въ сороковыхъ годахъ крестьяне обрабатывали на помѣщика болѣе, чѣмъ на себя. Такъ въ Саратовской губерніи въ имѣніи кн. К. каждое тягло должно было обработать болѣе 21 дес., изъ которыхъ лишь 7 десятинъ обрабатывало на себя. Въ Нижегородской губ., въ имѣніи г-жи Пр-вой, „крестьяне, обрабатывая на себя по 740 дес., помѣщику обрабатывали 900 десятинъ и т. д.“ [1]).

Уменьшеніе среднихъ крестьянскихъ надѣловъ въ XIX вѣкѣ сравнительно со среднимъ надѣломъ въ въ XVIII было уже отмѣчено выше. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ надѣлъ сокращался иногда до невозможности существовать съ него крестьянамъ. Въ имѣніи Пензенской губ. помѣщика Столыпина земля не прирѣза-

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 277.

лась съ 1816 г. до второй половины сороковыхъ годовъ, а между тѣмъ за это время число крестьянъ возросло съ 240 до 336 ревизскихъ душъ. При ежегодномъ передѣлѣ земли между крестьянами, надѣлы стали въ концѣ концовъ недостаточными, и прежде богатые крестьяне, при отсутствіи подсобныхъ промысловъ, обѣднѣли [1]). Самаринъ указывалъ, что крестьянскія поля сокращаются до послѣдней возможности, и лучшія земли отходятъ подъ господскую запашку; при обмежеваніяхъ особенно часто происходятъ невыгодные для крестьянъ обмѣны: отъ нихъ нерѣдко отрѣзывается земля безъ всякаго вознагражденія [2]). Съ точки зрѣнія эгоистическихъ расчетовъ помѣщиковъ вполнѣ понятно стремленіе ихъ сократить крестьянскіе надѣлы до того, чтобы сборъ съ даваемаго количества земли только-только покрывалъ потребности крестьянъ. Съ цѣлью не увеличить количество крестьянской земли, помѣщики переставали прирѣзать землю на вновь прибывавшія тягла при увеличеніи населенія, а заставляли крестьянъ передѣляться. Особенно замѣтно было это въ тридцатыхъ годахъ, какъ указываетъ Заблоцкій-Десятовскій, въ малоземельныхъ имѣніяхъ. Въ многоземельныхъ прирѣзки еще могли совершаться безъ большого ущерба для помѣщиковъ.—Въ связи съ этимъ можно поставить запрещеніе раздѣловъ семей. При раздѣлахъ необходимы раздѣлы земли или новая прирѣзка ея. Послѣднее было невыгодно для помѣщика, а первое уменьшало рабочую силу крестьянскаго тягла. Поэтому помѣщики мѣшали раздѣламъ, такъ что получались иногда громадныя семьи, доходящія до 27 и 40 человѣкъ [3]).

[1]) Д. Столыпинъ. «Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостного права». Русскій Архивъ, тетрадь 5.

[2]) Самаринъ, т. II, стр. 60.

[3]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 306.

Но, отнимая землю у крестьянъ, уменьшая крестьянскіе надѣлы, помѣщикъ былъ все же ограниченъ въ экономической эксплуатаціи крестьянъ отвѣтственностью за ихъ продовольствіе. Съ этою цѣлью помѣщики прибѣгали къ общественнымъ запашкамъ, заводили запасные магазины, куда ссыпали хлѣбъ, собранный ими на подобныхъ запашкахъ или при помощи особыхъ сборовъ съ крестьянъ. Въ неурожайные годы хлѣбъ выдавался крестьянамъ изъ этихъ магазиновъ. Иногда помѣщики заставляли ссыпать въ особые амбары хлѣбъ, собранный съ крестьянской земли, и лично выдавали его крестьянамъ по мѣрѣ надобности. Такой именно способъ рекомендуетъ Семеновъ въ своемъ „Руководствѣ“ [1]). Это дѣлалось, конечно, съ цѣлью больше регламентировать расходы по имѣнію. Въ этомъ смыслѣ интересенъ договоръ кн. Гагариной съ крестьянами Херсонской губ. при переводѣ ихъ въ обязанные (въ 1846 г.). Аккуратная уплата казенныхъ податей обезпечивалась по договору общественною запашкою, при чемъ каждый хозяинъ обязывался обработать по $^1/_2$ десятины; доходъ съ общественнаго поля поступалъ въ кассу для выдачи заимообразно денегъ изъ 5%, а вдовамъ, калѣкамъ и дѣтямъ до вступленія въ хозяйство и безъ возврата. Деньги, хранящіяся въ общественной кассѣ, употребляются на немедленную помощь въ несчастныхъ случаяхъ, на лѣченіе въ больницѣ, на содержаніе пожарныхъ инструментовъ. Въ запасный магазинъ каждый хозяинъ обязанъ былъ вносить опредѣленное количество хлѣба [2]). Нѣкоторые помѣщики, какъ указываетъ Самаринъ, отбирали у своихъ крестьянъ послѣ уборки хлѣба сѣмена для будущаго посѣва и держали ихъ у себя; запрещали имъ безъ

---

[1]) Брошюра кн. Волконскаго.

[2]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопр., т. II, стр. 99.

дозволенія конторы занимать деньги, продавать что либо изъ своего имущества, назначали крестьянамъ, отпуская ихъ на заработки, куда имъ итти, условливались за нихъ съ подрядчиками, принимали отъ подрядчиковъ заработанныя деньги, выдавая ихъ крестьянамъ по мѣрѣ надобности и лишь на опредѣленные расходы. Помѣщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ разрѣшали крестьянину вступать въ бракъ не раньше, чѣмъ онъ выучится какому либо мастерству и докажетъ свое умѣніе, выполнивъ на господскомъ дворѣ заданный ему урокъ; этимъ убѣждались, что крестьянинъ можетъ содержать семью.

Къ подобнаго же рода мѣропріятіямъ можно отнести и опытъ Вилькинса. Вилькинсъ въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія, ссылаясь на удачный опытъ въ Рязанской губерніи, рекомендовалъ устройство сводныхъ семействъ. Онъ „совѣтовалъ всѣмъ соединять въ одно хозяйство по нѣсколько тягловыхъ, женатыхъ работниковъ, не менѣе четырехъ. Сведенныя семьи должны жить въ одномъ дворѣ, имѣть одинъ столъ, скотъ, орудія, запасы; словомъ, вся движимость должна быть общая. Надъ каждымъ таковымъ хозяйствомъ помѣщикъ назначаетъ начальника, который полновластно распоряжается всѣми рабочими силами своднаго хозяйства какъ на барщинѣ, такъ и у себя дома, отвѣчаетъ за успѣшность работъ, за нравственность своихъ подчиненныхъ и, наконецъ, распоряжается ихъ дѣтьми, какъ своими собственными“ [1]). Впрочемъ, самъ Вилькинсъ замѣчаетъ, что мужики съ неохотою примутъ такое нововведеніе. Вилькинсъ желалъ повысить интенсивность труда большимъ контролемъ надъ крестьянами. Отвѣтственный начальникъ изъ крестьянъ могъ лучше слѣдить за своими подчиненными, чѣмъ самъ помѣщикъ.

[1]) Самаринъ, т. II, стр 53—54.

Здѣсь надзоръ былъ учрежденъ за всею жизнью крестьянина. Издѣльный крестьянинъ хоть въ избѣ могъ чувствовать себя свободнымъ отъ надзора господина; въ такихъ же имѣніяхъ крестьянинъ постоянно, днемъ и ночью, находился бы подъ строгимъ надзоромъ.

Какъ на послѣдствіе увеличенія цѣнности земли для помѣщика и стремленія увеличить господскую запашку необходимо также указать на очень интересное явленіе, которое наблюдается еще въ XVIII вѣкѣ и учащается въ XIX в. Это—такъ называемая мѣсячина. Въ такихъ случаяхъ помѣщики отнимали отъ крестьянъ землю и давали взамѣнъ крестьянамъ и ихъ семействамъ жилище и полное содержаніе круглый годъ; землю же обрабатывали мѣсячники собственными орудіями помѣщика. Такіе крѣпостные работали на помѣщика цѣлую недѣлю. Въ XVIII вѣкѣ мѣсячина была еще рѣдкимъ явленіемъ [1]). Въ XIX в. переводъ крестьянъ въ мѣсячники участился. Но въ Великороссіи, по свѣдѣніямъ редакціонной коммиссіи, и передъ самою реформою мѣсячина составляла рѣдкое исключеніе; наоборотъ, въ Малороссіи обезземеливаніе крестьянъ производилось въ большихъ размѣрахъ [2]). Самаринъ говоритъ объ этомъ такъ: „Мѣсячники, кажется, появились прежде всего въ Бѣлоруссіи и Малороссіи: теперь же они попадаются во многихъ губерніяхъ, даже въ многоземельныхъ, какъ, напр., Оренбургской и Симбирской, при томъ всегда въ самыхъ мелкихъ имѣніяхъ“ [3]). Чаще всего такіе переводы совершались въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, такъ какъ тамъ чаще могъ встрѣчаться недостатокъ въ землѣ. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ Рязанской губерніи, гдѣ осо-

---

[1]) В. И. Семевскій, Крестьяне при имп. Екатеринѣ II, стр. 42.
[2]) Скребицкій, т. II, стр. 1072.
[3]) Самаринъ, соч. т. II, стр. 55.

бенно много мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, имѣющихъ по нѣскольку десятковъ душъ, переводы на мѣсячину часты [1]). Точно такъ же и Ю. Ѳ. Самаринъ, отмѣчая постепенное увеличеніе съ 1830 г. количества мѣсячниковъ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на зависимость этого явленія отъ дробленія имѣній: гдѣ наиболѣе дробятся имѣнія, тамъ наиболѣе размножаются мѣсячники. Но такіе случаи бывали и въ большепомѣстныхъ имѣніяхъ. Такъ, Заблоцкій-Десятовскій приводитъ въ примѣръ, что въ Тамбовской губерніи крупная помѣщица, княгиня В-ская, перевела всѣхъ своихъ крестьянъ на мѣсячину; крупный помѣщикъ Ж-ъ той же губерніи также перевелъ значительную часть крестьянъ на мѣсячное содержаніе [2]). Помѣщикъ Орловской губ., Тепловъ, имѣвшій болѣе 500 душъ крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на пять группъ: 1) мѣсячники, 2) тягловые работники (барщинники), 3) и 4) оброчные, надѣленные землею и безземельные, и 5) нанимающіе землю. Мѣсячники, составлявшіе отъ $^1/_7$ до $^1/_{10}$ всѣхъ рабочихъ въ имѣніи, работали ежедневно, кромѣ воскресеній, подъ присмотромъ сельскихъ начальниковъ, получали мѣсячное продовольствіе, пищу, одежду и помѣщеніе. Они имѣли, кромѣ того, овощники и полутягловое количество сѣнокоса для домашняго скота. Одни мѣсячники находились при постоянномъ дѣлѣ и получали жалованіе; другіе употреблялись только при текущихъ работахъ и не получали жалованія. Мѣсячники не участвовали ни въ какихъ выборахъ общинныхъ начальниковъ, имъ запрещалось даже присутствовать на воскресныхъ сходахъ крестьянъ для обсужденія мірскихъ дѣлъ. Въ разрядъ мѣсячниковъ могли переходить сами крестьяне, сложивъ съ себя тягло; кромѣ того, въ бобыли перево-

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 279.
[2]) Тамъ же, стр. 280.

дили несостоятельныхъ тягловыхъ работниковъ, которымъ міръ отказывался помогать, а сами они не желали воспользоваться безземельнымъ оброкомъ [1]). Иногда помѣщики употребляли переводъ на мѣсячину какъ мѣру для того, чтобы всецѣло использовать рабочія силы крестьянъ. Мѣсячники чаще приходили въ соприкосновеніе съ помѣщикомъ, въ силу чего больше зависѣли отъ характера, расположенія духа владѣльца и его капризовъ, чѣмъ издѣльные крестьяне. Они не имѣли своего угла: вся ихъ жизнь проходила на виду у господина. Положеніе мѣсячниковъ близко подходило къ положенію рабовъ. „Мѣсячники, говоритъ объ ихъ состояніи Самаринъ, стоятъ на самомъ рубежѣ между крѣпостнымъ состояніемъ и рабствомъ... Мѣсячнику нѣтъ исхода изъ его положенія, и, кромѣ скудно обезпеченнаго содержанія и вѣчнаго труда на другого до истощенія силъ, будущность ему ничего не представляетъ“ [2]). Дѣйствительно, желая заставить мѣсячника работать интенсивно, помѣщикъ долженъ былъ учреждать строгій надзоръ, усиливать мѣры наказанія, заставлять работать до изнеможенія силъ. Понятно, какимъ отвратительнымъ продуктомъ крѣпостного права нужно считать мѣсячничество. И, если бы крѣпостное право не было уничтожено, а сельское денежное хозяйство продолжало бы развиваться, можетъ быть, мы дождались бы постепеннаго полнаго обращенія крѣпостныхъ въ рабовъ, подъ именемъ мѣсячниковъ.

Необходимость строгаго надзора надъ крѣпостными для повышенія интенсивности ихъ труда составляла больное мѣсто крѣпостного права, заставлявшее многихъ помѣщиковъ еще при Екатеринѣ II задумываться о выгодахъ и преимуществахъ вольнонаемнаго труда

---

[1]) Тепловъ, Опытъ улучшенія быта крестьянъ, стр. 32 и 70.
[2]) Самаринъ, т. II, стр. 77—78.

ередъ барщиннымъ. Въ 1843 г. Вилькинсъ писалъ въ Земледѣльческомъ Журналѣ": „Кто изъ помѣщиковъ; ично занимавшихся своимъ хозяйствомъ и обработы-ающихъ землю издѣльными крестьянами, не знаетъ, о собственному опыту, какъ медленно и небрежно сполняются ими барщинскія работы, если нѣтъ за ими внимательнаго и строгаго присмотра". Псковскій помѣщикъ Воиновъ указывалъ въ 1852 г.: „Смѣло можно сказать, что въ хорошо управляемыхъ барщи-нахъ, 3/4 барщинниковъ отвѣчаютъ и за себя и за дру-гихъ, т. е., что работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени" [1]). Вялость крѣпостного труда создала даже поговорку о лѣнивомъ работникѣ: „Ты работаешь, словно на барщинѣ" [2]). Кавелинъ указываетъ, что у крестьянъ батракъ нанимается за различную плату въ зависимости отъ того, будетъ ли батракъ работать вмѣсто мужика на барщинѣ, или у него самого въ полѣ или домѣ: въ первомъ случаѣ берется меньшая плата, чѣмъ во второмъ [3]).

Съ малою интенсивностью труда помѣщики боролись различными способами. Объ усиленномъ надзорѣ за крестьянами мы уже говорили. Мы видѣли также, что необходимость большого надзора надъ крѣпостными дѣлала затруднительнымъ веденіе сельскаго хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне зачастую отпускались на оброкъ. Въ мелкихъ имѣніяхъ такой надзоръ былъ удобенъ, но здѣсь и положеніе крестьянъ было хуже. Съ этимъ неудобствомъ крѣпостного права помѣщики боролись и другими мѣрами. Въ числѣ этихъ мѣръ можно отмѣтить переводъ крестьянъ на урочное положеніе. Самаринъ указываетъ на попытки „подве-

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 37, примѣчаніе.
[2]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 327.
[3]) Кавелинъ, т. II, стр. 14.

сти крестьянскія повинности подъ опредѣленное урочное положеніе" [1]). Точно такъ же Семеновъ въ своемъ „Руководствѣ" говоритъ объ обработкѣ земли въ своемъ имѣніи по урокамъ, которые распредѣлены на дни конные, мужскіе и женскіе; за неисполненіе же урока грозило наказаніе. То же явленіе указано Заблоцкимъ-Десятовскимъ въ имѣніи гр. Шереметевыхъ въ Пензенской губерніи: здѣсь всѣ работники работали одну работу на барщинѣ, а другую у себя; на барской работѣ имъ задавались уроки настолько большіе, что крестьяне не успѣвали ихъ кончить и употребляли на это дня по два и по три изъ своей недѣли [2]). Въ имѣніи Бунина Тамбовской губерніи, „при обыкновенной трехдневной барщинѣ, точно опредѣлялось и предписывалось, что долженъ сдѣлать каждый крестьянинъ: напримѣръ, въ рабочій барщинный день полагалось вспахать $^1/_2$ десятины и скосить половину большой десятины ржи или половину казенной десятины овса или сѣна. Женщина должна была сжать и связать 2 ряда, по 4 крестца въ каждомъ ряду, по 13 сноповъ въ каждомъ крестцѣ" [3]). Въ имѣніи К. В., приводимомъ Повалишинымъ какъ образецъ нормальнаго хозяйства въ Рязанской губерніи, „вся работа крестьянъ была на строгомъ учетѣ и производилась по урокамъ" [4]). Въ иныхъ имѣніяхъ урокъ назначался не по днямъ, а опредѣлялось количество земли, обработать которое долженъ былъ крестьянинъ. Нормальнымъ урокомъ считалась обработка 1—$1^1/_2$ десятинъ въ полѣ съ тягла. У В. Л. Демидова, помѣщика Нижегородской губерніи,— который такъ хорошо велъ хозяйство, что однажды къ

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 37, примѣчаніе.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 279.

[3]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 401.

[4]) Труды Рязанской Археологич. Ком. 1899 г., т. XIV, вып. I, статья Повалишина, стр. 30.

нему пріѣхалъ директоръ Петровской академіи для ознакомленія съ его хозяйствомъ,—каждый крестьянинъ обязанъ былъ обработать въ пользу помѣщика одну казенную десятину въ каждомъ изъ трехъ полей и 1/8 десятины луга [1]). Какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій, нѣкоторые помѣщики давали крестьянамъ землю сверхъ надѣла „за усердіе". Это дѣлалось, вѣроятно, также для того, чтобы повысить интенсивность труда крѣпостныхъ. Съ тою же цѣлью нѣкоторые помѣщики, назначая сгонные дни и налагая на крестьянъ излишнія противъ обыкновеннаго работы, давали имъ за это извѣстное количество пашни или сѣнокоса.

Невыгодность обработки земли трудомъ крѣпостныхъ побуждала нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ отдачѣ земли своимъ же крѣпостнымъ въ наемъ. Напримѣръ, въ имѣніи князя Васильчикова, въ Воронежской губерніи, крестьяне не несли барщинныхъ и оброчныхъ повинностей, а платили за количество десятинъ земли, которую снимали отъ помѣщика на тѣхъ же правилахъ и правахъ, какъ отдается земля въ арендное содержаніе постороннимъ лицамъ [2]). Въ имѣніи Загоскина, во Владимірской губерніи, въ 1853 году по добровольному соглашенію съ крестьянами была уничтожена барщина. Крестьяне, въ количествѣ 80 тяголъ, приняли помѣщичью землю въ видѣ аренды [3]). Въ имѣніи князя Лобанова-Ростовскаго, въ Орловской губерніи, вся земля отдавалась съ торговъ въ наемъ своимъ или сосѣднимъ крестьянамъ; своимъ было предоставлено право, при уплатѣ пяти рублей за десятину усадебной и

---

[1]) Н. Демидовъ. Историческій очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Нижній-Новгородъ. 1884 г.

[2]) Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій, т. I, Бобровскій уѣздъ, № 28.

[3]) Тамъ же, т. I, Покровскій уѣздъ, № 10.

огородной земли, не допускать ея до торговъ [1]). Упоминавшійся уже помѣщикъ Тепловъ указываетъ, что „самые сильные оброчные въ послѣдніе годы передъ эмансипаціею стали снимать у него землю на девятилѣтній срокъ. Еще въ 1851 г. въ селѣ Молодовомъ былъ введенъ обычай пятую часть неудобренныхъ господскихъ полей отдавать въ наемъ подесятинно и подъ одинъ урожай. Такими наймами пользовались оброчные и издѣльные крестьяне вмѣстѣ съ посторонними. Десятилѣтній срокъ далъ наемщикамъ возможность удабривать нанимаемую землю и приблизилъ ихъ въ этомъ отношеніи къ фермерамъ, несмотря на разбросанность нанимаемыхъ ими полевыхъ участковъ“ [2]). Интересно въ этомъ отношеніи устройство хозяйства (102 тыс. дес.) въ имѣніяхъ Нарышкина, въ Саратовской губ., введенное тамъ въ пятидесятыхъ годахъ и основанное отчасти на крѣпостномъ, а отчасти на вольномъ трудѣ. Озимые хлѣба сѣялись и убирались урочной, огульной работой всего общества; пшеница же и просо убирались наймомъ или исполу; сѣнокосъ также убирался наймомъ съ предварительной съемкой съ осени до слѣдующаго сѣнокоса, когда косцы являлись по полученіи повѣстки [3]). При просмотрѣ Воронежской, Калужской, Московской, Ярославской и Тверской губ. въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Коммиссій отмѣчено семнадцать имѣній, гдѣ земля сдавалась въ арендное содержаніе или крестьянамъ того же помѣщика, или постороннимъ; тамъ же есть указанія на подобныя имѣнія и въ другихъ губерніяхъ.

Нѣкоторые помѣщики считали для себя выгоднѣе

---

[1]) Тамъ же, т. II, Дмитровскій уѣздъ, № 2.

[2]) «Воспоминанія декабриста Бѣляева о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.», «Русская Старина», 1886 г., февраль, стр. 379.

[3]) Тепловъ, Опытъ улучшенія быта крестьянъ, стр. 35.

отдавать землю крестьянамъ за половину урожая. Такъ поступалъ, между прочимъ, вышеназванный помѣщикъ Рязанской губерніи, Семеновъ, отдававшій крестьянамъ половину картофеля съ поля, обрабатываемаго ими сверхъ барщины. Въ имѣніи Филиппова, въ Тамбовской губерніи, ненаселенная земля, имѣющаяся при имѣніи въ количествѣ 1126 десятинъ, обрабатывалась крестьянами исполу и отдавалась за деньги [1]). Въ среднихъ по величинѣ имѣніяхъ для хорошаго обезпеченія крестьянъ землею, такъ, чтобы они не бѣдствовали и не требовали постоянной помощи отъ владѣльца, помѣщики большею частью должны были давать половину земли крестьянамъ. Такъ, Семеновъ въ своемъ „Руководствѣ", желая устроить образцовое имѣніе, чтобы крестьяне были обезпечены (ровно настолько, чтобы имъ хватало средствъ въ обрѣзъ), дѣлитъ землю между ними и собою почти поровну. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ отдача въ обработку крестьянамъ своей половины не могла особенно вредить помѣщику, строившему свои расчеты не на грубой эксплуатаціи крестьянъ; онъ могъ только выиграть, такъ какъ крестьяне были сами непосредственно заинтересованы въ хорошемъ урожаѣ.

Къ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью повысить интенсивность крѣпостного труда, можно отнести и попытки артельныхъ организацій сельскаго хозяйства въ крѣпостное время. Помѣщикъ Стремоуховъ еще въ 1829 г. въ „Земледѣльческомъ Журналѣ" описывалъ устройство хозяйства въ своемъ селѣ Миловидовѣ, Сумскаго уѣзда. Помѣщичье и крестьянское хозяйство „были соединены вмѣстѣ и, подъ руководствомъ помѣщика, ввѣрены надзору крестьянскаго общества, при условіи ра-

---

[1]) Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій, т. III, Тамбовскій уѣздъ, № 132.

венства въ раздѣлѣ семейныхъ участковъ. Вся обработка производилась на счетъ владѣльца изъ половины доходовъ, но и при этомъ доходъ хозяина былъ выше, чѣмъ при прежнемъ раздѣльномъ хозяйствѣ, благодаря взаимному наблюденію и надзору барскаго „дружиннаго". Двѣ дружины или сохи составляли посадъ, подчиненный „посадскому", и три посада—вотчину, подчиненную „вотчинному старшинѣ". Скотный дворъ былъ общественнымъ" [1]). Другой помѣщикъ, Жуковъ, въ своемъ имѣніи Балашовскаго уѣзда образовалъ изъ своихъ крестьянъ „дружину". Онъ посадилъ часть крестьянъ на мѣсячину по ихъ дворамъ и производилъ обработку земли артельнымъ трудомъ. Попытка была, видимо, удачна, такъ какъ въ 1848 г. Жуковъ купилъ себѣ еще имѣніе въ Московской губ. [2]). Фонъ-Визинъ указываетъ въ своей запискѣ (1842 г.) на артельное устройство въ имѣніи одного купца, купившаго его на имя дворянина. Господская и крестьянская земля соединены вмѣстѣ, и поля обрабатывались міромъ подъ наблюденіемъ купца и по его распоряженіямъ; урожай послѣ молотьбы, за вычетомъ сѣмянъ, дѣлился пополамъ между владѣльцемъ и крестьянами; такъ же поступали съ сѣномъ. Въ свободное отъ полевыхъ занятій время крестьяне могли заниматься различными промыслами. Фонъ-Визинъ свидѣтельствуетъ, что устроенное такимъ образомъ имѣніе достигло цвѣтущаго состоянія [3]).

Вглядываясь въ такія попытки, можно сказать, что онѣ были бы наилучшею для крестьянъ организаціею крѣпостного помѣщичьяго хозяйства. Здѣсь хоть личность крестьянина была свободна отъ постояннаго над-

---

[1]) П. Б. Струве. «Попытки артельныхъ организацій». Журн. «Начало», 1899 г. № 1—2.

[2]) Тамъ же.

[3]) В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II. стр. 89.

зора и соприкосновенія съ помѣщикомъ, меньше было повода для помѣщика слѣдить за каждымъ шагомъ крестьянина. Но при недобросовѣстномъ отношеніи помѣщика при назначеніи количества работы, засѣвѣ поля, дѣлежѣ урожая, крестьянинъ могъ быть еще болѣе раззоренъ, такъ какъ онъ напрягалъ при артельной работѣ всѣ свои силы, а могъ получить еще меньше, чѣмъ при барщинной системѣ помѣщичьяго хозяйства. Такимъ образомъ, помѣщичій соціализмъ могъ принести новое горе и раззореніе крестьянину; не даромъ крестьяне съ неохотою соглашались на такую систему хозяйства.

Хотя въ вопросѣ о пригодности вольнонаемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ мнѣнія современниковъ сильно расходились,—такъ что иные говорили, что крѣпостной трудъ полезнѣе (Н. Н. Муравьевъ), такъ какъ онъ даровой, другіе же доказывали противное, — но тѣмъ не менѣе тогда уже появлялись личности, съ успѣхомъ примѣнявшія вольный трудъ къ обработкѣ земли. Это были преимущественно купцы, не имѣвшіе права владѣть населенными имѣніями, при чемъ они, если имѣли въ распоряженіи рабочихъ, получали даже большій доходъ, чѣмъ помѣщики. Заблоцкій-Десятовскій разсказываетъ, что помѣщикъ (современникъ его) Х—въ имѣлъ населенное имѣніе, сдававшееся на аренду купцу. Послѣдній обрабатывалъ его наемнымъ трудомъ и получалъ отъ 15 до 20% чистаго дохода, между тѣмъ какъ обыкновенный доходъ помѣщичьяго имѣнія равнялся 8—10%. Высокій доходъ объясняется наличностью въ той мѣстности бѣдныхъ однодворцевъ, которые работали у купца за дешевую плату. Но и безъ нихъ, по мнѣнію Заблоцкаго-Десятовскаго, доходъ не могъ бы быть ниже дохода съ заселенныхъ имѣній [1]).

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 283.

Въ Новороссіи колонисты обрабатывали землю наемными работниками; въ губерніяхъ: Воронежской, Тамбовской и Саратовской во времена Заблоцкаго-Десятовскаго, т. е. въ тридцатыхъ годахъ, было много купцовъ, ведшихъ сельское хозяйство съ вольными работниками [1]). То же указываетъ баронъ Гакстгаузенъ относительно Тамбовской [2]) и Харьковской [3]) губерній. Въ послѣдней купцы-землевладѣльцы обыкновенно держали своихъ лошадей, имѣли свои орудія, телѣги и т. д. и нанимали рабочихъ только на время обработки полей и уборки. Эти факты были, повидимому, нерѣдки.

Быть можетъ, распространеніе хозяйствъ съ вольнонаемными работниками, съ которыми должны были конкуррировать помѣщичьи хозяйства, заставляло владѣльцевъ послѣднихъ еще болѣе эксплуатировать своихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ успѣшно существовали въ тридцатыхъ годахъ, а слѣдовательно, конкуррировали съ пользовавшимися крѣпостнымъ трудомъ. Распространеніе подобныхъ хозяйствъ могло имѣть то значеніе, что помѣщики яснѣе видѣли возможность выгоды и для нихъ отъ эмансипаціи крестьянъ. Нѣкоторые помѣщики уже и въ то время, какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Тр. Ред. Ком., обрабатывали собственныя земли наемными рабочими. Встрѣчались имѣнія, гдѣ всѣ крестьяне отпускались на оброкъ, а господская запашка обрабатывалась наймомъ.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что количество земли у барщинныхъ крестьянъ должно было быть крайне различно. Начиная съ полныхъ мѣсячниковъ, которыхъ было особенно много въ Малороссіи,

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 394.
[3]) Тамъ же, стр. 433.

съ безземельныхъ батраковъ въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, можно встрѣтить крѣпостныхъ, имѣвшихъ надѣлы, приближавшіеся по величинѣ къ средней цифрѣ для XVIII вѣка. Среднія цифры для южныхъ черноземныхъ губерній, какъ указано было выше, колебались отъ 3,79 дес. до 2,48 дес. удобной земли на одну ревизскую мужескаго пола душу; въ нечерноземныхъ губерніяхъ душевой надѣлъ колебался между 8,68 и 2,86 дес. Были и меньшіе надѣлы, были и большіе, въ родѣ 60 дес. на тягло въ мызѣ Карловкѣ граф. Разумовской, въ Полтавской губ. (въ двадцатыхъ годахъ).

Тенденція же въ развитіи помѣщичьихъ хозяйствъ наблюдалась въ сторону обезземеленія крестьянъ. Но это была лишь тенденція въ развитіи крѣпостного права, и этого нельзя забывать. При сужденіи о величинѣ надѣла нельзя упускать изъ вида, что помѣщики отводили крѣпостнымъ обыкновенно отдаленныя и худшія земли. Крестьянская земля была хуже ужъ тѣмъ, что не могла быть удобрена въ той же степени, какъ помѣщичья. Впрочемъ, говоря о крестьянскомъ надѣлѣ, нужно помнить, что въ крѣпостное время крестьянинъ былъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ освобожденный крестьянинъ съ тѣмъ же надѣломъ. Обыкновенно крестьянинъ пользовался помѣщичьимъ выгономъ; скотъ пасся на помѣщичьемъ пару; крестьяне иногда безконтрольно (преимущественно въ оброчныхъ имѣніяхъ), иногда съ разрѣшенія помѣщика пользовались его лѣсами и другими угодьями (ловлею рыбы въ озерахъ и рѣкахъ и т. п.); кромѣ того, въ несчастныхъ случаяхъ (пожаръ, неурожай) помѣщикъ помогалъ крестьянину.

Размѣръ барщины тоже былъ крайне разнообразенъ. По указанію Заблоцкаго-Десятовскаго, большею частью, наблюдалась трехдневная барщина. Мѣсячники работали на помѣщика всю недѣлю. Въ Тульской губерніи работали три дня на барщинѣ, а въ воскресенье

назначался „бенефисъ“ помѣщику, т. е. крестьяне работали поголовно. И опять таки въ мелкихъ имѣніяхъ барщина была тяжелѣе. Трехдневная барщина часто не соблюдалась. Крестьяне работали иногда четыре дня и даже цѣлую недѣлю, употребляя на себя воскресенье (мелкопомѣстные помѣщики за Волгою) [1]). Порядокъ отправленія барщины былъ разный. Большею частью работали братъ на брата, если семейство состояло изъ двухъ тяголъ. Кромѣ трехъ дней, почти во всѣхъ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ назначался одинъ поголовный день, иногда за особую плату. Въ имѣніи вышеназваннаго помѣщика Рязанской губ., К. В., въ спѣшности брались лишніе дни, но записывались на счетъ тѣхъ, съ кого они взяты особо [2]). Въ имѣніи Воейкова той же губерніи во время вывоза навоза, на уборку хлѣба, сѣна сзывались всѣ крестьяне, но за то получали столько же такихъ дней и для себя [3]). Особенно раззорительны были для крестьянъ внезапныя барщины, когда крестьяне по требованію барина должны были отрываться отъ собственной работы и итти на барщину. Въ Малороссіи по закону и въ обычаѣ была двухдневная барщина, но и здѣсь она была крайне разнообразна, доходя и до шестидневной. Въ мелкихъ имѣніяхъ было конечно тяжелѣе, такъ какъ здѣсь строже былъ надзоръ и больше зависимость отъ владѣльца.

Объ увеличеніи извозной повинности уже было сказано. О другихъ натуральныхъ повинностяхъ приходится сказать немногое. Эти натуральныя повинности были больше при натуральномъ хозяйствѣ; при переходѣ къ денежному онѣ стали исчезать. Обыкновенно

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 278—279.

[2]) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1889 г., т. IV, вып. I, статья Повалишина, стр. 30

[3]) Тамъ же, стр.5.

онѣ состояли изъ домашнихъ произведеній (птицы, яйца и т. п.), женскихъ издѣлій (холстъ, сукно); иногда приносились орѣхи, грибы, лѣсныя ягоды и т. п. Послѣднее было собственно оброкомъ съ женщинъ и дѣтей.

Такъ какъ главная рабочая сила считалась отъ тягла (тягло — мужъ и жена), поэтому производился строгій подсчетъ тягламъ. На парня приблизительно съ 18 лѣтъ налагалось тягло. При этомъ, чтобы получить сильный дворъ, необходимо было парня „оженить". Это вело къ строгому надзору помѣщика за тѣмъ, чтобы женщины не засиживались въ „дѣвкахъ", а парни не оставались холостыми. Съ дѣвушекъ иногда брали, начиная съ извѣстнаго возраста, плату за дѣвичество.—Вмѣшательство помѣщика въ брачную жизнь простиралось очень далеко. Нѣкоторые господа запрещали маломочнымъ крестьянамъ соединяться съ богатыми дѣвушками, чтобы богатые дворы такимъ образомъ не раззорялись; нерѣдко помѣщики сами назначали пары и насильно выдавали замужъ. Въ одномъ имѣніи Ярославской губ. (князя N*), приблизительно въ концѣ двадцатыхъ годовъ, „почти всѣ браки совершались по наряду заводской конторы. Назначали для этого одно время въ году и по особому списку вызывали въ контору жениховъ и невѣстъ. Тамъ по личному указанію управляющаго составлялись пары и подъ надзоромъ конторскихъ служителей прямо отправлялись въ церковь, гдѣ и вѣнчались по нѣскольку вдругъ. Склонности и желанія не спрашивались" [1]). Тягло складывалось только съ шестидесяти-лѣтнихъ стариковъ, которые затѣмъ зачастую употреблялись на мелкія домашнія работы.

Нужно замѣтить, что, чѣмъ сильнѣе развивалось

[1]) Воспоминанія крѣпостного. «Русскій Вѣстникъ», 1877 г., кн. 9.

малоземелье въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, тѣмъ равнодушнѣе становились помѣщики къ увеличенію числа тяголъ, такъ какъ каждое новое тягло требовало земельнаго надѣла, вслѣдствіе чего самое понятіе тягла стало сближаться съ понятіемъ земельнаго участка. При извѣстной степени малоземелья помѣщики начинали часть крестьянъ зачислять въ затяглые и прекращали увеличеніе количества тяголъ. Въ селѣ Молодовомъ Теплова „тягловыхъ участковъ всегда было нѣсколько менѣе, чѣмъ желающихъ ими воспользоваться". Поэтому каждую весну часть самыхъ задолженныхъ хозяевъ переводилась въ мѣсячники или на безземельный оброкъ, а освобождаемыя тягла налагали на молодыхъ крестьянъ, по рекомендаціи старшинъ и съ удостовѣреніемъ, что у нихъ есть хорошія лошади и исправныя земледѣльческія орудія [1]). При такомъ маломъ количествѣ тяголъ, естественно, на тягло приходилось все большее и большее количество ревизскихъ душъ.

Экономическое положеніе крестьянъ, какъ указываютъ современники (а Самаринъ заявляетъ категорически), несомнѣнно ухудшалось въ XIX вѣкѣ. Это ухудшеніе было особенно замѣтно въ Малороссіи. Здѣсь играла большую роль,—кромѣ измѣненія въ системѣ сельскаго хозяйства помѣщика,—система землевладѣнія среди крестьянъ. При общинномъ землевладѣніи, существовавшемъ среди помѣщичьихъ крестьянъ въ Великороссіи, земля была распредѣлена равномѣрнѣе, не было такого сильнаго экономическаго неравенства, какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ господствовало подворное землевладѣніе.—Отношенія помѣщиковъ къ общинѣ были разнообразны. Въ оброчныхъ имѣніяхъ она свободно существовала, хотя нѣкоторые помѣщики шли противъ нея какъ препятствія къ обогащенію отдѣль-

---

[1]) Тепловъ. Опытъ улучшенія быта крестьянъ, стр. 95.

мыхъ крестьянъ. Въ черноземныхъ же губ. помѣщикъ, стремясь къ тому, чтобы не было нужды содержать крестьянъ на свой счетъ, могъ съ выгодою для себя поддерживать общину съ круговой порукой, потому что она обезпечивала болѣе исправное исполненіе повинностей и равномѣрную обезпеченность крестьянъ. При общинѣ не образуется безземельныхъ, положеніе которыхъ могло быть при крѣпостномъ правѣ дѣйствительно ужаснымъ. Безземельный крестьянинъ могъ попасть въ кабалу къ своему односельчанину, которому удалось сохранить, благодаря счастливымъ случайностямъ, свой надѣлъ; это мы и встрѣчаемъ при подворномъ владѣніи въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ.

Значеніе общины очень важно еще въ другомъ отношеніи. Община, міръ, соединяла крестьянъ въ одно цѣлое, иногда очень сплоченное, если только не было сильнаго давленія со стороны помѣщика. При существованіи „міра", готоваго вступиться за каждаго отдѣльнаго крестьянина, входящаго въ его составъ, помѣщикъ не могъ эксплуатировать отдѣльнаго крестьянина, вымогать отъ него непосильныя подати, отнимать земли, вообще насиловать личность въ той мѣрѣ, какъ въ томъ случаѣ, если бы міра не было. Въ случаѣ жестокаго обращенія съ крестьянами помѣщики скорѣе могли ждать отпора отъ крестьянъ общинниковъ, чѣмъ отъ подворныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того, важно и то, что общинникъ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, брошеннымъ на произволъ владѣльца, какъ подворный владѣлецъ. Онъ всегда видѣлъ за собою міръ, который могъ имъ руководить и вступиться въ случаѣ крайней необходимости.

Насколько была сильна привязанность къ общинѣ, показываетъ то, что свободные хлѣбопашцы, надѣленные землею, по указу 1803 г., въ подворное владѣніе, не переставали пользоваться ею по общин-

нымъ правиламъ. Въ 1847—48 гг., по изслѣдованію губерній: Московской, Орловской, Владимірской, Ярославской, Рязанской, Тульской, оказалось, что въ большинствѣ имѣній со свободными хлѣбопашцами земля осталась нераздѣленною на подворные участки, а крестьяне продолжали владѣть ею на прежнихъ условіяхъ, т. е. съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія [1]). Кошелевъ, съ своей стороны, указываетъ, что даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики по своей прихоти уничтожали судъ стариковъ, сходки, выборы и мірское управленіе, они быстро возстановлялись, какъ только имѣніе переходило въ руки помѣщика, не препятствовавшаго мірскому самоуправленію. Когда въ имѣніи кн. Долгорукой Вязниковскаго уѣзда Владимірской губ. управленіе изъ рукъ бурмистровъ, выбираемыхъ самими крестьянами изъ своей среды, было передано въ руки управляющаго, то крестьяне подняли настолько сильное волненіе, что для подавленія его потребовалась военная команда, а главные зачинщики были преданы военному суду [2]).

Земля въ общинѣ была общая, раздѣлявшаяся на равные участки по числу тяголъ. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ на прибылыя тягла помѣщикъ прирѣзалъ новую землю, а въ малоземельныхъ или вообще тамъ, гдѣ землею дорожили, происходила свалка земли и навалка тяголъ съ однѣхъ семей на другія соотвѣтственно перемѣнамъ въ личномъ составѣ и хозяйственномъ положеніи ихъ. Отъ времени до времени производились общіе передѣлы, когда черезполосица отъ свалки и навалки земли съ одной семьи на другую достигала крайности. Никакъ не слѣдуетъ думать, что передѣлы земли являлись исключительно послѣдствіемъ давленія

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 220.

[2]) Мат. для исторіи крѣп. права, стр. 45—46.

помѣщичьей власти. И среди свободныхъ государственныхъ крестьянъ при многоземельѣ господствовала такъ называемая захватная община, когда каждый новый членъ свободно захватывалъ новую землю и пользовался ею. Но, когда земли становилось мало, ближайшія земли, а затѣмъ и всѣ остальныя поступали въ передѣлъ. Такимъ образомъ прирѣзка земли помѣщиками на новыя тягла, а затѣмъ передѣлы земли нисколько не шли въ разрѣзъ съ понятіемъ о свободномъ развитіи общины; здѣсь только свободный захватъ земли замѣнялся прирѣзкою земли помѣщикомъ, а свободный передѣлъ — передѣломъ искусственнымъ, когда помѣщикъ прекращалъ прирѣзку, считая *для себя* это нужнымъ.

Повинности въ общинѣ большею частью распредѣлялись также всѣмъ міромъ, сообразно съ имущественнымъ обезпеченіемъ каждаго. Это уменьшало произволъ помѣщика въ распредѣленіи повинностей. Въ общинѣ существовала круговая порука. Въ силу ея, при неисправномъ платежѣ денежныхъ повинностей или при неисполненіи натуральныхъ, за неисправныхъ общинниковъ отвѣчалъ весь міръ, при чемъ обыкновенно за маломочныхъ хозяевъ приходилось исполнять повинности и уплачивать недоимки сильнымъ, богатымъ хозяевамъ. Конечно, это не могло быть по вкусу деревенскимъ богатѣямъ. Для бѣдныхъ же крестьянъ круговая порука была очень полезна, предохраняя ихъ отъ раззоренія при притѣсненіяхъ помѣщиковъ и непосильныхъ платежахъ. Иногда міръ, съ разрѣшенія помѣщика, покупалъ землю. Трудно сказать, какъ распредѣляли они ее: по числу ли тяголъ, или по внесеннымъ на покупку земли суммамъ. Въ настоящее время дѣлежъ чаще всего производится пропорціонально внесеннымъ суммамъ; можетъ быть, въ то время дѣлежъ производился на такихъ же началахъ. Помѣщикъ могъ,

конечно, оказывать очень сильное давленіе на общину, на распредѣленіе земли и платежей, распредѣленіе тяголъ, искажать или уничтожать своимъ управленіемъ судъ стариковъ, сходки, мірское управленіе, но важно уже то, что земельная община поддерживала болѣе или менѣе равномѣрное обезпеченіе крестьянъ землею и предохраняла крѣпостную массу отъ обезземеленія.

Не то мы видимъ въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ среди помѣщичьихъ крестьянъ господствовало подворное землевладѣніе. Въ юго-западныхъ губерніяхъ (Подольской, Волынской, Кіевской), въ лѣвобережной Малороссіи (Черниговской, Полтавской губ.) и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (Бѣлоруссіи) господствовало крайнее различіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ. Въ западной Россіи земельное обезпеченіе было очень неравномѣрно. Основною единицею земельнаго обезпеченія тамъ считали уволоку (19½ дес.), въ которой значилась пахотная, сѣнокосная и усадебная земля. Полныя уволочныя хозяйства встрѣчались не часто, а большею частью такъ называемыя тяглыя хозяйства владѣли ¾ или ½ уволоки, полутягловыя или пѣшія хозяйства довольствовались ¼ уволоки; далѣе шли такъ называемые халупники или огородники, имѣвшіе только усадебную землю, и, наконецъ, безземельные и бездомовые, такъ называемые бобыли или кутники. Положеніе всѣхъ этихъ разрядовъ было крайне не одинаково. Безземельные бобыли были чистыми батраками не только у помѣщиковъ, но поступали въ кабалу къ своимъ болѣе обезпеченнымъ односельчанамъ—тягловымъ. Положеніе огородниковъ было близко къ тому же. Между тѣмъ при системѣ подворнаго владѣнія самое размноженіе народонаселенія приводило къ раздѣлу земли и переходу обезпеченныхъ крестьянъ въ положеніе необезпеченныхъ. При отсутствіи земельной обезпеченности и мірской организаціи каждый крестья-

нинъ являлся одинокою личностью, предоставленною на произволъ помѣщика. Крестьяне отбывали такъ называемыя „главныя“ и „добавочныя“ повинности, смотря по количеству земли и другимъ выгодамъ, которыя получали отъ помѣщика. На первомъ мѣстѣ стоятъ земледѣльческія работы на панщинѣ, исполнявшіяся посредствомъ пригоновъ и сгоновъ или гвалтовъ. Пригонами назывались рабочіе дни, которые каждое хозяйство должно было отбывать еженедѣльно; сгонъ или гвалтъ есть созывъ всѣхъ наличныхъ работниковъ и работницъ помѣстья для чрезвычайныхъ земледѣльческихъ работъ на панщинѣ. Кромѣ этихъ работъ, были и другія: 1) исполняемыя мужчинами и женщинами, такъ называемые „шарварки“, или строительныя работы, въ составъ которыхъ входила починка плотинъ, дорогъ и т. п., и „сторожество“ или разныя домашнія услуги въ фольваркѣ; 2) одними мужчинами: подводная повинность и ночной караулъ; 3) однѣми женщинами: пряденіе, тканье, работа въ огородахъ и т. п. Мѣстами отбывались еще разныя хозяйственныя работы подъ названіями „толоки“, „ласки“, „даремщины“ и т. п. Добавочныя повинности состояли во взносѣ натурою (домашнія птицы, хлѣбъ, медъ и т. д.) или деньгами опредѣленныхъ „данинъ“ съ каждаго хозяйства. Огородники или халупники увольнялись отъ всѣхъ повинностей помѣщику, кромѣ „чинша“ (денежнаго оброка) за усадьбу и иногда участія въ „гвалтѣ“. Съ бобылей брался только чиншъ, если они не были причислены къ какому либо семейству, повинности котораго въ такомъ случаѣ и должны были раздѣлять [1]).

Уже издавна въ юго-западныхъ губерніяхъ существовали инвентари, которыми были опредѣлены угодья и выгоды, получаемыя крестьянами, и различныя повинности,

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 482—483.

выполняемыя ими. Но эти инвентари не были обязательны для помѣщиковъ и были составлены несправедливо,—въ пользу помѣщиковъ. Кромѣ того, они рѣдко исполнялись, а иногда служили даже средствомъ угнетенія крестьянъ; крестьянамъ задавали уроки, превосходившіе обыкновенныя силы человѣка, ихъ высылали для препровожденія проходившихъ войскъ, для починки дорогъ и для другихъ повинностей, засчитывая эти дни вмѣстѣ съ неотработанными уроками въ долгъ за крестьянами, а потомъ заставляли отрабатывать ихъ въ предоставленные крестьянамъ дни. Крестьяне трудились круглый годъ, не зная даже праздниковъ, и никогда не выходили изъ долговъ. Помѣщики заводили у себя монополіи, продавая евреямъ исключительное право покупки сельскихъ произведеній у крестьянъ. Систематическое раззореніе сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ и за неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили взаперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ соленымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п. Защиты отъ власти помѣщика крестьяне не могли ожидать, ибо члены полиціи и дворянскіе предводители, будучи большею частью сами помѣщиками, потворствовали своимъ братьямъ, какъ это доказывалось ихъ совершеннымъ бездѣйствіемъ по множеству дѣлъ, возбужденныхъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ, о которыхъ предводители не могли не знать [1]).

Въ западныхъ губерніяхъ положеніе крестьянъ улучшилось еще до реформы подъ вліяніемъ политическихъ расчетовъ правительства. Послѣ польскаго возстанія

---

[1]) «Обозрѣніе Кіевской, Волынской и Подольской губ. 1838—1850 г.» «Русск. Архивъ», т. III.

1831 г.,—когда крестьянъ, въ благодарность за помощь, оказанную ими во время возстанія, отдали во власть тѣмъ же помѣщикамъ, съ приказаніемъ повиноваться ихъ законной власти,—Бибиковъ писалъ въ 1839 году въ докладѣ государю: „Крестьяне греко-россійскаго исповѣданія, выразившіе во время послѣдняго бунта безграничную преданность правительству, послѣ отданія многихъ изъ нихъ прежнимъ помѣщикамъ вытерпѣвъ жестокія преслѣдованія и не получивъ за заслуги свои ни малѣйшаго со стороны правительства возмездія, начинаютъ приходить къ оному въ охлажденіе“ [1]). Та же мысль выражалась во многихъ запискахъ.—Въ виду всего этого, а можетъ быть и подъ вліяніемъ жестокаго возстанія крестьянъ въ Галиціи, въ 1844 г. открыты были инвентарные комитеты, а 26 мая 1847 г. были изданы инвентарныя правила, видоизмѣненныя въ 1848 г. Содержаніе этихъ правилъ слѣдующее. Земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ при выходѣ инвентарныхъ правилъ, должна была оставаться безъ измѣненія. За земельные участки тягловыя семейства должны были работать на панщинѣ три дня тяглыхъ съ упряжью и одинъ день женскій, полутягловые—два дня пѣшихъ и одинъ—женскій въ недѣлю. Данины, вещественные сборы и косвенные налоги съ крестьянъ въ пользу помѣщика уничтожались. Подробно было опредѣлено, какія работы и въ какомъ количествѣ должны производить крестьяне. Барщина отрабатывалась каждую недѣлю съ правомъ переноса лишь одного дня на слѣдующую недѣлю, въ случаѣ крайней необходимости. Кромѣ барщины, каждый способный работникъ давалъ по двѣнадцати сгонныхъ лѣтнихъ дней (не болѣе двухъ на одной недѣлѣ) съ платою за нихъ по таксѣ, утвержденной генералъ-губернаторомъ; за

[1]) В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ“, т. II, стр. 484.

особыя выгоды, предоставленныя помѣщиками и означенныя въ инвентарѣ, тяглыя, полутяглыя и огородныя семейства отбываютъ „строительные“ дни по восьми въ годъ и ночной караулъ изъ одного работника разъ въ мѣсяцъ. Огородники за усадьбу и огородную землю платятъ оброкъ по таксѣ, а за выгоды въ пастбищахъ, отопленіи и т. д. обязаны отбывать двадцать четыре рабочихъ дня на основаніяхъ сгонныхъ дней и ночной караулъ. Бобыли платили только оброкъ въ размѣрѣ отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. сер., съ женщинъ брали половину. Подводная повинность также была регламентирована: съ тяглаго семейства могли требовать одну подводу не болѣе 75 дней въ одинъ путь, при чемъ проѣздъ 25 верстъ считался за инвентарный день. Запрещалось обращать крестьянъ въ дворовыхъ. Подати въ казну крестьяне платили сами за себя. Расправа между дворовыми и крестьянами, а равно взысканіе съ нихъ за разные проступки производятся помѣщиками или управляющими ихъ на основаніи имѣющихся на сей предметъ узаконеній [1]).

Между различными измѣненіями, сдѣланными въ 1848 г., нужно отмѣтить слѣдующія. Въ каждомъ имѣніи опредѣляется нормальный участокъ. Помѣщику предоставлялось право (до составленія подробной люстраціи имѣній) въ необходимыхъ случаяхъ, по взаимному согласію съ крестьянами и съ вѣдома начальства, замѣнять его равнымъ количествомъ удобной какъ по мѣстности, такъ и по качеству земли. При переходѣ крестьянъ изъ одного разряда въ другіе повинности уменьшаются сообразно уменьшенію земельнаго надѣла, а освободившаяся часть земли отдается другимъ крестьянамъ за добавочныя по инвентарю повинности, или земля отдается въ пользо-

[1]) Семевскій, „Крестьянскій вопросъ“, т. II, стр. 495—498.

ваніе постороннему лицу. Если тяглый или пѣшій хозяинъ умретъ, не оставивъ въ семьѣ работника для замѣщенія его на барщинѣ, то помѣщикъ распоряжается участкомъ на основаніи вышеуказанныхъ правилъ, но не можетъ лишить вдову и непристроенныхъ дѣтей усадьбы и огорода. Надѣлъ земли для пѣшаго хозяйства не долженъ быть меньше $^1/_2$ опредѣленнаго для нормальнаго тягловаго хозяйства, и т. д.

Эти правила, какъ видно, въ значительной степени регламентировавшія повинности крестьянъ, были обязательны для помѣщиковъ. Крестьянамъ было дано право жалобы на неисполненіе инвентарей помѣщиками, но не было указано „вѣрнаго и надежнаго пути, для доведенія своихъ жалобъ, въ случаѣ нарушенія инвентарнаго положенія, до высшаго начальства“ [1]). Бывали такіе случаи, что помѣщикъ, узнавъ объ отправленіи крестьянами ходоковъ съ жалобою къ предводителю дворянства, „призывалъ станового на помощь противъ бунтующихся крестьянъ. Ихъ сѣкли и лупили, не выжидая возвращенія ходоковъ, которые приходили впослѣдствіи съ увѣщаніемъ отъ предводителя и находили своихъ собратьевъ уже наказанными“ [2]).

Правила 1847 и 1848 гг., конечно, по большей части не исполнялись. Крестьянъ, опиравшихся на предоставленныя имъ по инвентарямъ права или подававшихъ жалобы въ случаѣ нарушеній правилъ, многіе помѣщики цѣлыми десятками стали представлять къ ссылкѣ на поселеніе или зажиточнѣйшихъ изъ нихъ, или, наконецъ, усугублять тѣлесныя наказанія [3]). Все же инвентарныя правила улучшили нѣсколько положе-

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 1—4.

[2]) Семевскій, „Крестьянскій вопросъ“, т. II, стр. 497—498.

[3]) „Обозрѣніе Кіевской, Волынской и Подольской губ. 1838—1850 г.“. Русскій Архивъ, 1884 г., т. III, стр. 34—35.

ніе крестьянъ, поставивъ границы произволу въ экономической ихъ эксплуатаціи, хотя одна изъ причинъ постепеннаго пониженія крестьянскаго благосостоянія— подворное владѣніе — продолжала и теперь существовать. Съ другой стороны, помѣщики, изъ боязни дальнѣйшихъ улучшеній быта крестьянъ, въ виду учащавшихся слуховъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, отнимали отъ крестьянъ родовые участки и раздавали своимъ крестьянамъ въ аренду, чтобы показать впослѣдствіи эти земли своими. Вслѣдствіе такихъ „скассованій" классъ домохозяевъ, пользовавшихся землею, постоянно уменьшался, а увеличивался классъ безземельныхъ [1]).

Въ юго-западной Россіи (правобережной Украйнѣ) развилось въ половинѣ XIX вѣка воздѣлываніе свекловицы, что улучшало положеніе тѣхъ мѣстностей, такъ какъ воздѣлываніе ея вызвало сильное требованіе вольнаго труда: помѣщики стремились нанимать крестьянъ за денежную плату [2]).

Въ сѣверо-западной Россіи инвентарныя правила вырабатывались медленнѣе. Тамъ хотѣли ограничиться провѣркою, исправленіемъ и узаконеніемъ инвентарей, составленныхъ особо для каждаго имѣнія, безъ установленія общихъ правилъ. Трудность работы и противодѣйствіе помѣщиковъ замедляли дѣло. Въ 1852 г. было приказано ввести въ витебскомъ и виленскомъ генералъ-губернаторствѣ инвентарныя правила на основаніи правилъ 1848 г. для кіевскаго генералъ-губернаторства. Въ 1854 г., подъ вліяніемъ жалобъ помѣщиковъ, дѣйствіе этого распоряженія было пріостановлено, и было положено, что инвентарныя правила будутъ разсмотрѣны въ губернскихъ комитетахъ генералъ-губер-

---

[1]) Соколовскій. Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ.
[2]) Самаринъ, т. II.

наторами, а затѣмъ въ низшихъ и высшихъ комитетахъ уже въ Петербургѣ. Правила были внесены въ государственный совѣтъ въ 1855 г. при Александрѣ II, но дѣло затянулось до самаго освобожденія. Въ этихъ губерніяхъ положеніе крестьянъ было опять-таки лучше благодаря правительственной политикѣ, въ интересахъ которой было привлечь къ себѣ народъ.

Въ лѣво-бережной Малороссіи, гдѣ также господствовало среди крестьянъ подворное владѣніе, положеніе было гораздо тяжелѣе, такъ какъ здѣсь правительство не принимало особыхъ мѣръ для огражденія крестьянъ отъ эксплуатаціи помѣщика. Здѣсь, какъ извѣстно, сильнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, развито было мѣсячничество. Крѣпостное право здѣсь достигло лишь къ половинѣ XIX вѣка полнаго сознанія своей силы. Помѣщики, переходя къ денежному хозяйству, при дробленіи имѣній между наслѣдниками и ростѣ потребностей, увеличивали экономическую эксплуатацію крестьянъ. „Тамъ господствуетъ, говоритъ Самаринъ, самое ужасное сочетаніе безчувственности и безпорядочности въ помѣщичьемъ хозяйствѣ; требованія помѣщиковъ непомѣрны; средства истязанія развратили народъ и сдѣлали его безчувственнымъ. Въ одномъ имѣніи, которымъ управляетъ Т., ежедневно сѣкли отъ 40—50 бабъ, въ томъ числѣ и беременныхъ; отъ этого было много несчастныхъ случаевъ; падучая болѣзнь распространилась“ [1]). Когда г. Т. запретилъ эти истязанія, никто не пошелъ на работу. Угрозы, внушенія не дѣйствовали, и лишь новыя тѣлесныя наказанія побудили крестьянъ вернуться къ работамъ. Лишь постепенно онъ могъ пріучить ихъ повиноваться безъ помощи страха наказанія. Впрочемъ не вездѣ крестьяне были такъ безчувственны. Это лучше всего можно ви-

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 11.

дѣть по одной малороссійской пѣснѣ, гдѣ малоросска говоритъ:

Ой ударивъ панъ по лицоу, Не такъ то jij ни j боліло,
Отаманъ батогомъ, Такъ то jij бувъ соромъ.

Таково было положеніе барщинныхъ, занимавшихся земледѣліемъ. Но былъ еще разрядъ барщинниковъ, положеніе которыхъ было несравненно тяжелѣе, и которые еще больше зависѣли отъ произвола помѣщика при работѣ, требующей большей напряженности. Я говорю о фабрично-заводскихъ крестьянахъ. Эта группа крестьянъ была поставлена несравненно хуже другихъ уже по самымъ условіямъ труда на фабрикахъ и заводахъ. Здѣсь рабочій находился подъ постояннымъ присмотромъ, вся работа его была на виду. Жизнь рабочаго могла быть строго регулирована. Собственно группа этихъ крестьянъ была невелика. Такъ, по подсчетамъ М. И. Туганъ-Барановскаго, — приблизительнымъ, такъ какъ показанія давались владѣльцами фабрикъ и заводовъ неправильно,—крѣпостныхъ рабочихъ, работавшихъ на вотчинныхъ фабрикахъ въ 1825 г., было 66,725 человѣкъ. Среди вотчинныхъ фабрикъ больше всего было стальныхъ и чугунныхъ заводовъ и суконныхъ фабрикъ (на которыхъ работало болѣе 1/2 вотчинныхъ рабочихъ). Фабрикъ писчей бумаги (менѣе половины), хлопчатобумажныхъ, канатныхъ, кожевенныхъ было мало, такъ какъ въ этой отрасли промышленности преобладали купеческія и крестьянскія фабрички [1]). Кромѣ того было очень много мелкихъ полотняныхъ дворянскихъ фабричекъ для приготовленія издѣлій преимущественно для домашняго обихода, которыя въ оффиціальные списки не попадали. Эти вотчинныя фабрики начали разви-

[1]) Туганъ-Барановскій, «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», страницы 106—107.

ваться въ концѣ XVIII вѣка, число ихъ росло сильно въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія, но въ сороковыхъ годахъ стало уменьшаться, такъ какъ крѣпостной трудъ оказывался невыгоднымъ въ силу своей малой производительности и дороговизны содержанія.—По способу отработки крестьяне занимали различныя положенія. На нѣкоторыхъ вотчинныхъ фабрикахъ работа производилась „братъ на брата", т. е. крестьяне раздѣлялись на двѣ смѣны, поочередно работавшія на фабрикѣ. Здѣсь фабричная работа производилась, какъ и всякая другая барщина. На нѣкоторыхъ фабрикахъ крестьяне отпускались на два мѣсяца въ году для сѣнокоса и уборки хлѣба. Положеніе этихъ крестьянъ было все же лучше, чѣмъ положеніе фабрично-заводскихъ „мѣсячниковъ". „На нѣкоторыхъ помѣщичьихъ фабрикахъ", говоритъ Заблоцкій-Десятовскій, „работаютъ мѣсячники безъ всякой заработной платы; сверхъ того имъ задаются уроки, за неисполненіе коихъ слѣдуетъ взысканіе... Одинъ помѣщикъ завелъ въ Нижегородской губ. суконную фабричку и уничтожилъ бо́льшую часть крестьянской запашки. Мужики переведены частью на мѣсячину, частью на запашку и работаютъ каждый день. Они не привыкли къ работѣ, дѣло отправляютъ худо, ихъ наказываютъ. Невыполнившаго урокъ сѣкутъ и сажаютъ въ воскресенье за работу. По отзывамъ сосѣдей, всѣ эти люди точно вышедшіе изъ тюрьмы. Многіе находятся въ бѣгахъ" [1]). Но такое содержаніе не было выгодно для помѣщиковъ. Бутовскій указываетъ, что „содержаніе, выдаваемое помѣщикомъ - фабрикантомъ барщиннымъ крестьянамъ вмѣсто свободныхъ дней, обходилось ему дорого, но всего болѣе заводскіе терпѣли ущербъ отъ труда вя-

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 294.

лаго и неудовлетворительнаго" [1]). Зачастую помѣщики назначали плату крѣпостнымъ, но эта плата была обыкновенно ниже платы вольнонаемному. Заблоцкій-Десятовскій, сравнивая доходы рабочаго крѣпостного на желѣзныхъ заводахъ Оренбургской губ. и посредственнаго крестьянина той же мѣстности, указываетъ, что доходъ перваго уступаетъ доходу послѣдняго [2]). Крестьяне съ ужасомъ говорили объ этихъ заведеніяхъ; они говорили: „въ этой деревнѣ есть фабрика", съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы они хотѣли сказать: „въ этой деревнѣ есть чума".

Положеніе этихъ фабричныхъ рабовъ было тѣмъ ужаснѣе, что законодательство совершенно не регулировало его. Когда московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ въ тридцатыхъ годахъ хотѣлъ издать особыя правила для вотчинныхъ фабрикъ и заводовъ, московскій предводитель дворянства заявилъ, что вмѣшательство въ отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ можетъ вывести послѣднихъ изъ повиновенія и повести только къ волненіямъ. Были изданы лишь особыя правила для „внушенія" ихъ дворянамъ, въ числѣ этихъ правилъ было подтверждено право помѣщиковъ лишь на трехдневную барщину; рабочимъ полагалась — при отсутствіи занятій земледѣліемъ — соразмѣрная трудамъ задѣльная плата; помѣщики не могли заставлять работать въ праздники.—Эти правила, конечно, не исполнялись, и положеніе фабрично-заводскихъ помѣщичьихъ крестьянъ оставалось крайне печальнымъ. На фабрики и заводы забирали дѣтей съ восьмилѣтняго возраста, что тяжело отзывалось на здоровьѣ такихъ крѣпостныхъ. Конечно, рабочіе-крѣпостные были или малоземельны,

---

[1]) Туганъ-Барановскій, «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 110.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 295.

или—чаще всего—безземельны, а это должно было отразиться и на ихъ пореформенномъ бытѣ. Уменьшеніе числа вотчинныхъ фабрикъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, на что указываетъ Гакстгаузенъ, является послѣдствіемъ невыгодности для помѣщиковъ вести при крѣпостномъ трудѣ промышленныя предпріятія и невозможности для нихъ конкуррировать съ купеческими и крестьянскими фабриками, основанными преимущественно на вольномъ трудѣ. Наличность крѣпостныхъ не давала возможности улучшать технику, потому что это требуетъ интенсивно работающаго, ловкаго работника и способности быстро соразмѣрять величину промышленнаго предпріятія съ требованіями рынка.

ГЛАВА V.

Дворовые.—Величина дворни передъ освобожденіемъ.—Бытъ дворовыхъ.—Развратъ помѣщиковъ. — Жестокое обращеніе съ крѣпостными.—«Крѣпостная интеллигенція».

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о положеніи крестьянъ оброчныхъ, барщинныхъ, земледѣльческихъ и фабрично-заводскихъ можно видѣть, что степень экономической эксплуатаціи крестьянъ измѣнялась, смотря по степени близости ихъ къ личности господина. Чѣмъ ближе стоялъ помѣщикъ къ своимъ крѣпостнымъ, чѣмъ больше имѣлъ онъ возможности наблюдать за жизнью крѣпостныхъ, тѣмъ сильнѣе эксплуатировались силы крестьянъ, и рѣзче становилась зависимость послѣднихъ отъ характера и произвола господина. Поэтому, какъ мы уже указывали, положеніе крѣпостныхъ людей было хуже у мелкихъ помѣщиковъ. Если по этому признаку расположить различныя группы крѣпостныхъ въ нисходящемъ порядкѣ, то несомнѣнно низшую ступень зай-

метъ группа дворовыхъ. Состоя большею частью въ услуженіи у помѣщика и его семьи, они приходили съ нимъ въ постоянное, близкое соприкосновеніе и ежеминутно чувствовали гнетъ зависимости отъ его произвола. Образъ ихъ жизни, занятія измѣнялись въ зависимости отъ личныхъ вкусовъ и взглядовъ помѣщика. Ихъ положеніе зависѣло также отъ измѣненій, происходившихъ въ самомъ веденіи помѣщичьяго хозяйства.

При натуральномъ хозяйствѣ дворня была необходима для помѣщика, такъ какъ она перерабатывала сельскіе продукты въ предметы, годные для потребленія господину и его семьѣ. По мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства, когда потребности помѣщика все въ большей и большей степени удовлетворялись покупными предметами, дворня въ извѣстной степени теряла свое значеніе и дѣлалась отягощеніемъ для помѣщика. Ея содержаніе падало тяжелымъ бременемъ на крестьянъ, которые должны были, кромѣ того, платить за дворовыхъ подушную подать. Помѣщикамъ же, стремящимся какъ можно болѣе эксплуатировать въ интересахъ своего хозяйства трудъ крестьянъ; такая затрата его казалась крайне невыгодною. Отсюда понятно стремленіе помѣщиковъ сокращать численность дворовыхъ. Для этого прибѣгали къ различнымъ мѣрамъ. Отчасти ихъ обращали въ земледѣльческихъ рабочихъ, ставя на положеніе мѣсячниковъ и заставляя обрабатывать господскую запашку; отчасти ихъ надѣляли землею, и въ такомъ видѣ дворовые мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ; частью трудъ ихъ эксплуатировали на помѣщичьихъ фабрикахъ, наконецъ, часть дворовыхъ отпускалась на оброкъ. Такъ въ имѣніи Шипова, въ Ярославской губерніи, при 164 крестьянахъ было 101 дворовыхъ. Эта крупная цифра дворовыхъ распадалась на три группы: 1) должностные и чернорабочіе по хозяйству — 15 человѣкъ, 2) работающіе на фабрикѣ—60

человѣкъ, 3) малолѣтніе и старики—26 человѣкъ [1]). У помѣщика Смоленской губ. Шомпулева „крѣпостная прислуга состояла изъ какой-то разнокалиберщины: большею частью это были старики, мальчики, дѣвченки, такъ какъ взрослыхъ молодыхъ людей помѣщикъ старался по возможности отпускать на оброкъ“ [2]).

Семеновъ въ своемъ руководствѣ почти не упоминаетъ о дворовыхъ. Они предназначались, видимо, лишь для личныхъ услугъ, получали съ 18 лѣтъ вознагражденіе, а черезъ 25 лѣтъ отпускались на волю или на оброкъ по 18 руб. сер. ежегодно. Отпускъ на оброкъ престарѣлыхъ рабочихъ встрѣчался и у другихъ помѣщиковъ, при чемъ доходилъ до жестокости. Помѣщица Безсонова Нижегородской губ. послала своего двороваго, 75-лѣтняго старика, изъ своего села Спасскаго въ Нижній-Новгородъ искать работы; для него еще нашлось какое-то дѣло, но онъ потерялъ паспортъ и былъ высланъ къ своей госпожѣ. Другой дворовый, также старикъ 65 лѣтъ, портной, былъ отпущенъ на оброкъ; онъ пошелъ искать работы зимою, но на дорогѣ замерзъ [3]). „Многіе помѣщики лишніе непроизводительные рты изъ своихъ дворовъ сдавали въ аренду для послугъ лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть крѣпостными, чаще купцамъ и мѣщанамъ, по такъ называемымъ вѣрющимъ письмамъ“ [4]). Штрафныхъ дворовыхъ помѣщикъ зачастую отдавалъ въ рекруты вмѣсто крестьянъ, преимущественно дворовые продавались въ

[1]) Прилож. къ Трудамъ Ред. Ком., т. IV, Рост. уѣзд. № 45.

[2]) «Воспоминанія... смоленскаго дворянина». Русская Старина, 1895 г., іюль, стр. 92.

[3]) «Нижегородскій Сборникъ», издаваемый нижегородскимъ губернскимъ статистич. комитетомъ, подъ редакціею А. С. Гацискаго, т. X, Снѣжневскій. «Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ», стр. 551. Нижній Новгородъ, 1890.

[4]) Тамъ же, стр. 551.

рекруты. Это стремленіе помѣщиковъ съ развитіемъ денежнаго хозяйства уменьшать количество дворовыхъ замѣтилъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 году. „Дворянство, говоритъ онъ, теперь находитъ болѣе выгоднымъ и соотвѣтственнымъ новымъ привычкамъ и образу жизни помѣщать за опредѣленный оброкъ прежде ничего не дѣлавшихъ дворовыхъ людей въ рабочіе на фабрики. Часть дворянства, воспитаннаго на совершенно европейскую ногу, не держитъ при себѣ вовсе своихъ крѣпостныхъ, а нанимаетъ прислугу“ [1]).

Несмотря на наличность такой тенденціи въ помѣщичьемъ хозяйствѣ до самаго освобожденія встрѣчались громадныя дворни. У матери Ив. С. Тургенева, Варвары Петровны, всей дворни было человѣкъ 200—300. Среди нихъ были каретники, ткачи, столяры, портнихи, музыканты, пялечницы, коверщицы и т. д.; были особые пажи для различныхъ мелкихъ услугъ въ комнатахъ, въ которые брались красивые крѣпостные мальчики [2]); среди дворовыхъ находился также фельдшеръ, ѣздившій за границу вмѣстѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ и слушавшій лекціи на медицинскомъ факультетѣ берлинскаго университета [3]). У помѣщика Н. И—ча Б. въ одной изъ приволжскихъ губерній „дворня была человѣкъ 100. Сколько бы ни было гостей, за обѣдомъ непремѣнно стояло по лакею за каждымъ стуломъ“ [4]).

Бѣдные помѣщики тянулись за богатыми и заводили себѣ иногда дворни не по средствамъ. Такъ, при слѣдствіи по поводу покушенія на жизнь помѣщика Кирьякова Харьковской губ., было обнаружено, что онъ не

---

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 33.

[2]) Колонтаева, «Воспоминанія о селѣ Спасскомъ», Историческій Вѣстникъ, 1885 г., № 10.

[3]) Житова, «Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева», Вѣстникъ Европы 1884 г., ноябрь.

[4]) Записки сельскаго священника, Русск. Стар., т. 27, стр. 60.

могъ содержать слишкомъ многочисленной дворни, почему ему „было внушено, чтобы онъ содержалъ у себя дворовыхъ соразмѣрно потребности и способамъ своего имѣнія“ [1]).

Уменьшенія общей численности дворовыхъ всѣхъ категорій цифровыя данныя во всякомъ случаѣ не обнаруживаютъ. Такъ, процентное отношеніе крестьянъ и дворовыхъ къ общей массѣ крѣпостныхъ съ восьмой ревизіи до десятой измѣнялось слѣдующимъ образомъ [2]).

	8 ревизія.	9 ревизія.	10 ревизія.
Крестьяне. . .	95,86	95,21	93,21
Дворовые . . .	4,14	4,79	6,79

Такое увеличеніе [3]) дворни можно объяснить отчасти тѣмъ, что помѣщики широко пользовались дозволеніемъ закона брать крестьянъ съ пашни во дворъ, чтобы

---

[1]) Мат. для ист. крѣп. пр., стр. 102.

[2]) Тройницкій, Крѣпостное населеніе по 10 переписи, стр. 58.

[3]) Нужно прибавить при этомъ, что на самомъ дѣлѣ дворовыхъ было больше, такъ какъ изъ описанія имѣній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій видно, что въ имѣніяхъ были крестьяне «на дворовомъ положеніи», «господскомъ содержаніи» и «при особыхъ должностяхъ». Эти крестьяне, вѣроятно, занимали въ имѣніи должности сторожей, скотниковъ, кузнецовъ и т. п., т. е. исполняли тѣ же обязанности, которыя зачастую лежали на дворовыхъ. Съ причисленіемъ этихъ крестьянъ къ дворовымъ процентъ послѣднихъ въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, по нѣкоторымъ губерніямъ значительно повышается (см. таблицу № 4).

	Дворовые.	Двор. крест. на дворов. полож. и пр.
Вологодская губ. . . .	2,89	4,22
Псковская » . . .	3,73	4,76
Тверская » . . .	4,19	5,67
Новгородская » . . .	4,21	5,77
Тульская » . . .	6,03	6,66
Воронежская » . . .	6,60	9,52

увеличить барщинную запашку на счетъ крестьянскихъ земель. Сильное увеличеніе дворовыхъ между девятой и десятой ревизіями объясняется тѣмъ, что помѣщики стремились, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе опредѣленныхъ слуховъ объ освобожденіи, переводить крестьянъ въ дворовые, чтобы не дать имъ земли при освобожденіи. Неизвѣстно, до какого количества возросло бы число дворовыхъ къ самому освобожденію, если бы въ 1858 году не было запрещено переводить крестьянъ въ дворовые.

О продовольствіи дворовыхъ иногда такъ мало заботились, что встрѣчаются ихъ жалобы даже на голодъ. „Пойманные бѣглые дворовые княгини Мансуровой (Нижегородской губ.) показали, что разбѣжались, „будучи не въ состояніи переносить голодъ отъ мало выдаваемой госпожею пищи“ [1]). У помѣщицы Свирской Харьковской губ. дворовые продовольствовались крайне плохо. Пища варилась разъ въ недѣлю, при этомъ борщъ варился безъ соли, на второе подавали гнилую тыкву или ягоды бузины, на день давали кусокъ хлѣба; червивое мясо давалось только разъ въ недѣлю. Городской врачъ, при слѣдствіи по дѣлу Свирской о злоупотребленіи помѣщичьею властью, также нашелъ пищу дворовыхъ негодною [2]). При разсмотрѣніи дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщика Рязанской губ. Логвенова выяснилось, что онъ не выдаетъ пищи дворовымъ. Дворовый человѣкъ помѣщика Татаринова (той же губерніи) жаловался на помѣщика своего, что онъ дѣлалъ ему изнурительные побои и не давалъ ему пищи и одѣянія [3]).

---

[1]) Нижегородскій Сборникъ 1890 г. т. X, Снѣжневскій, стр. 550.

[2]) Делярю. Эпизодъ изъ крѣпостного права. Русскій Архивъ, 1882 г., № 4.

[3]) Тр. Ряз. Арх. Уч. Ком. 1896 г. т. XI, ст. Повалишина, стр. 116 и 120.

Трудъ дворовыхъ цѣнился ни во что. У вышеупомянутаго помѣщика Колобова Рязанской губ. платья его дочерей, приготовлявшіяся для торжественныхъ случаевъ, обшивались блондами домашняго издѣлія, выдѣлка которыхъ для каждаго платья требовала двухлѣтняго труда искусной мастерицы [1]). У Варвары Петровны Тургеневой крѣпостного Герасима (описаннаго въ повѣсти „Муму") отправляли пѣшкомъ изъ Спасскаго въ имѣніе, отстоящее на 70 верстъ, за небольшимъ горшечкомъ грешневой каши, такъ какъ, по мнѣнію Варвары Петровны, въ селѣ Спасскомъ эту кашу приготовлять не умѣли [2]). Нерѣдко дворовыхъ изнуряли работою, стремясь выжать изъ ихъ труда все, что только возможно. У помѣщицы одной приволжской губерніи, Натальи Павловны К**, сапожнику, шившему на господъ и на продажу, и портному работа давалась на урокъ, за которымъ они просиживали и дни, и ночи, не зная никакихъ праздниковъ въ году, кромѣ Пасхи. „Въ дѣвичьей дѣвокъ пятнадцать, двадцать постоянно поурочно плели кружева и вышивали. Эти тоже сидѣли и день, и ночь до просѣдней, съ подбитыми глазами и синяками отъ щипковъ по всему тѣлу" [3]).

Чтобы не допускать излишняго увеличенія дворовыхъ [4]), помѣщики нерѣдко запрещали браки, чѣмъ вызывали тайный развратъ или болѣзни среди дворовыхъ; особенно жестоко поступали съ дѣвушками. За-

---

[1]) Кн. Волконскій. Условія помѣщ. хоз., стр. 5.

[2]) Колонтаева, Историческій Вѣстникъ, 1885 г., № 10, стр. 50.

[3]) Записки сельскаго священника. Русская Старина, т. 27, стр. 469.

[4]) Самаринъ указываетъ, что дворовые быстрѣе размножались, и смертность между ними была не такъ значительна, какъ у крестьянъ, быть можетъ, потому, что дворовыя женщины и самые дворовые обыкновенно не были обременены непосильными работами.

мужество имъ запрещалось изъ-за нежеланія лишиться искусной мастерицы и работницы,—къ тому же съ дѣвушки требовалось больше работы, чѣмъ съ замужней женщины,—между тѣмъ дѣвушекъ жестоко преслѣдовали за недозволенныя половыя сношенія. Ихъ тщательно выслѣживали, жестоко наказывали, выдавали въ наказаніе замужъ въ дальнія деревни за вдовцовъ съ большими семействами или за завѣдомыхъ пьяницъ, дрянныхъ мужиковъ и т. п.—Между тѣмъ, дѣвушкамъ трудно было оставаться невинными. Съ одной стороны, мужская половина дворни была большею частью крайне развращена, съ другой — помѣщикъ позволялъ себѣ полный произволъ въ половыхъ отношеніяхъ. Дворовыя дѣвушки чаще являлись жертвами помѣщичьяго разврата, быть можетъ, потому уже, что онѣ чаще попадались на глаза помѣщику, ближе находились къ нему, чѣмъ крестьянскія дѣвушки. Но и послѣднія часто брались съ этою цѣлью во дворъ господина, а потому, говоря о развратѣ помѣщиковъ, трудно и невозможно отдѣлять дворовыхъ дѣвушекъ отъ крестьянскихъ.

До чего доходилъ помѣщичій произволъ въ этомъ отношеніи, показываютъ слѣдующіе факты. По слѣдствію 1855 года помѣщикъ Оренбургской губерніи, Жадовскій, оказался виновнымъ въ растлѣніи многихъ своихъ дѣвокъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ за несогласіе на прелюбодѣяніе наказывались розгами. Онъ установилъ въ имѣніи нѣчто въ родѣ jus primae noctis, позволяя нѣкоторымъ изъ своихъ крестьянъ жениться на крѣпостныхъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая ночь принадлежала барину. Одного мужа, не выполнившаго этого условія, онъ отдалъ въ солдаты [1]). При-

[1]) А. Любавскій. «Русскіе уголовные процессы», С.-Петербургъ, 1867 г., т. II, стр. 330—345.

близительно то же совершалъ помѣщикъ Страшинскій, дѣло котораго о злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью тянулось съ 1845 до 1857 года. Онъ отнималъ женъ у своихъ крестьянъ, растлѣвалъ дѣвушекъ, изъ которыхъ иныя были 12—14 лѣтъ; двѣ дѣвочки умерли отъ изнасилованія. Дѣло интересно тѣмъ, что, несмотря на подтвержденіе этихъ фактовъ его крѣпостными трехъ деревень различныхъ уѣздовъ, сосѣдними крестьянами, самими потерпѣвшими и медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, Сенатъ „оставилъ Страшинскаго по предмету растлѣнія крестьянскихъ дѣвокъ —въ подозрѣніи“ [1]). Не одинъ Жадовскій и Страшинскій смотрѣли на дворовыхъ дѣвокъ, какъ на свой даровой гаремъ. Управляющій имѣніями кн. Кочубея въ Саратовской губ., Вѣтвицкій, пользовавшійся большою популярностью и уваженіемъ со стороны сосѣдей-помѣщиковъ, кромѣ совращенія съ пути несчетнаго числа крестьянскихъ женъ, увлекъ также до 200 крестьянскихъ дѣвушекъ, при чемъ многихъ крестьянъ отдалъ въ рекруты, чтобы свободнѣе пользоваться ихъ женами и сестрами [2]). Авторъ „Воспоминаній смоленскаго дворянина“ говоритъ о своемъ дядѣ Каленовѣ, что, „само собою разумѣется, что весь женскій персоналъ въ его вотчинѣ былъ въ полномъ и постоянномъ распоряженіи пана, и еще до сихъ поръ по деревнямъ, принадлежавшимъ Каленову, можно встрѣтить черты лица, когда-то для нихъ грозныя“ [3]). Сельскій священникъ разсказываетъ, что помѣщикъ Н. И—чъ Б. „былъ настоящимъ пѣтухомъ, и до женитьбы и послѣ вся женская половина его крѣпостныхъ,—отъ млада до

---

[1]) Тамъ же, стр. 345—357.

[2]) В. А. Шомпулевъ. «Мнимоумершій», Русск. Стар., 1898 г. май, стр. 348.

[3]) Воспоминанія... смоленскаго дворянина «Руск. Стар. 1895 г. май, стр. 71.

стара,—были его курами. Пойдетъ, бывало, Н. И—чъ поздно вечеромъ любоваться благоденствіемъ своихъ крестьянъ, остановится противъ какой нибудь избы, посмотритъ въ окно и легонько постучитъ въ стекло пальцемъ. Стукъ этотъ хорошо уже былъ извѣстенъ всѣмъ: постучитъ—и сію же минуту красивѣйшая изъ семьи выходитъ къ нему" [1]). Горе было тѣмъ крѣпостнымъ, которыя осмѣливались ослушиваться воли барина и не отдаваться ему по первому требованію. Крѣпостная помѣщика Саратовской губ. Рославлева не согласилась на предложенія послѣдняго и пожаловалась его женѣ. Въ первую же отлучку жены Рославлевъ приказалъ выдать непокорную за дурака-крестьянина, ходившаго лѣтомъ и зимою босикомъ и въ одной рубахѣ. Управляющій пожалѣлъ ее и выдалъ не за столь глупаго. Рославлевъ разсвирѣпѣлъ, узнавъ объ этомъ, и сейчасъ же велѣлъ отдать мужа въ рекруты [2]). Какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Пурлевскій, бывшій крѣпостной села Великаго, Ярославской губерніи, сосѣдъ его родного села, богатый помѣщикъ, „вынуждалъ всѣхъ молоденькихъ крестьянокъ чередоваться у него въ ночныхъ дежурствахъ, за ослушаніе же наказывалъ розгами или на цѣлый мѣсяцъ надѣвалъ на шею желѣзную рогатку" [3]). Нѣкоторые помѣщики спеціально содержали цѣлые гаремы. Встрѣчались и такіе помѣщики, которые изъ разврата крѣпостныхъ дѣвушекъ создавали себѣ доходъ. Гакстгаузенъ свидѣтельствуетъ, что публичныя женщины въ Москвѣ и Петербургѣ платили помѣщикамъ оброкъ [4]).

[1]) Записки сельскаго священника. «Русская Старина», т. 27, стр. 63

[2]) В. А. Шомпулевъ. «Провинціальные типы въ 40-хъ г.» Руск. Стар. 1848 г., августъ, стр. 333—334.

[3]) Воспоминанія крѣпостного, «Русскій Вѣстникъ», 1877 г., кн. 9, стр. 42.

[4]) Гагстгаузенъ, т. I. стр. 201.

Одна помѣщица выписывала изъ деревни крѣпостныхъ дѣвокъ, воспитывала ихъ у себя и снабжала ими домъ терпимости, содержимый ею самою. Состарившихся она отсылала въ деревню, а на выбылыя мѣста подготовляла новыхъ [1]).

Произволъ помѣщика проявлялся не только по отношенію къ женской половинѣ крѣпостного населенія, но давалъ себя чувствовать на каждомъ шагу каждому крѣпостному. Проявленія этого произвола доходили иногда до жестокости. Конечно, гнѣвъ помѣщика чаще всего обрушивался на ближайшихъ къ нему людей, т. е. дворовыхъ, но той же участи подвергались и крестьяне.

Изъ случаевъ жестокаго обращенія помѣщиковъ со своими крѣпостными, проявленій самодурства господъ и угнетенія личности крѣпостного, наиболѣе интересны тѣ, которые совершались и вскрывались передъ самымъ паденіемъ крѣпостного права. По нимъ можно видѣть, что, хотя образованіе сравнительно было больше распространено среди помѣщиковъ въ XIX вѣкѣ, чѣмъ въ концѣ XVIII столѣтія, но грубость и поразительная жестокость продолжали существовать по прежнему въ помѣщичьей средѣ. Дѣла Карцова, Жадовскаго и др. показываютъ, что, если не всѣ помѣщики были подобными звѣрями, во всякомъ случаѣ нравственная атмосфера была такова, что подвиги Карцова и т. под. господъ не вызывали живого противодѣйствія со стороны сосѣдей. „Намъ приходилось, говоритъ Делярю, быть зрителями возмутительныхъ сценъ, происходившихъ на основаніи всѣми признававшагося „права“. Удивительно, что сцены эти или коробили насъ только минутно и вскорѣ забывались, или даже не вызывали въ насъ никакого симптома нравственной неловкости и

[1]) Самаринъ, Сочиненія, т. II. О крѣпостномъ состояніи, стр. 59.

безслѣдно изглаживались изъ нашей памяти, какъ будто бы и не происходили никогда, а между тѣмъ, въ то же время мы возмущались подобными же сценами, не происходившими на нашихъ глазахъ, а только доносившимися къ намъ по слухамъ. Кого, напримѣръ, не возмущалъ торгъ неграми, кто не протестовалъ противъ рабства, кого не потрясали до глубины души возмутительные эпизоды изъ „Хижины дяди Тома“ [1].—Это признаніе интересно изъ устъ современника. Именно тѣмъ и было ужасно крѣпостное время въ смыслѣ угнетенія личности, что всѣ *привыкли* къ рабству, жестокости не возмущали, нервы были притуплены и пріучены къ подобнаго рода воспріятіямъ. Жестокое обращеніе и презрѣніе къ личности крѣпостного были какъ бы въ порядкѣ вещей. Помѣщики могли сажать въ тюрьмы, забивать въ колодки, сажать на цѣпь, засѣкать крѣпостныхъ безнаказанно; сосѣди-дворяне знали это, но молчали, пока какой либо изъ ряда вонъ выходящій случай не заставлялъ власти обратить, наконецъ, вниманіе на происходившее, или пока крестьяне, рискуя подвергнуться жестокой экзекуціи, ссылкѣ въ каторжную работу, не доводили о звѣрскомъ обращеніи барина до свѣдѣнія высшаго начальства. Хотя Самаринъ говоритъ, что, при несомнѣнномъ увеличеніи экономической эксплуатаціи крестьянъ, помѣщики не дозволили бы себѣ звѣрскими поступками, въ родѣ заведенія сельскихъ тюремъ и забиванія въ кандалы, доводить крестьянъ до ожесточенія, однако факты пятидесятыхъ годовъ показываютъ, что это дѣйствительно было. А сколько фактовъ осталось, весьма вѣроятно, похороненными во всеобщемъ молчаніи дореформеннаго времени! Съ тѣмъ

---

[1]) Делярю, Эпизодъ изъ крѣпостного права, «Русскій Архивъ», 1882 г. № 4 стр. 231.

бо́льшимъ вниманіемъ нужно отнестись къ фактамъ, выплывшимъ на поверхность крѣпостного болота и сдѣлавшимся извѣстными въ наше время. Между ними, правда, нѣтъ Салтычихи, но все же есть близко подходящіе къ ней типы.

Во всѣхъ случаяхъ жестокаго обращенія съ крѣпостными больше всего возмущаетъ и поражаетъ то презрѣніе къ человѣческой личности, которое проявляютъ нѣкоторые помѣщики по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Крѣпостной человѣкъ является для нихъ вещью, которою можно распорядиться, какъ угодно, въ лучшемъ случаѣ, какъ съ рабочимъ животнымъ, которое можно истязать, жестоко бить при наказаніи, лишь бы только оно не потеряло рабочей силы; если же оно и издохнетъ, какая бѣда въ этомъ для богатаго хозяина: онъ можетъ купить новую скотину. Съ этой стороны крѣпостное право переходило въ рабство.

Иногда животное цѣнилось выше человѣка. Нѣкій помѣщикъ Саратовской губ. Г—ъ, разсерженный на крестьянина другого помѣщика за то, что тотъ, проходя мимо острова, помѣшалъ ему затравить лисицу, приказалъ псарямъ раздѣть его донага и долго окунать безъ перерыва въ находившуюся близъ острова рѣчку, а затѣмъ, не довольствуясь этимъ, велѣлъ сѣчь его чрезъ намоченный мѣшокъ арапниками, дѣлая это до тѣхъ поръ, пока подъѣхавшій Шомпулевъ не освободилъ крестьянина [1]). Помѣщикъ Рязанской губ., Сухановъ, отправился на охоту и взялъ съ собою въ числѣ прислуги двѣнадцатилѣтняго мальчишку. Этотъ ребенокъ не могъ оцѣнить всю важность возложенной на него обязанности—онъ просмотрѣлъ зайца. Сухановъ ударилъ его ружейнымъ прикладомъ въ ногу, а когда онъ

---

[1]) В. А. Шомпулевъ «Провинціальные типы сороковыхъ годовъ», Русск. Стар., 1898 г. августъ, стр. 324.

упалъ на землю, сталъ бить его пинками въ грудь и животъ, приговаривая; „издыхай, скотина!“ Мальчикъ остался на землѣ, а по окончаніи охоты Сухановъ сначала посадилъ его съ собою на дрожки, но, такъ какъ онъ отъ слабости сидѣть не могъ, Сухановъ столкнулъ его съ дрожекъ, высказавъ: „ну, издыхай скорѣй!“ Съ помощью другихъ лицъ мальчика кое-какъ довели домой, гдѣ онъ два дня поболѣлъ и умеръ [1]). У другого помѣщика одинъ крестьянскій мальчикъ зашибъ камешкомъ ногу борзой собаки изъ барской своры. Баринъ замѣтилъ это, и были принуждены назвать виновника. На слѣдующій день баринъ назначилъ охоту. Привели на мѣсто охоты мальчика. „Приказано раздѣть, разсказываетъ Нурлевскій, и бѣжать ему, нагому; а вслѣдъ за нимъ со всѣхъ сворь пустили въ догонку собакъ, значитъ, травить его. Только борзыя добѣгутъ до мальчика, понюхаютъ и не трогаютъ... Подоспѣла мать, лѣскомъ обѣжала и ухватила свое дѣтище въ охабку. Ее оттащили въ деревню и опять пустили собакъ. Мать помѣшалась, на третій день умерла“ [2]). Неудивительно послѣ такихъ случаевъ, что иные щенки цѣнились выше людей. Сельскій священникъ упоминаетъ о помѣщикѣ А. А. С., который покупалъ борзыхъ щенковъ за 3000 р., въ то время какъ одну дѣвушку покупали въ той мѣстности за 25 р., т. е. 120 дѣвушекъ равнялись одному щенку. Бывали случаи, что за борзую отдавали деревни крестьянъ [3]).

Иные помѣщики и помѣщицы находили дикое удо-

---

[1]) Труды Ряз. Арх. Ученой Коммиссіи, т. XI, вып. 2, 1896 г. Статья А. Повалишина: Жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крестьянами, стр. 122.

[2]) Воспоминанія крѣпостного, «Русскій Вѣстникъ», 1877 года, кн. 3, стр. 43—44.

[3]) Записки сельскаго священника, «Русская Старина», т. XXVII, стр. 68.

вольствіе въ побояхъ и истязаніяхъ крѣпостныхъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ помѣщикъ Тамбовской губ., князь Ю. Н. Г. „приказывалъ иногда давать своимъ провинившимся крестьянамъ до 1000 ударовъ и потомъ къ избитымъ мѣстамъ прикладывать шпанскія мушки. А когда не хотѣлось ему развлекаться сѣченіемъ своихъ крестьянъ, онъ ставилъ виновныхъ изъ нихъ въ маленькую башню на крышѣ барскаго дома и держалъ тамъ, несмотря ни на какую погоду, по нѣсколько сутокъ безъ пищи. Желая иногда поглумиться надъ дворовыми, онъ собственными руками мазалъ ихъ дегтемъ или смолою, мазалъ стариковъ, не щадилъ женщинъ и дѣтей. Нерѣдко приходила ему фантазія наказывать крестьянъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Такъ, однажды онъ созвалъ къ себѣ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и въ ихъ присутствіи приказалъ сѣчь одну изъ нихъ, а самъ въ это время игралъ на билліардѣ. Сѣченіе продолжалось цѣлый часъ, и результатомъ его было то, что дѣвушку немедленно послѣ экзекуціи пріобщили“. Эти истязанія происходили такъ часто, что впослѣдствіи на судѣ свидѣтели говорили: крестьяне Г.—самыя несчастныя и угнетенныя существа, которыя имѣютъ имущества свои и самую жизнь постоянно въ опасности [1]). Жена помѣщика Ч. на каждомъ шагу, каждую минуту шипѣла, щипала и рвала дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Видъ крови приводилъ ее въ бѣшенство. „Какъ только увидитъ, что изъ носу, изо рта или ушей полила кровь,—она вскочитъ и, уже безъ памяти, рветъ щеки и губы, и волосы, повалитъ и, какъ звѣрь, начнетъ мять и рвать все, что подъ ней: щиплетъ, хлещетъ, рветъ,—полнѣйшее бѣшенство! Оторвется уже тогда, когда сама выбьется изъ силъ и

[1]) Еженедѣльное Новое Время, 1880 г., № 53, статья Дубасова. «Къ исторіи крестьянской реформы». стр. 28—29.

упадетъ на стулъ совсѣмъ обезсиленная. Откинется на стулъ, а сама только: А! а! а!“ [1]) Л. Никулина-Косицкая разсказываетъ о своей бывшей госпожѣ, мужъ которой занималъ какое-то важное мѣсто въ Нижнемъ-Новгородѣ, что она „сама занималась хозяйствомъ, ходила съ кнутомъ по двору, била слугъ за вину и безъ вины, отъ скуки—что ли, дралась кастрюлями и всѣмъ, что ни попадало ей подъ руку: она не могла пройти мимо крѣпостной дѣвочки, чтобы не выдернуть у нея клочекъ волосъ или до крови ущипнуть“ [2]).

Нѣтъ возможности перечислять всѣ случаи жестокаго обращенія съ крѣпостными. За малѣйшую вину били розгами, палками, плетьми, кнутьями, при чемъ мѣры наказанія не знали и иногда засѣкали до смерти. Помѣщикъ Н., заставлявшій своихъ крестьянъ въ сильную вьюгу, заметавшую слѣдъ, воровать со степи сосѣднихъ помѣщиковъ сѣно, сѣкъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда неумѣлые воры попадались [3]). Помѣщикъ Каленовъ, заставъ старосту одного изъ своихъ имѣній расположившимся во флигелѣ, гдѣ обыкновенно останавливался самъ баринъ, переколотилъ о голову старосты всѣ горшки, разставленные на полкахъ вмѣстѣ съ другими принадлежностями крестьянскаго хозяйства. Тотъ же помѣщикъ засѣкъ до смерти своего кучера за то, что тотъ опрокинулъ экипажъ [4]). Сельскій священникъ упоминаетъ о помѣщикѣ Ч., который засѣкъ нѣсколькихъ крестьянъ, и каждый разъ убійство проходило безнаказаннымъ [5]).

---

[1]) Записки сельскаго священника, Русская Старина, т. XXVII, стр. 467.

[2]) Записки Л. Никулиной-Косицкой, Русск. Стар. т. 21, стр. 72.

[3]) В. А. Шомпулевъ. «Провинціальные типы сороковыхъ годовъ», Русская Старина, 1898 г. августъ, стр. 323.

[4]) «Воспоминанія ...смоленскаго дворянина», Русская Старина, 1895 г, стр. 71 и 77.

[5]) «Записки сельскаго священника», Русская Старина, т. 27, стр. 466—467.

Помѣщики пытали крѣпостныхъ. Въ 1846 г. разбиралось дѣло помѣщика Трубицына, который вымогалъ дознаніе у двухъ крестьянъ по подозрѣнію ихъ въ кражѣ денегъ; баринъ сначала билъ ихъ костылемъ, а затѣмъ приказывалъ подвѣшивать за пальцы къ перекладинѣ каретнаго сарая [1]). Подобныя звѣрскія пытки употреблялись иногда за самые ничтожные проступки. Трудно себѣ представить, до какихъ истязаній додумывались иные помѣщики. Въ 1846 г. начато было дѣло о помѣщицѣ Минской губ. Стоцкой по поводу смерти принадлежавшаго ей крестьянскаго мальчика отъ жестокаго наказанія. На слѣдствіи выяснилось, что Стоцкая обращалась съ крестьянами крайне жестоко, наказывая ихъ собственноручно за малѣйшее упущеніе и даже безо всякой вины. Она устроила въ своей комнатѣ два желѣзныхъ пробоя, изъ которыхъ одинъ былъ утвержденъ въ потолкѣ, а другой подъ нимъ на полу, за которые сверху и снизу привязывались люди для наказанія. Она кусала своихъ людей, душила ихъ руками, накладывала на шею желѣзныя цѣпи, наливала за шею кипятокъ, принуждала ѣсть дохлыхъ піявокъ, жгла тѣло раскаленнымъ желѣзомъ, зауздывала женщинъ подъ предлогомъ, чтобы онѣ во время доенія коровъ не сосали молока. Одна изъ дворовыхъ дѣвушекъ, подвергаемая ежедневно наказанію розгами отъ 50 до 200 ударовъ, наконецъ, лишилась жизни [2]). Свирская, жена предводителя дворянства, дѣло о которой по жалобѣ крестьянъ на жестокое обращеніе было начато въ 1853 г., совершала такія жестокости, что съ трудомъ вѣрится ихъ возможности. Посылая дворовыхъ дѣвокъ за водою за двѣ версты въ одномъ платьѣ во всякую

---

[1]) А. Любавскій. «Русскіе уголовные процессы», т. II, стр. 321—330.

[2]) Мат. для ист. крѣп. права, стр. 154—155.

погоду, она заставляла ихъ пить принесенную воду съ мыломъ, если она казалась ей не изъ того колодца. Свирская заставляла своихъ дворовыхъ пить собственную мочу, ѣсть какъ собственный, такъ и приносимый калъ. Провинившихся она заставляла ѣсть протухлыя яйца, била арапникомъ до ранъ, сажала обнаженныхъ на ледъ или снѣгъ, катала по льду и по снѣгу безъ всякой одежды, заставляла дѣвочку Сиклетію ѣсть кирпичъ, битое стекло (отъ чего та умерла), бумагу, кости, обливала на морозѣ холодною водою; другую дѣвочку заставляла ѣсть наполовину обрѣзанную косу. На дворѣ у нея жила волчица, которую она напускала на провинившихся: однажды эта волчица чуть не разорвала крестьянку; у другой женщины, при разслѣдованіи, оказалось на тѣлѣ до 30 ранъ, нанесенныхъ этою волчицею. Трудно представить, за какія преступленія налагала она наказанія: одну крѣпостную истязали за то, что у нея шла кровь изъ ранъ, нанесенныхъ волчицею [1]).

Примѣняя на практикѣ свою вотчинно-судебную власть, помѣщики употребляли иногда тѣ же наказанія, какія налагались на преступниковъ въ обыкновенныхъ правительственныхъ судахъ. Нѣкоторые господа, для усиленія наказанія, брили волосы и бороды своихъ крѣпостныхъ. Такъ, помѣщикъ И. Н. Скобелевъ приказалъ дать своему крестьянину—за неплатежъ оброка и государственныхъ податей—„50 лозановъ и сверхъ того остричь половину головы“ [2]). У иныхъ была своя домашняя Сибирь. Такъ, Романовичъ-Славатинскій слышалъ разсказъ о малороссійской помѣщицѣ, „въ имѣніи которой среди степи стояла „пустка“—полуразвалившаяся

[1]) Делярю. Эпизодъ изъ крѣпостного права. «Русскій Архивъ», 1882 г., № 4.

[2]) «Страничка изъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ». «Русская Старина», 1895 г., мартъ.

изба; тамъ существовало нѣчто въ родѣ каторги,—самая безпощадная барщина, и сюда ссылались провинившіеся крестьяне" [1]). У такого помѣщика, какъ гр. Шереметевъ, одна вотчина служила мѣстомъ ссылки для его крестьянъ, Сибирью своего рода, куда ссылались изъ другихъ вотчинъ „за закоренѣлое упорство" [2]). Нѣкоторые помѣщики употребляли, въ видѣ наказанія, кандалы, цѣпи, рогатки, надѣвавшіяся на шею и мѣшавшія спать. У помѣщика Воронежской губ. Костомарова среди барскаго двора стояла большая деревянная колода; къ ней прикрѣплялась цѣпь, которую надѣвали на шею провинившемуся крестьянину, и оставляли его въ такомъ положеніи на день, два и даже на недѣлю [3]). Рязанскіе помѣщики Польскіе посадили одну дворовую дѣвушку „на цѣпь, къ которой прикрѣпленъ былъ обрубокъ дерева, вѣсомъ фунтовъ въ тридцать („цѣпной стулъ"), другую дѣвушку—въ желѣзную рогатку, вѣсомъ въ восемь фунтовъ, и держали такъ первую четыре, а послѣднюю двѣ недѣли за то, что онѣ пожаловались предводителю дворянства на жестокое обращеніе съ ними. Во время наказанія, въ цѣпяхъ и рогаткѣ, онѣ должны были работать господскую работу, получая хлѣбъ и воду въ содержаніе [4]). Это дѣло относится къ 1824 году; но вотъ такіе же факты, происходившіе передъ самою реформою 1861 г. Въ донесеніи государю Александру II и министру внутреннихъ дѣлъ о случаяхъ неповиновенія и безпорядкахъ между помѣщичьими крестьянами Сергачскаго уѣзда Нижегородской губ. губернаторъ Муравьевъ указывалъ, между прочимъ, на имѣніе Зиновьева, гдѣ, „несмотря

[1]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи, стр. 313.

[2]) Дѣйствія Нижегор. Арх. Ком. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III, статья Снѣжневскаго, стр. 69.

[3]) «Н. И. Костомаровъ». Русск. Стар., 1886 г., январь, стр. 181.

[4]) Тр. Арх. Ком., 1896 г., т. XI, вып. 2, ст. Повалишина, стр. 114

на предстоящее улучшеніе быта крестьянъ, помѣщикомъ употреблялись при вотчинной конторѣ кандалы", въ которыхъ недавно содержалась, и при томъ совершенно безвинно, одна женщина, изъявившая желаніе слѣдовать со своимъ мужемъ въ Сибирь на поселеніе [1]). Помѣщица Орловской губ. кн. Трубецкая, какъ выяснилось при слѣдствіи въ 1846 г. по поводу смерти одного изъ ея крѣпостныхъ изъ-за истязаній, „неоднократно заковывала въ желѣза крестьянъ и крестьянокъ, заставляла ихъ въ такомъ положеніи работать, наказывая чрезмѣрно жестоко не только розгами, но и кнутомъ; наказаніе это она повторяла весьма часто, а надъ одною дѣвкою продолжала три года сряду". Крестьянинъ, по поводу смерти котораго назначено было слѣдствіе, отлучился изъ своей деревни для сбора подаяній, но былъ пойманъ по распоряженію своего владѣльца, закованъ въ желѣзо. За медленную работу въ такомъ положеніи кн. Трубецкая била его нѣсколько разъ палкою и, наконецъ, наказала кнутомъ, отъ чего онъ черезъ нѣсколько дней умеръ [2]). Въ этомъ отношеніи особенно интересно дѣло херсонскаго помѣщика Карцова, возникшее въ 1852 г. Дѣло началось по поводу самоубійства мальчика, покончившаго съ собою изъ-за страха передъ наказаніемъ за совершенное воровство. При слѣдствіи выяснилось жестокое обращеніе Карцова со своими крѣпостными. При обыскѣ были найдены въ господскомъ домѣ три желѣзныя цѣпи; были также, по словамъ крестьянъ, кандалы и рогатки, но Карцовъ успѣлъ спрятать ихъ до обыска. Одна крестьянка, послѣ возвращенія изъ бѣговъ, была закована въ кандалы, а на шею была надѣта рогатка. По-

---

[1]) Дѣйств. Ниж. Арх. Ком. Сборникъ стат., оп. и докум., т. III. Снѣжневскій, стр. 66.

[2]) Мат. для исторіи крѣпостного права, стр. 154.

слѣ попытки утопиться, ее приковали, по распоряженію Карцова, за ногу въ кухнѣ къ столбу, въ какомъ положеніи и продержали пять лѣтъ; послѣдніе годы ее пускали съ цѣпи только днемъ для господской работы. Другой крестьянинъ четыре года содержался въ ножныхъ кандалахъ и въ нихъ отбывалъ барщину, а на ночь приковывался къ столбу въ кухнѣ цѣпью за шею; онъ такъ и умеръ прикованнымъ. Сына этого крестьянина Карцовъ билъ во время молотьбы на господскомъ току до того, что у него пошла носомъ и ртомъ кровь, отчего онъ началъ чахнуть и черезъ три мѣсяца умеръ. Еще раньше онъ, такъ же, какъ отецъ, содержался въ кухнѣ на цѣпи; его спускали съ нея только для барщины. Крестьяне и дворовые показали, что, по распоряженію Карцова, очень часто крестьяне, а въ особенности дворовые люди, брались на цѣпь, заковывались въ кандалы, при чемъ на шею надѣвались рогатки. Люди съ рогатками на шеѣ исполняли даже работы на барщинѣ. При слѣдствіи сосѣди Карцова заявили, что имъ хорошо извѣстно жестокое обращеніе его съ крѣпостными, а они сами видѣли людей, закованныхъ въ цѣпи и съ рогатками на шеѣ исполнявшихъ господскія работы [1]).

Неправда ли, какъ отсюда вѣетъ римскимъ невольничествомъ? Недостаетъ только хлопанья бича. Если бичъ въ соединеніи съ кандалами, быть можетъ, встрѣчались какъ рѣдкое исключеніе, то свистъ розогъ или удары палокъ зачастую раздавались надъ неисправнымъ рабочимъ. Рязанскій помѣщикъ Захарьевскій, отправляясь для присмотра на барщину, всегда возилъ съ собою розги; если онъ замѣчалъ въ работѣ какую нибудь ошибку, то виновнаго тутъ же на мѣстѣ приказывалъ разложить и „дѣлалъ жестокое наказаніе

---

[1]) Любавскій, Русскіе уголовные процессы, т. II, стр. 293—321.

до крови, такъ что и переносить было невозможно" [1]). Помѣщикъ К. „самъ своихъ барскихъ рукъ о мужицкое рыло не поганилъ. Когда онъ бывалъ въ деревнѣ, а онъ жилъ тамъ большею частью, за нимъ два кучера съ кнутьями, какъ тѣнь, слѣдили всюду: баринъ въ поле—кучера за нимъ; баринъ на мельницу,—кучера за нимъ; баринъ на гумно, въ лѣсъ на охоту съ ружьемъ и пр. и пр.—кучера неотлучно. Лишь чуть что замѣтитъ баринъ неисправнаго, — кучера и въ кнутья!" [2]). Помѣщикъ Ч. совершалъ расправу съ крѣпостными еще проще. „Онъ надрессировалъ свою легавую собаку такъ, что она рвала всякаго, на кого онъ притравитъ, и рвала такъ, какъ онъ скажетъ,—кого за икры, а кого повыше. Лишь только какое нибудь преступленіе—сейчасъ собака рвать: пашетъ мужикъ мелко—собака; коситъ не чисто—собака; укралъ что нибудь отъ барина—собака. Но, если случались важныя преступленія, возбуждающія весь барскій гнѣвъ, тогда онъ поролъ, а собака уже на загладку" [3]). Другой помѣщикъ въ томъ же селѣ, нѣкій К**, „не разлучался съ плетью. Пойдетъ утромъ рано на гумно, да и станетъ у воротъ. Лишь только кто немного запоздаетъ, онъ и примется лупить сплеча, а самъ мужичина высокій, здоровенный, толстый и уже выпивши. Баба, можетъ быть, прибирала ребятишекъ, замѣшкалась у печки, запоздала,—баринъ встрѣтитъ ее и хватитъ плетью. Та упадетъ, а онъ не дастъ ей встать, а полосуетъ съ плеча, пока она не доползетъ на четверинкахъ до риги" [4]).—Эти факты не были, ко-

---

[1]) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1896 г., т. XI, вып. 2, Повалишинъ, стр. 115.

[2]) Записки сельскаго священника, «Русская Старина», т. 27, стр. 464.

[3]) Тамъ же, стр. 465—466.

[4]) Тамъ же, стр. 479.

нечно; общимъ явленіемъ, но ужасно и характерно то, что они были извѣстны и не волновали общественнаго мнѣнія. Злодѣйства Карцова раскрылись только благодаря случаю: на слѣдствіи по дѣлу о самоубійствѣ вышеупомянутаго мальчика одинъ изъ дворовыхъ далъ подробныя показанія о поступкахъ Карцова. Сосѣди же давно о нихъ знали.

Какъ ни горько, какъ ни больно за человѣческую личность, но приходится признать, что крѣпостной неразвитой, тупой, но имѣвшій чувства собственнаго достоинства, способный цѣловать руку господина, только что избившаго его, былъ счастливѣе умнаго и развитого человѣка, находившагося въ крѣпостномъ состояніи; положеніе человѣка, сколько нибудь сознающаго свое достоинство, при крѣпостныхъ отношеніяхъ было особенно ужасно. Не даромъ, по указанію Снѣжневскаго, причина самоубійства дворовыхъ опредѣлялась большею частью краснорѣчивой фразой: „отъ имѣемой въ немъ задумчивости". Самоубійство двороваго, принадлежавшаго художнику Ступину, его товарищи, жена, самъ Ступинъ объяснили „начитанностью разныхъ сочиненіевъ", такъ какъ онъ имѣлъ „гибельную" страсть къ чтенію книгъ [1]).

Между тѣмъ, помѣщики изъ собственныхъ выгодъ нерѣдко сами подмѣчали то или другое дарованіе или способности въ крѣпостномъ, развивали ихъ, а затѣмъ или лично эксплуатировали ихъ, или отпускали на высокій оброкъ. Помѣщики заводили у себя собственные оркестры, театры, оперы, балеты, составлявшіеся изъ крѣпостныхъ. Такъ какъ нерѣдко для этого набирали крѣпостныхъ безъ разбора, способныхъ и неспособныхъ къ этого рода искусствамъ, то помѣщики вколачивали

---

[1]) Нижегородскій Сборникъ, изд. подъ редакціею Гацискаго, т. X, ст. Снѣжневскаго, стр. 557—558.

въ нихъ умѣнье играть, пѣть, плясать. Отъ помѣщика Баженова (Нижегородской губ.) бѣжало трое музыкантовъ отъ побоевъ „за нескорое пониманіе при ученіи игрѣ на инструментахъ“ [1]). Одинъ помѣщикъ Б., какъ разсказываетъ де Пассенанъ (De Passenans), побывавшій у него въ деревнѣ и бывшій на представленіи его крѣпостной труппы, самъ ходилъ во время представленія съ трубкой во рту, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, между кулисами, подбадривая словами и *жестами* своихъ крѣпостныхъ артистовъ. Въ первый вечеръ пріѣзда де Пассенана играли Дидону. Въ одной сценѣ барину не понравилась игра артистки, исполнявшей роль Дидоны. „Онъ быстро идетъ на сцену и хлещетъ по щекамъ несчастную Дидону, со словами: „Я говорилъ, что поймаю тебя на этомъ. Послѣ представленія ступай на конюшню за заслуженной наградой“. Дидона, поморщившись отъ пощечины, приняла снова гордый видъ и продолжала свою арію, какъ ни въ чемъ не бывало“ [2]). Въ театрѣ графа Каменскаго въ Орлѣ висѣла огромная плеть; во время антрактовъ графъ снималъ ее, лично шелъ за кулисы и тамъ собственноручно разсчитывался съ провинившимися артистами такъ, что вопли наказываемыхъ отчетливо слышались зрителями [3]). Не всѣ помѣщики дѣйствовали такъ грубо, некрасиво. Помѣщикъ Н. И—чъ Б., о которомъ разсказываетъ сельскій священникъ, такъ грубо не обнаруживалъ своего жестокаго обращенія съ артистами, не измѣняя даже ласковаго тона при замѣченной ошибкѣ. У него былъ хоръ, пѣвшій также и въ церкви. „Если кто, къ несчастью, чуточку сфальшивитъ, т. е. вмѣсто діезной или бемольной нотки

---

[1]) Тамъ же, стр 558.

[2]) Лѣткова «Крѣпостная интеллигенція», Отеч. Зап., 1883 г., кн. 11, стр. 168.

[3]) Тамъ же, стр. 165.

возьметъ простую, Н. И—чъ, пропуская мимо себя послѣ обѣдни пѣвчихъ, говаривалъ: „Ты, Саша, опять сфальшивила: въ „Достойно“—ля діезное; а ты, Даша, въ концертѣ въ „Пріидите“—ди-фисъ“. Это говорилось самымъ нѣжнымъ тономъ; даже иногда Н. И—чъ, улыбаясь, по подбородку погладитъ; но всѣ ужъ очень хорошо знали, что значили эти діезы и бемоли! Регентъ сейчасъ долженъ былъ сказать объ этомъ управляющему, а тотъ вкатывалъ и Сашѣ, и Дашѣ уже безъ всякой фальши. Цѣна и діезовъ, и бемолей была извѣстна—25 розогъ [1]). Вечеромъ эти же Саша и Даша должны были играть въ домашнемъ театрѣ на сценѣ и разыгрывать какихъ нибудь княгинь и графинь. Въ антракты баринъ входилъ за кулисы и говорилъ: „Ты, Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль: графиня NN должна была держать себя съ достоинствомъ“. И 15—20 минутъ антракта Сашѣ доставались дорого: кучеръ поролъ ее съ полнымъ своимъ достоинствомъ! Затѣмъ опять та же Саша должна была или держать себя съ полнымъ достоинствомъ графини, или играть въ водевилѣ и отплясывать въ балетѣ“. „Какъ ни бьешься, какъ ни стараешься, говоритъ по этому поводу сельскій священникъ, но никакъ не можетъ представить себѣ, чтобы люди, да еще дѣвицы, послѣ розогъ, и, вдобавокъ, розогъ кучерскихъ, забывая и боль, и срамъ, могли мгновенно превращаться или въ важныхъ графинь съ „достоинствомъ“, или прыгать, хохотать отъ всей души, любезничать, летать въ балетѣ и т. п., а между тѣмъ дѣлать были должны и дѣлали, потому что онѣ опытомъ дознали, что, если онѣ не будутъ тотчасъ изъ-подъ розогъ вертѣться, веселиться, хохотать, прыгать, то опять кучера... Онѣ знаютъ горь-

---

[1]) Записки сельскаго священника, «Русская Старина», т. 27, стр. 67.

кимъ опытомъ, что даже за малѣйшій признакъ принужденности ихъ будутъ сѣчь опять и сѣчь ужасно. Представить ясно такое положеніе не возможно, а однако жъ, все это было. Такія усилія, чтобы тотчасъ изъ-подъ кучерскихъ розогъ хохотать и плясать, можетъ дѣлать человѣкъ только или при непомѣрномъ страхѣ, или когда онъ доведенъ до скотоподобія... Какъ шарманщики палками и хлыстами заставляютъ плясать собакъ, такъ помѣщики розгами и кнутьями заставляли смѣяться и плясать людей" [1]).

Среди крѣпостныхъ, которыхъ побоями заставляли дѣлаться артистами, попадались люди дѣйствительно даровитые, иногда талантливые, и положеніе такихъ было поистинѣ ужасно. По пониманію требованій искусства, по нравственному и умственному развитію, такіе крѣпостные стояли иногда неизмѣримо выше своихъ господъ, а между тѣмъ должны были подчиняться ихъ прихотямъ, чувствовать себя въ ихъ полной власти, а главное—*сознавать* это. Что долженъ былъ испытывать артистъ, съ „искрой Божіей" въ душѣ, когда онъ, увлекшись тою или другою ролью, создавая на сценѣ типъ, вдругъ слышалъ окрикъ барина, которому не понравилась его игра, а затѣмъ свистъ плети надъ собою или пощечину! Иногда талантливые крѣпостные рѣшались лучше лишиться своего таланта, нежели унижать свое искусство или самолюбіе ради прихотей барина. Одинъ помѣщикъ, имѣя громадную дворню, „послалъ самаго талантливаго изъ своихъ крѣпостныхъ въ Италію учиться. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже удивлялъ итальянцевъ своимъ громаднымъ дарованіемъ. Баринъ, гордый репутаціей своего виртуоза, приказалъ ему вернуться въ Россію. Артистъ сейчасъ же поспѣшилъ исполнить волю своего господина. Въ одинъ изъ первыхъ дней его

[1]) Тамъ же, стр. 68.

пріѣзда его заставили играть при огромномъ обществѣ, и для каждаго, вновь прибывшаго, онъ долженъ былъ повторять блестящій концертъ Віоти. Послѣ трехчасовой игры онъ очень усталъ и просилъ у своего барина позволенія отдохнуть. „Нѣтъ, играй, отвѣтилъ тотъ:— а если будешь капризничать, то вспомни, что ты мой рабъ; вспомни о палкахъ". Молодой человѣкъ въ отчаяніи выбѣжалъ изъ залы, спустился въ кухню, схватилъ топоръ и отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ: „Будь проклятъ талантъ, если онъ не могъ избавить меня отъ рабства" [1]). Одинъ художникъ крѣпостной, которому пришлось исполнять разныя прихоти барина, унижающія его искусство, повѣсился въ саду. Другой, живописецъ, съ истиннымъ призваніемъ къ искусству, былъ вынужденъ красить полы, крыши и, наконецъ, пасти свиней за непокорность господину; онъ утопился въ господскомъ саду [2]). Дворовый-художникъ Мясниковъ застрѣлился послѣ того, какъ господинъ, узнавъ, что его крѣпостной—художникъ, за которымъ признаетъ недюжинный талантъ академія художествъ, а с.-петербургское общество поощренія художествъ предлагало за выкупъ Мясникова 2000 р.,— приказалъ ему вернуться въ деревню [3]).

Конечно, не всѣ крѣпостные-интеллигенты кончали самоубійствомъ. Самымъ распространеннымъ порокомъ, отъ котораго гибла масса талантливыхъ крѣпостныхъ, было пьянство. Г-жа Лѣткова въ своей статьѣ приводитъ упоминаніе Клеркэ „объ одномъ замѣчательномъ копіистѣ-рабѣ: онъ шелъ отъ мольберта къ своему

---

[1]) Лѣткова, «Отеч. Зап.», 1883 г., кн. 11, стр. 176.

[2]) Н. Рамазановъ, «В. А. Тропининъ», «Русскій Вѣстникъ», 1861 годъ, кн. 11, стр. 54.

[3]) В. И. Снѣжневскій. Нижегор. Сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губ. статистич. комитетомъ подъ редакціей А. С. Гацискаго, т. X, 1890 г., стр. 557.

обычному занятію, чисткѣ сапоговъ, и потомъ напивался“ [1]). Печальна въ этомъ отношеніи судьба Полякова, крѣпостного помѣщика Б., ученика академика Васильева. Онъ обнаружилъ большія способности къ живописи, получилъ академическія медали, познакомился съ образованнымъ обществомъ, писалъ портреты въ лучшихъ петербургскихъ домахъ и получалъ за нихъ по 400 рублей ассигнаціями. Внезапно баринъ потребовалъ Полякова къ себѣ, несмотря на данное раньше слово отпустить его на волю. Хлопоты Васильева ни къ чему не повели. Поляковъ, по настойчивому приказанію господина, долженъ былъ сопровождать его на запяткахъ по улицамъ Петербурга. Поляковъ вскорѣ спился съ круга и пропалъ безъ вѣсти [2]). Фонъ-Риттеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о крѣпостномъ времени описываетъ одного изъ музыкантовъ своего отца, двороваго, по прозванію „Флейта“. Онъ замѣчательно хорошо игралъ на флейтѣ чужія произведенія и собственную импровизацію, чѣмъ славился во всемъ округѣ. „Держался онъ отъ остальной дворни какъ-то особнякомъ, и лучшимъ его наслажденіемъ было, послѣ игры на флейтѣ, удить рыбу или бродить по окрестностямъ съ ружьемъ... Бѣдный „Флейта“, несмотря на весь свой талантъ и скромный и тихій характеръ, имѣлъ ужасный порокъ: онъ былъ пьяница и какой пьяница! Когда приходило ему время пить—а онъ пилъ запоемъ—„Флейта“ куда-то исчезалъ, и тогда никакіе розыски, никакія мѣры узнать, гдѣ онъ обрѣтается, не имѣли успѣха. Въ этихъ случаяхъ онъ рѣшительно все пропивалъ: одежду, сапоги, ружье даже... и несчастный „Флейта“ пилъ и пилъ до тѣхъ поръ, пока это только

---

[1]) Лѣткова, «Отеч. Зап.», 1883 г., кн. 11, стр. 180.

[2]) Рамазановъ, «В. А. Тропининъ», «Рус. Вѣстникъ», 1861 г., кн. 11, стр. 54.

выдерживала его натура, а затѣмъ, больной, блѣдный, возвращался онъ домой съ повинной головой и начиналъ вымаливать себѣ прощеніе, обѣщая исправиться и не пить больше никогда". Никакія мѣры наказанія не помогали. Если его участіе въ оркестрѣ было необходимо въ то время, когда онъ находился въ періодѣ запоя, то его постепенно вытрезвляли, а въ день концерта привязывали за ногу на нарахъ, чтобы онъ не убѣжалъ. Послѣ отмѣны крѣпостного права „Флейта" постепенно спился и дошелъ до игры по кабакамъ [1]). Быть можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ изъ „Флейты" вышла бы знаменитость, а при крѣпостномъ правѣ получился горькій пьяница. Сколько погибало такихъ личностей въ крѣпостной средѣ, нельзя представить себѣ. Талантливымъ людямъ трудно было выбраться изъ крѣпостного состоянія. Иногда помѣщики не желали отпускать своихъ даровитыхъ крѣпостныхъ изъ одного тщеславія. Такъ, графъ Морковъ отпустилъ на волю извѣстнаго художника Тропинина только 47 лѣтъ, въ 1823 году, несмотря на то, что онъ былъ уже извѣстностью въ Россіи [2]), и на то, что въ Тропининѣ принимали участіе многія вліятельныя лица. Иногда помѣщики заламывали громадныя выкупныя суммы. Г-нъ М. запросилъ за своего крѣпостного,—поэта Ивана Сибирякова,—10,000 р., несмотря на то, что за него хлопотали такія важныя лица, какъ петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ [3]). Сами крѣпостные не могли достать такихъ денегъ, а благодѣтельныя лица, помогавшія выбраться изъ крѣпостной зависимости, встрѣчались рѣдко.

---

[1]) Фонъ-Риттеръ. Отзвуки минувшаго.

[2]) Н. Рамазановъ, «Василій Андреевичъ Тропининъ» «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., кн. 4.

[3]) Сообщеніе Красильникова, «Русскій Архивъ», 1873 г., № 4.

ГЛАВА VI.

Вліяніе крѣпостного права на умственное развитіе народа.—Отношеніе крестьянъ къ крѣпостному игу.—Значеніе борьбы крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью.

Крѣпостная зависимость, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она проявлялась въ жизни, не могла не оказать вліянія на умственное развитіе народа. Въ тѣхъ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ не жилъ самъ, этого вліянія почти совершенно не замѣчалось. Въ барщинныхъ же имѣніяхъ, гдѣ интересы самого помѣщичьяго хозяйства требовали строгаго надзора за жизнью, дѣйствіями отдѣльныхъ крестьянъ, крѣпостное право не могло не притуплять самостоятельности, сообразительности крестьянъ, доводя отдѣльныя личности, а иногда и цѣлыя деревни, до отупѣнія. Н. Рѣшетовъ нашелъ подобную деревню при введеніи имъ Положенія 1861 года въ Курской губерніи. Помѣщикъ Харкевичъ, имѣвшій небольшое имѣніе съ 50 душами крестьянъ и лично занимавшійся хозяйствомъ, перевелъ всѣхъ крестьянъ въ дворовые. Онъ отнялъ всю землю отъ крестьянъ, собиралъ весь хлѣбъ себѣ, выдавая крестьянамъ все необходимое, неустанно слѣдилъ за ними, наблюдая, чтобы ни одна минута у нихъ не пропадала даромъ. Крестьяне работали зиму и лѣто, не исключая праздниковъ. Они никуда не выходили изъ имѣнія, за исключеніемъ посѣщенія церкви поочереди по большимъ праздникамъ. Никто не посѣщалъ ихъ, такъ какъ самъ Харкевичъ велъ дѣла только съ купцами и скупщиками хлѣба. Послѣ 25—30 лѣтъ примѣненія подобной системы крестьяне потеряли способность самостоятельно разсуждать, дошли почти до идіотскаго состоянія. Всѣ усилія Рѣшетова растолковать имъ Положеніе и объяснить необходимость выбрать старосту, оставались тщет-

ными. Крестьяне внимательно слушали, но не понимали объясняемаго [1]).

О вредномъ вліяніи крѣпостного права на умственное развитіе народа говорятъ Заблоцкій-Десятовскій, Кавелинъ, Самаринъ. Брачные союзы лишь съ разрѣшенія помѣщика настолько вошли въ привычки крестьянъ, что они бывали недовольны тѣми помѣщиками, которые не слѣдовали этому обычаю. Самаринъ разсказываетъ, между прочимъ, что иной крестьянинъ самъ просилъ приказать другому крестьянину выдать дочь послѣдняго за его сына; „если же помѣщикъ отказывался подбирать жениховъ и невѣстъ, вся деревня возропщетъ“ [2]). Бывало, пишетъ М. К. Николаева, описывая свое пребываніе въ имѣніи дяди, помѣщика Петербургской губ., „явится «передъ барскія очи» старуха съ лицомъ кіевской вѣдьмы, крѣпкая, молодецъ-старуха, съ отчаянно кричащимъ пѣтухомъ подъ мышкой и съ сыномъ — косноязычнымъ, полоумнымъ парнемъ, котораго она же добила до идіотства. Горько плачется на свое сиротство и безпомощность старуха, съ причитаніями валяясь въ ногахъ и вымаливая, чтобы баринъ приказалъ отдать за сына Демкину Фемку, и удаляется въ концѣ-концовъ, недовольная категорическимъ отвѣтомъ барина, что онъ неволить дѣвушку не станетъ“ [3]). При введеніи Положенія 19-го февраля, какъ указываетъ бывшій мировой посредникъ Носовичъ, многіе крестьяне были недовольны разрѣшеніемъ брачныхъ союзовъ безъ дозволенія помѣщиковъ, говоря, что „въ старину было въ этомъ отношеніи лучше, когда помѣщики принуждали жениться, руководствуясь

---

[1]) Н. Рѣшетовъ. «Эпизоды при введеніи Положенія 19-го февраля 1861 г.» «Русскій Архивъ». 1885 г., кн. 10—12.

[2]) Самаринъ, т. II, стр. 26.

[3]) М. К. Николаева, «Деревня въ старину». «Сѣверный Вѣстникъ», 1891 г. № 6, стр. 106.

какъ личными хозяйственными соображеніями, такъ и выгодами своихъ крестьянъ, которымъ нужны были работницы" [1]). Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне такъ привыкали къ допрашиванію подъ розгами, что неупотребленіе ихъ при допросѣ считалось жалобщикомъ за явное пристрастіе помѣщика или его повѣреннаго къ обвиняемому [2]). Крестьяне настолько привыкали къ тѣлеснымъ наказаніямъ и произволу помѣщика, что теряли чувство стыда при наказаніяхъ.

Выше средняго уровня стояли крѣпостные, въ родѣ щедринской Аннушки, крѣпостной „тетенекъ-сестрицъ" г-жи Затрапезной: они несли иго рабства „безъ ропота и были, такъ сказать, рабами по убѣжденію". Въ основѣ убѣжденій этой Аннушки лежалъ афоризмъ, что „рабство есть временное испытаніе, представленное лишь избраннымъ, которыхъ ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ... Доктрина эта, говоритъ Салтыковъ, была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ". Они (такіе крѣпостные) высказывали убѣжденіе, что и „господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ, и что тѣ, которые эти обязанности исполняютъ, и въ будущей жизни облегченіе получатъ" [3]). Это— крѣпостные, задумывавшіеся надъ своимъ положеніемъ и стремившіеся объяснить его такъ или иначе, но все же примирявшіеся съ нимъ.

Но, кромѣ нихъ, какъ и вездѣ, были „вольники", бунтующія личности, которыя не удовлетворялись своимъ положеніемъ и или бѣжали, или кончали свою жизнь самоубійствомъ, начинали волненія, вообще въ различныхъ формахъ проявляли свое несогласіе съ существующимъ порядкомъ вещей. Какихъ стойкихъ лично-

---

[1]) Носовичъ, „Крестьянская реформа", стр. 20.

[2]) Самаринъ, т. II. стр. 27.

[3]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ произведеніяхъ Салтыкова, стр. 180.

стей выдвигалъ народъ, видно изъ описанія нѣкоторыхъ бунтовъ у В. И. Семевскаго. Такъ, при усмиреніи волненій крестьянъ въ имѣніи кн. Голицына въ Рязанской губ. по поводу нежеланія ихъ подчиняться господину, одна старуха просила пощадить ея сына. Его вызвали отдѣльно и велѣли покориться князю. „Какъ міръ, такъ и я", отвѣчалъ тщедушный и больной на видъ парень, и, несмотря на жестокое сѣченье, онъ до конца не покорился и отвѣчалъ то же самое [1]). Во время другого волненія въ имѣніяхъ Депрейса и Наумовой, въ 1834 г., крестьяне не желали подчиняться владѣльцамъ, считая себя происходившими отъ стрѣльцовъ. Виновные въ возмущеніи были подвергнуты жестокимъ наказаніямъ. Одна женщина при этомъ бросилась въ прудъ, потому что ея мужъ первый принесъ повинную и вернулся домой крѣпостнымъ [2]).

Какъ же въ общемъ относилась крѣпостная масса къ своему положенію? Къ какимъ сторонамъ крѣпостного права относился народъ особенно нетерпимо, чѣмъ проявлялъ свое неудовольствіе? При существовавшихъ порядкахъ, при полной подавленности народной массы при крѣпостномъ правѣ, народъ не могъ высказываться. Даже пѣсни, въ которыхъ отчасти отражались его чувства и взгляды, запрещались иногда народу. Такъ, напр., въ Саратовѣ въ пятидесятыхъ годахъ полицеймейстеръ, по полученіи строгаго выговора за напечатаніе одной народной пѣсни, ѣздилъ по городу и лупилъ плетью поющаго тѣ или другія пѣсни. Въ пятидесятыхъ же годахъ кн. Волконскій приказалъ выпороть молодого ямщика, спѣвшаго, по его приказанію, по своему выбору „хорошую пѣсню", какова была, по

---

[1]) Смотр. подробности въ трудѣ В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ", т. II, стр. 521—533.

[2]) В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ", т. II, стр. 588.

мнѣнію парня, пѣсня о „Ваничкѣ-ключникѣ и князѣ Волконскомъ“.

Народъ прежде всего считалъ временнымъ свое положеніе, которое должно было скоро измѣниться. Дворяне—царскіе слуги, а подчиненіе крѣпостныхъ есть лишь особаго рода жалованье за царскую службу. Поэтому послѣ манифеста 1762 г., о вольности дворянства стали разноситься слухи, что и имъ дана вольная грамота, но ее скрываютъ баре. Это послужило поводомъ ко многимъ волненіямъ. Вообще съ тѣхъ поръ при воцареніи каждаго новаго государя крестьяне волновались, убѣжденные, что онъ не замедлитъ объявить имъ вольную грамоту. Это убѣжденіе просуществовало до самаго паденія крѣпостного права. Воззрѣніе, что царь хочетъ дать волю, но господа не хотятъ и обманываютъ его, отразилось въ богатой по содержанію бѣлорусской пѣснѣ „Разговоръ Данилы и Сьцѣпана“. Два крестьянина сошлись въ праздникъ и стали толковать о житьѣ-бытьѣ своего брата-мужика.

«Говорящь на свѣцѣ, у голосъ талкуюць —
Атъ ксяндзоу, атъ жидоу--усѣ люди чуюць,
Што вольнасть намъ, бѣднымъ, дастъ Царь—безъ откладу,
Што только съ панамъ не найдзѣ ёнъ ладу.
Чаго адны хочуць, то другимъ ня мила.
Царь имъ паутаряць, а яны хитруюць,
Згаварыушись съ собою, Цару такъ толкоюць:
Пане найяснѣйшій, што съ гэтаго будзиць,
Дауши усѣмъ вольнасць, кажень тоя згудзиць;
Бо мужикъ безъ пана быць ня якъ ня може —
Пабьютса, паколютца, сцержи насъ, Боже,
Надъ ими треба што дзень—сякутомъ стоять надъ каркамъ,
Розги кабъ лежали съ возамъ—за хвальваркомъ,
Грязы якъ ня будзе атъ двара надъ хамамъ,
Забьютца съ собою на вѣкъ вѣкоу—амэнъ.
Мужикъ безъ гарѣлки пирабыць ня може,
А якъ станиць бітца, кала яму треба;
Хахь дзицямъ у хацѣ—нимамъ куска хлѣба,

Бо вна̀ць ёнъ, што за усе панъ скарѐ, —
Съ хàма ня бу̀дзиць ничо̀га, якъ пана не мàе».

Замѣчательно, какъ здѣсь отразились взгляды дворянъ, ихъ запугиванія правительства тѣнью народныхъ волненій, ихъ увѣренія, что народу слишкомъ тяжело будетъ лишиться помощи помѣщиковъ въ несчастныхъ случаяхъ, и что онъ лишь раззорится, получивъ свободу. Народъ ставитъ такой приговоръ надъ дворянскими сужденіями:

«Вотъ, братка, якъ яны подлыгàць умѣюць,
Передъ Царо̀мъ у во̀чи на насъ плесьцй смѣюць!
Имъ гэта не смачна, ко̀стка у го̀рлѣ стане,
Якъ мужикъ отъ Цара вольнасць достане,
Што хочуць, то баюць, лгуць, якъ сами знàюць —
Вѣрыць имъ Царь сьмѣла и ласку маюць,
А мы, бѣдные, цярпѣмъ скрозь нявòлю,
Проклинаемъ жицьце своё и го̀рькую до̀лю» [1]).

Изъ такихъ взглядовъ происходило недовѣріе народа не только къ панамъ, но и къ чиновникамъ, которые плясали подъ дудку господъ и держали ихъ сторону. Это часто вело къ волненіямъ, такъ какъ крестьяне не вѣрили читаемымъ начальствомъ указамъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ видѣли несправедливое къ себѣ отношеніе, посылали ходоковъ въ Петербургъ. Иногда начальству приходилось увѣрять народъ пулями и картечью въ истинности царскихъ указовъ. Начальникъ Смоленской губерніи долженъ былъ оффиціально сознаться въ этомъ въ 1851 году. „Недовѣріе къ лицамъ, служащимъ по выборамъ дворянства, писалъ онъ, и еще меньшее довѣріе къ полиціи вынуждаетъ крестьянъ Смоленской губерніи обращаться съ жалобами на своихъ господъ въ С.-Петербургъ къ самому Государю Императору“ [2]).

---

[1]) Шейнъ, «Русская Старина», 1886 г. т. 49, стр. 674 675.
[2]) Мат. для ист. крѣп. пр., стр. 188—190.

Интересно въ этомъ отношеніи волненіе крестьянъ въ 1848 г. въ имѣніи Дружинина, въ Тверской губ. Крестьяне просили Государя черезъ двухъ ходоковъ, посланныхъ въ Петербургъ, дозволить имъ выкупиться на волю на основаніи указа 8 ноября 1847 года. По собственноручной резолюціи Государя ходоки были отправлены на родину. Посланный съ ними чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ присутствіи вице-губернатора, уѣздныхъ предводителей дворянства и земскихъ исправниковъ разъяснялъ крестьянамъ незаконность ихъ желаній выкупиться по указу 8 ноября. Крестьяне не вѣрили его разъясненіямъ и говорили, что они за помѣщикомъ Дружининымъ быть не хотятъ и повиноваться ему не станутъ, такъ какъ они дали другъ другу клятву и отъ нея не отступятъ, хотя бы пришлось имъ вытерпѣть всѣ тѣлесныя наказанія и даже подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь. Губернаторъ командировалъ въ имѣніе батальонъ воинской команды и отправился на мѣсто происшествія самъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства и жандармскимъ офицеромъ; въ то же время, по приказанію Государя, туда же былъ командированъ флигель-адъютантъ полковникъ Демидовъ. Крестьяне продолжали отказываться отъ повиновенія, несмотря на объявленную Демидовымъ высочайшую волю, не довѣряя, что онъ прибылъ отъ имени царя. Они были убѣждены, что Демидовъ присланъ былъ къ нимъ, чтобы объявить имъ волю, и намѣревались вынудить у него силою указъ о вольности. Крестьянамъ пришлось увѣриться въ истинности объясняемаго, когда Демидовъ приказалъ батальону окружить толпу и наказывать поодиночкѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ не изъявятъ покорности. Крестьяне смирились тогда, когда было наказано 54 человѣка [1]).

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 36.

Въ одной великорусской пѣснѣ крестьяне разсказываютъ о посылкѣ ходока къ царю даже по присылкѣ въ ихъ деревню эскадрона. Они удалились изъ деревни, оставивъ тамъ женъ и дѣтей, а сами рѣшили терпѣть холодъ, голодъ, позоръ семей, но добиться правды отъ царя. Въ народныхъ пѣсняхъ, поговоркахъ и пр., постоянно мелькаетъ непоколебимая вѣра народа въ царя, который лишь по невѣдѣнію и обманамъ окружающихъ не становится открыто на сторону народа. Одинъ дворовый человѣкъ помѣщика Баженова Нижегородской губ., писалъ между прочимъ въ 1826 г. въ прошеніи на имя Николая I: „просимъ Васъ, отъ господъ нельзя ли освободить, господъ всѣхъ на жалованье посадить, на насъ всю землю по душамъ раздѣлить, а потомъ просимъ, нельзя ли какъ отъ солдатства освободить“ [1]). Крестьяне села Олексиньца Волынской губерніи подавали жалобу на своего пана австрійскому королю.

Отношеніе народа къ землѣ видно изъ распространеннаго среди крестьянъ мнѣнія, что они—господскіе, а земля—ихъ. Въ этой фразѣ очень ясно выражается мысль о связи крестьянина съ землею. Въ донесеніи смоленскаго предводителя 1849 года говорится то же. „Крестьяне издавна составили себѣ убѣжденіе, обратившееся съ теченіемъ времени въ твердую увѣренность, что земля, на которой они живутъ и которою пользуются, если не собственность ихъ, то по крайней мѣрѣ общая съ помѣщиками“ [2]).

Стремленія крестьянъ освободиться отъ всякихъ отношеній къ помѣщику выражались различными путями. Въ нѣкоторыхъ волненіяхъ крестьяне выражали жела-

---

[1]) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III, ст. Снѣжневскаго, стр. 60.

[2]) Самаринъ, т. II, стр. 23.

ніе перейти въ разрядъ казенныхъ крестьянъ. Въ пѣснѣ „Разговоръ Данилы со Сьцѣпаномъ“ крестьяне такъ выражаютъ свои стремленія къ независимости отъ господъ:

«Дай намъ толька, Бо̀жа! скаренько приждаци,
Кабъ могли мы спокойна посядзѐць у ха̀ци,
Пана не бояцца и войта загà̀ду,
Бы́ло-бъ у насъ больше и добрà и ла̀ду» [1]).

„Ахъ, ты, барская душа, али нѣтъ тебѣ суда!“ восклицаетъ дворовый въ пѣснѣ, описывая свое тяжелое подневольное житье. Ненависть къ господамъ выражается въ различныхъ мѣстахъ пѣсенъ. „Бояринъ-воръ“, „злодѣй бояринъ господинъ“ и т. п. постоянно слышится въ нихъ. Въ Малороссіи все господское имущество крестьяне называли „людска кровь“ Въ одной изъ малороссійскихъ пѣсенъ пѣвецъ приглашалъ крестьянъ не пьянствовать, а бѣжать въ другія земли и начинать новую жизнь. Въ другой описывается рѣшеніе убить пана за притѣсненія. Но особенно любопытна пѣсня, въ которой крестьянинъ описываетъ свою тяжелую жизнь, заставившую его покинуть семью, бѣжать изъ родного села и начать жить свободно, занимаясь разбоемъ по дорогамъ. Здѣсь проявляется страстное желаніе свободы, заставляющее человѣка жить подъ страхомъ тяжелаго наказанія, безъ пріюта, безъ семьи, но свободно, здѣсь проявляется ненависть къ господамъ и глубокая грусть, что приходится вести бродячую жизнь безъ семьи и крова [2]).

Если бы народное недовольство изливалось лишь въ пѣсняхъ, пѣвшихся тайно отъ строгихъ господъ, то никто не обратилъ бы вниманія на него въ крѣпостное время. Но народъ проявлялъ свое недовольство и въ иныхъ формахъ. Присмотримся къ нимъ поближе.

---

[1]) Шейнъ, «Русская Старина», 1886 г. стр. 677.
[2]) Самаринъ, т. II, стр. 9.

Нужно вспомнить, какими трудностями обставлялась въ законѣ подача жалобы крѣпостными, чтобы понять значеніе приводимыхъ ниже цифръ. Мы уже видѣли, какому жестокому наказанію могъ быть подвергнутъ податель жалобы и сами крестьяне, рѣшившіеся на нее. Но, несмотря на это, жалобы учащались. За тридцати четырехлѣтній промежутокъ времени, съ 1828 по 1854 г., по свѣдѣніямъ, приводимымъ въ трудѣ В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", подано было 319 жалобъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и 33 всеподданнѣйшихъ жалобы. На каждый годъ въ среднемъ приходится по 32 жалобы, а вмѣстѣ со всеподданнѣйшими по 35-ти. А сколько жалобъ осталось безъ движенія, вслѣдствіе признанія ихъ мѣстными властями „неосновательными". Кромѣ того, этотъ перечень неполонъ. Изъ жалобъ видно, что крестьяне побуждались къ тому обременительностью оброка, барщины, жестокимъ обращеніемъ, недостаткомъ продовольствія.

Какъ ни мало было гарантій въ успѣшности жалобъ крестьянъ, какъ ни потворствовало начальство, полиція и чиновничество помѣщикамъ, тѣмъ не менѣе число имѣній, взятыхъ въ опеку, увеличивалось съ каждымъ годомъ. Въ 1838 г. въ опекѣ было 140 имѣній, въ 1840 г.—159, въ 1851 г.—200 имѣній, а въ 1852—1853 гг.—193 имѣнія. Это—имѣнія, взятыя въ опеку вслѣдствіе злоупотребленій помѣщичьей властью. Изъ перечня видно увеличеніе количества опекъ съ 1838 г. Это можетъ значить, съ одной стороны, что злоупотребленій стало больше, что крестьяне стали смѣлѣе подавать жалобы, что терпѣніе ихъ истощалось, но, скорѣе всего, здѣсь вліяло стремленіе императора Николая I къ ограниченію крѣпостного права: онъ началъ строже относиться къ злоупотребленіямъ помѣщичьей властью и стремился регулировать бытъ крестьянъ.

Другою формою протеста являлись самоубійства крестьянъ. Случаи самоубійствъ были часты. Самоубійства совершались зачастую изъ-за страха передъ наказаніемъ и послѣ жестокихъ наказаній; дѣвушки и женщины кончали съ собою часто послѣ изнасилованія. О нѣкоторыхъ случаяхъ самоубійства мнѣ уже приходилось говорить. Помѣщики жестоко наказывали за покушеніе на самоубійство. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ *его* рабочая сила, *его* собственность сама себя уничтожать? Господинъ можетъ изуродовать крѣпостного человѣка, измучить, замучить, убить, но это *его* воля лишить себя собственности. Карцовъ приказалъ крѣпостную, покусившуюся на самоубійство, приковать къ столбу. Романовичъ-Славатинскій приводитъ сравнительныя цифры смертности крѣпостныхъ до 1861 г. и послѣ реформы. Въ періодъ 1855—1860 г. самоубійствъ и скоропостижныхъ смертей было 443 (въ крѣпостное время самоубійцъ-крѣпостныхъ зачастую вписывали въ рубрику внезапныхъ смертей); въ среднемъ на каждый годъ приходилось по 74 смерти. Въ періодъ же отъ 1861—1866 года такихъ случаевъ смерти было 272, т. е., ежегодно—45,66. Слѣдовательно, уменьшеніе произошло на 28,16%, что слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать уничтоженію крѣпостного права [1]).

Къ болѣе пассивному противодѣйствію крѣпостному праву нужно отнести побѣги крѣпостныхъ. Разъ крестьянину было тяжело, онъ бѣжалъ отъ гнета помѣщичьей власти. Побѣги крѣпостныхъ происходили большею частью изъ пограничныхъ губерній, а не изъ внутреннихъ, что объясняется отчасти близостью къ границѣ и къ мѣстамъ, куда устремлялись бѣглецы. Крѣпостные бѣжали на Кавказъ, въ Новороссію, Бессарабію и за границу. Въ царствованіе Николая I случаи

[1]) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 358.

побѣговъ все учащались и учащались, доходя до громадныхъ размѣровъ. Поводомъ къ побѣгамъ на Кавказъ, въ Новороссію, Бессарабію было то, что правительство до извѣстнаго срока оставляло въ этихъ мѣстностяхъ бѣглыхъ съ выдачею вознагражденія помѣщикамъ. Въ 1832 г. обнаружились бѣглые въ большомъ количествѣ изъ Саратовской губерніи, что произошло, вѣроятно, потому, что правительство разрѣшило водворять на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря людей, пришедшихъ безъ надлежащихъ видовъ; разрѣшеніе было скоро отмѣнено. Въ 1834 г. крестьяне бѣжали изъ Воронежской губерніи цѣлыми партіями; въ 1837 году обнаружилось сильное движеніе на Кавказъ во внутреннихъ губерніяхъ и особенно опять въ Воронежской. На границахъ была даже разставлена стража изъ казацкихъ командъ, и задержано было однихъ воронежскихъ крестьянъ въ области Войска Донского около 900 человѣкъ, въ Черноморіи — около 250. Въ 1839—1840 году подавались жалобы помѣщиками Херсонской, Подольской и Волынской губ. на бѣгства крестьянъ. Дѣло дошло до того, что русское правительство вошло въ 1840 году въ соглашеніе съ австрійскимъ о задержаніи бѣглецовъ и возвращеніи ихъ въ Россію съ запрещеніемъ безпаспортнымъ русскимъ находиться въ австрійскихъ владѣніяхъ. Въ 1841 году до 1000 человѣкъ бѣжало изъ Бѣлевскаго уѣзда Могилевской губ., изъ Харьковской, Екатеринославской (по 200—250), Херсонской, Подольской и Волынской губ. Въ 1843 г. на Кавказъ бѣжало 157 человѣкъ изъ Пензенской и Тамбовской губ. по поводу распространившихся слуховъ объ отводѣ правительствомъ пустопорожнихъ земель въ Кавказской области для приписки туда всѣхъ желающихъ лицъ крѣпостного состоянія съ дарованіемъ имъ свободы [1]). Въ 1845 г. крестьяне цѣ-

[1]) Мат. для ист. крѣп. пр., стр. 103.

лыми толпами бѣжали на Кавказъ. Въ 1847 году сюда же устремились бѣглецы изъ Саратовской, Курской, Воронежской губ. (въ этомъ году правительство приглашало людей *свободныхъ* состояній селиться на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря). Крестьяне бѣжали, продавая за безцѣнокъ имущество или совершенно оставляя его, цѣлыми семьями и селеніями. Число бѣглецовъ доходило до 1,300 человѣкъ. Въ Курской губерніи готовились къ побѣгу 20,000 человѣкъ изъ 46 имѣній, но были остановлены насильственнымъ возвращеніемъ бѣглецовъ Воронежской губерніи. Кавелинъ указываетъ на движеніе массы крѣпостныхъ людей (до 90 тысячъ) изъ Могилевской и Витебской губ. „по одному слуху, что правительство даетъ свободу тѣмъ, которые будутъ работать въ теченіе опредѣленнаго времени на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ“ [1]). „Огромныя массы людей двигались изъ Саратовской, Симбирской и сопредѣльныхъ губ. въ какую-то обѣтованную страну въ Кизляръ, гдѣ будто бы раздавались земли даромъ“. Правительство запрещало бѣгство, возвращало крестьянъ помѣщикамъ, наказывало ихъ, употребляло въ дѣло войско (въ Курской губ. была сильная схватка между крестьянами и помѣщиками, при чемъ крестьяне перевязали полицейскихъ чиновниковъ), но ничто не помогало: крестьяне бѣжали цѣлыми массами. Правительству приходилось тратить людей и деньги на борьбу съ побѣгами крѣпостныхъ, а въ то же время не могло свободно происходить заселеніе пограничныхъ мѣстъ. Съ другой стороны, бѣгства раззоряли помѣщиковъ, оставляя ихъ въ нужное время безъ работниковъ; даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не было побѣговъ, помѣщики должны были считаться съ ихъ возможностью, что затрудняло правильное веденіе сельскаго хозяйства.

[1]) Кавелинъ, т. II, стр. 32.

Активное проявленіе неудовольствія крестьянъ происходило въ видѣ поджоговъ, убійствъ и наказаній помѣщиковъ и управляющихъ. Какъ видно изъ статистики преступленій, число сосланныхъ за поджоги было больше всего въ мѣстностяхъ съ густымъ сельскимъ населеніемъ. Крестьяне подвергали господъ тѣлеснымъ наказаніямъ, на что указываетъ Самаринъ, говоря, что подобные случаи особенно часто стали происходить въ послѣднее время (записка составлена въ 1854—1856 гг.). Наказанія совершались нерѣдко для острастки господина, для того, чтобы заставить выдать себѣ вольную, и т. п. Покушенія на убійства совершались часто. Въ 1836—1854 гг. всего было 75 случаевъ. Ежегодное число случаевъ колебалось отъ 1—7, въ среднемъ по 4 въ годъ. Убійствъ помѣщиковъ было съ 1835 по 1854 г. 144, въ среднемъ ежегодно по 29. Въ теченіе девяти лѣтъ (1835—1843 г.) въ Сибирь было сослано за убійство помѣщиковъ—416 человѣкъ (298 мужчинъ и 118 женщинъ) [1]). Причинами этихъ убійствъ были чаще всего крайняя требовательность помѣщиковъ, страхъ передъ наказаніемъ или месть за него; видное мѣсто въ числѣ причинъ занимаетъ также развратъ помѣщиковъ; кромѣ того, убійства и покушенія на убійство совершались при сдачѣ въ рекруты, при введеніи общественной запашки, изъ-за опасенія переселеній, послѣ насильственнаго возвращенія изъ бѣговъ, при желаніи избавиться отъ услуженія въ господскомъ домѣ, получить свободу и проч. Способы убійства были различны: удушеніе, зарѣзаніе, выстрѣлъ изъ ружья [2]). Помѣщикъ Ярославской губ. Щепочкинъ былъ ночью, во время сна взорванъ порохомъ, подложеннымъ подъ спальню дворовыми людьми [3]). Самаринъ приводитъ случай, когда крестьяне

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопр., т. II, стр. 581.
[2]) Тамъ же, стр. 584—585.
[3]) Матер. для ист. крѣп. пр., стр. 48.

замолотили (буквально) помощника управляющаго, выведенные изъ терпѣнія его притѣсненіями. Помощникъ здѣсь явился мишенью для ярости крестьянъ, такъ какъ имѣлъ несчастіе быть посланнымъ для распоряженія на барщинѣ [1]).

Важное мѣсто среди способовъ противодѣйствія крестьянъ занимаютъ крестьянскія волненія. Крестьяне, ожидая выхода вольной грамоты, волновались въ началѣ каждаго новаго царствованія. Всего въ царствованіе Николая I было 556 волненій въ 29 лѣтъ, т. е. по 19 волненій ежегодно.

Съ	1826—1829	было	41	волненіе
„	1830—1834	„	46	„
„	1835—1839	„	59	„
„	1840—1844	„	101	„
„	1845—1849	„	172	„
„	1850—1854	„	137	„

Увеличеніе идетъ правильно до сороковыхъ годовъ. Уменьшеніе въ послѣднемъ пятилѣтіи можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ это время наступила реакція въ правительственныхъ сферахъ, что отразилось и въ политикѣ по крестьянскому вопросу, такъ что слухи въ народѣ объ освобожденіи поутихли; можетъ быть, это пониженіе только кажущееся, такъ какъ число волненій въ пятилѣтіе отъ 1845—1849 г. сильно повысилось изъ-за указа 1847 г., за низведеніемъ котораго къ нулю одинъ поводъ къ волненію былъ уничтоженъ. Волненія достигали большихъ размѣровъ. Изъ 261 волненія—132 были подавлены съ помощью воинскихъ командъ, при чемъ за усмиреніемъ слѣдовала обыкновенно экзекуція. Въ остальныхъ случаяхъ крестьяне усмирялись сѣченіемъ и преданіемъ суду зачинщиковъ.

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 13.

Въ 1840 г. въ Витебской губ. въ волненіи съ буйствомъ, грабежомъ господскаго имущества, сопротивленіемъ вооруженною рукою участвовало 1000 человѣкъ. Въ 1845 г. волненія были въ 32 имѣніяхъ по 17-ти губерніямъ, при чемъ въ 10-ти случаяхъ была употреблена военная сила. Въ 1846 г. было 27 волненій въ 18-ти губерніяхъ. Въ 1847 г. были волненія въ 35 имѣніяхъ въ 22-хъ губерніяхъ. Въ 1848 г. были волненія въ 54-хъ имѣніяхъ въ 27 губерніяхъ. Двѣ трети этихъ волненій были усмирены при помощи военныхъ отрядовъ. Въ 1849 г. было также 24 волненія въ 15-ти губерніяхъ, двѣ трети крестьянъ были усмирены воинскими чинами. Въ этомъ году было волненіе въ Курской губерніи, въ которомъ приняли участіе крестьяне нѣсколькихъ имѣній въ количествѣ 10.000 человѣкъ; для усмиренія ихъ понадобилось четыре эскадрона кавалеріи. Въ 1852 г. въ Черниговской и Тамбовской губерніяхъ крестьяне оказали сопротивленіе губернатору и войску.

Причины волненій были разнообразны: Изъ 275 волненій (1836—1849; 1851—1854) 132 произошло оттого, что крестьяне или считали себя уже вольными, или домогались свободы на какомъ либо казавшемся имъ справедливомъ основаніи; въ 73-хъ случаяхъ причинами были притѣсненія, т. е. обремененіе барщиною, жестокость помѣщика или управляющаго и т. п.; въ 12-ти случаяхъ волненія возникли вслѣдствіе слуховъ о возможности освободиться отъ крѣпостного права или о предстоящемъ освобожденіи: въ 11-ти (1848 г.)—вслѣдствіе введенія инвентарей; въ 10-ти—вслѣдствіе предстоящаго или совершившагося переселенія; въ 10-ти—вслѣдствіе „подстрекательствъ"; въ 5-ти—по недостатку продовольствія и т. д. Въ этихъ волненіяхъ отразились ожиданія народа. Въ 1826 г. между крестьянами стали распространяться слухи (въ Вологодской и др.

губ.), что они будутъ взяты въ казну; въ Кіевской губ. распространялись слухи, что нужно будетъ итти истребить всѣхъ пановъ; въ Уманьщинѣ ходили слухи, что панамъ предложено сыномъ Гонты отдать всю землю крестьянамъ. Въ 1845 г. крестьяне Подольской губ. при волненіи заявили свое желаніе быть казенными. О томъ же желаніи крестьянъ заявляютъ современники.

Очень сильныя волненія были во время Крымской войны вслѣдствіе указовъ о морскомъ ополченіи 3 апрѣля 1854 г. и о народномъ ополченіи 29-го января 1855 г. Первыя движенія произошли въ Рязанской, Тамбовской, Владимірской, Нижегородской и Пензенской губерніяхъ. Толпы крестьянъ шли въ Москву для заявленія о желаніи поступить въ ополченіе. Были посланы войска для ихъ усмиренія и возвращенія на мѣсто жительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ объявилъ, что крѣпостные крестьяне не могутъ поступать въ ополченіе безъ согласія помѣщиковъ. Но слухи, что поступившіе въ ополченіе крестьяне получатъ освобожденіе, сильно распространялись въ народѣ, что особенно сильно проявилось послѣ указа 1855 г. Волненія были въ Кіевской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской, Воронежской губ. и захватили многіе уѣзды. Волненія эти были настолько сильны, что въ одну Кіевскую губернію было выслано 16 эскадроновъ кавалеріи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ и 1 дивизіонъ. Военныя команды потребовались въ девяти мѣстахъ [1]). Въ Кіевской губ., гдѣ неповиновеніе возникало въ многолюдныхъ селеніяхъ, состоящихъ отъ 10—15.000 душъ, и толпы крестьянъ до 5.000 человѣкъ собирались разомъ съ требованіемъ освобожденія отъ господскихъ работъ, въ трехъ случаяхъ при усмиреніи

---

[1]) Матеріалы для ист. упраздненія крѣп. состоянія, т. I, стр. 80—97.

бунтовавшейся толпы убито было до 36 человѣкъ и ранено 57. Въ слободѣ Масловкѣ Бобровскаго уѣзда Воронежской губ. толпа крестьянъ, человѣкъ въ 300, въ присутствіи губернатора, увидѣвъ, что предводителей ихъ приказано взять для наказанія розгами, бросилась на солдатъ съ цѣлью освободить товарищей, въ происшедшей при этомъ схваткѣ девять человѣкъ ранено (изъ нихъ пять тяжело) [1]). Крестьяне во всѣхъ этихъ случаяхъ отказывались повиноваться помѣщикамъ и желали поступить въ ополченіе, чтобы освободиться, такимъ образомъ, отъ крѣпостного права.

Вообще, крѣпостная масса все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ нетерпѣніемъ сносила рабское иго, ожидая освобожденія отъ правительства. „При современномъ состояніи крѣпостного сословія, говоритъ Самаринъ, пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ государя въ Москву (какъ это было въ 1843 г.), всякое происшествіе, почему либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ такъ же легко перейти въ бунтъ, а бунтъ развиться до общаго возстанія. Все это возможно въ каждую минуту, и никакая полиція, разумѣется добросовѣстная, не поручилась бы за одинъ день спокойствія“ [2]). Кавелинъ указываетъ, что полумирныя возстанія крѣпостныхъ принимаютъ все болѣе и болѣе обширные размѣры... Народъ сильно тяготится крѣпостною зависимостью, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ этого раздраженія можетъ вспыхнуть и разгорѣться пожаръ, послѣдствія котораго трудно предвидѣть [3]).

---

[1]) Мат. для ист. крѣп. пр., стр. 287—288.
[2]) Самаринъ, т. II, стр. 33.
[3]) Кавелинъ, т. II, стр 32—33.

Въ обществѣ была увѣренность въ возможности народнаго возстанія, правительство также находилось подъ этимъ страхомъ. Здѣсь народъ слѣдовалъ инстинктивно политикѣ систематическаго устрашенія, не позволяя правительству медлить съ отмѣною крѣпостного права. Правительство всегда могло ожидать, что народное волненіе охватитъ многія губерніи и приметъ грозные размѣры. Особенно сильное вліяніе должны были оказать волненія народа въ 1854 и 1855 гг. Они показали, что народъ усиленно ждетъ освобожденія. Во время Крымской войны правительству приходилось и думать о борьбѣ со внѣшними врагами и усмирять внутреннія волненія. Подобные случаи могли повториться. Правительство должно было находиться подъ постояннымъ страхомъ народнаго волненія, а потому должно было, побуждаемое самимъ народомъ, энергично приняться за дѣло освобожденія.

Устрашающее вліяніе имѣло противодѣйствіе крестьянъ и на дворянъ. Смоленскій дворянинъ указываетъ, что протестъ среди дворовыхъ уже въ сороковыхъ годахъ былъ настолько силенъ, что отецъ его былъ вынужденъ отдать нѣкоторыхъ изъ протестующихъ въ солдаты, а большинство отправилъ въ Петербургъ для обученія разнымъ ремесламъ [1]). Страхъ передъ убійствомъ, возстаніемъ крестьянъ уменьшалъ произволъ помѣщиковъ. Кн. Волконскій въ своей брошюрѣ говоритъ, что во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ помѣщики въ Рязанской губерніи собирались даже вмѣстѣ для выработки мѣръ воздѣйствія на крестьянъ, въ виду часто повторявшихся нападеній крестьянъ на помѣщиковъ. При волненіяхъ и побѣгахъ помѣщичье хозяйство терпѣло большіе убытки, такъ

---

[1]) «Воспоминанія... смоленскаго дворянина», Русск. Старина 1895 г., іюль, стр. 116.

какъ лишалось работниковъ иногда въ горячее время, крестьяне приходили въ раззореніе, распродавая зачастую свое имущество за безцѣнокъ, но главное зло для помѣщиковъ заключалось въ страхѣ, что подобные случаи могутъ явиться каждую минуту и нарушить всѣ ихъ хозяйственные расчеты. Къ общей зависимости сельскаго хозяйства отъ разныхъ случайностей въ крѣпостное время, такимъ образомъ, прибавлялась новая. Насколько настроеніе дворянства было возбужденнымъ, показываетъ то, что въ 1848 г. по поводу европейскихъ событій стали распространяться въ провинціи среди помѣщиковъ тревожные слухи. Говорили, что недалеко „мужики рѣжутъ помѣщиковъ, и что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и у насъ скоро начнется то же самое". Даже дѣти, говоритъ смоленскій дворянинъ, были въ томъ же уныломъ настроеніи, въ которомъ были тогда всѣ [1]). Подобное же настроеніе въ то время было и въ Петербургѣ. По мѣрѣ полученія извѣстій о ходѣ революціи на Западѣ, „настоящее представлялось какимъ-то тяжелымъ сномъ, а близкое прошедшее—отдалившимся на цѣлые годы. Всѣ ходили озабоченные, въ какомъ-то неопредѣленномъ страхѣ. Болѣе всего страшился и, можетъ статься, одинъ имѣлъ поводъ страшиться классъ помѣщиковъ передъ вѣчнымъ пугалищемъ крѣпостного нашего состоянія" [2]). „Призракъ пугачевщины, говоритъ В. И. Семевскій, вѣчно стоялъ въ глазахъ нашего дворянства и, какъ грозное memento mori, напоминалъ о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ интересахъ самихъ помѣщиковъ" [3]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) «Изъ записокъ барона Корфа», Русск. Стар. 1900 г. мартъ стр. 561—562.

[3]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 571.

На общество волненія крестьянъ вліяли также возбуждающимъ образомъ, все ближе и ближе приводя къ сознанію необходимости уничтоженія крѣпостного права. Интеллигенція могла, опираясь именно на проявленія неудовольствія самого народа, настойчивѣе указывать на необходимость реформы. „Если бы, говоритъ В. И. Семевскій, крестьяне не выражали протеста противъ крѣпостного права и пассивно, и активно, то крѣпостное право могло бы, пожалуй, просуществовать и долѣе 1861-го года“ [1]). Правительство, по инстинкту самосохраненія, не могло дожидаться пугачевщины, чтобы отмѣнить крѣпостное право.

ГЛАВА VII.

Невыгодность крѣпостного права для промышленнаго класса населенія.—Отношенія къ крѣпостному праву дворянства, интеллигенціи, правительства.—Заключеніе.

Не одно только крестьянство оказывалось заинтересованнымъ въ скорѣйшемъ уничтоженіи крѣпостного права. Вторымъ слоемъ русскаго народа, желавшимъ его паденія, былъ промышленный классъ. По мѣрѣ развитія промышленности, крѣпостной трудъ въ ея области становился менѣе и менѣе пригоднымъ. Паденіе численности дворянскихъ фабрикъ — приблизительно, съ 15% (въ 1832 г.) до 5% (въ сороковыхъ годахъ [2]),— постепенное увеличеніе числа вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ, развитіе кустарной промышленности, основанной на свободномъ трудѣ, показывали, что лишь при свободномъ трудѣ могла развиваться русская промышленность.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Кошелевъ, стр. 73.

Невыгодность принудительнаго труда въ области промышленности и стремленіе промышленниковъ освободиться отъ подневольныхъ рабочихъ сильно отразилось на судьбѣ поссессіонныхъ крестьянъ, на положеніи которыхъ поэтому необходимо нѣсколько остановиться. Этотъ разрядъ крестьянъ, приближающихся по своему положенію къ крѣпостнымъ, образовался, какъ извѣстно, въ силу указа Петра I изданнаго въ 1721 г., разрѣшившаго дворянамъ и купцамъ покупать къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ съ нѣкоторою помощью правительства. Купленные крестьяне считались не собственностью владѣльцевъ, а прикрѣпленными къ этимъ фабрикамъ и заводамъ, такъ что владѣлецъ не могъ ни продавать, закладывать и т. д. крестьянъ отдѣльно отъ заведеній, ни вообще распоряжаться такимъ имуществомъ безъ дозволенія бергъ-и мануфактуръ-коллегіи. Этотъ указъ былъ изданъ для того, чтобы обезпечить достаточнымъ числомъ наличныхъ рабочихъ обрабатывающую промышленность, создать которую такъ стремился Петръ. Самое названіе „поссессіонныхъ“ крестьяне получили лишь въ концѣ XVIII в. Кромѣ покупки крестьянъ на поссессіонномъ правѣ, этотъ классъ увеличивался путемъ прикрѣпленія крестьянъ самимъ правительствомъ къ фабрикамъ и заводамъ. Затѣмъ нерѣдко при передачѣ казеннаго завода или фабрики владѣльцу передавались приписанные къ нимъ солдаты, бродяги, преступники и пр.; по указу 1736 г. образовались такъ называемые „вѣчно-отданные мастеровые“ изъ различныхъ лицъ, работавшихъ на поссессіонныхъ фабрикахъ и заводахъ въ моментъ изданія указа, прикрѣпившаго ихъ къ мѣсту нахожденія; къ поссессіоннымъ же нужно отнести приписывавшихся иногда правительствомъ къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ бродягъ и нищихъ; наконецъ, разныя лица добровольно приписывались къ фабрикамъ.

Число поссессіонныхъ крестьянъ, по таблицѣ Тройницкаго [1]), по десятой ревизіи было 48,003 души обоего пола (23,853 чел. мужескаго пола и 25,150 чел. женскаго пола), не включая сюда поссессіонныхъ крестьянъ на горныхъ заводахъ. Часть этихъ крестьянъ занималась земледѣліемъ, а часть работала на фабрикахъ. „Повидимому, въ большинствѣ случаевъ фабричные крестьяне имѣли небольшіе надѣлы, по большей части пріусадебные участки земли, огороды, луга, сѣнокосы, лѣса. Пахотныя земли принадлежали имъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ“ [2]). Рабочіе могли употребляться только на фабричныя работы, получая за это „достаточную“ заработную плату: размѣръ этой платы, продолжительность рабочаго дня, высота уроковъ могли быть установлены фабрикантомъ, но рабочіе имѣли право обжаловать его распоряженія, и въ такихъ случаяхъ дѣло рѣшалось правительственною властью. Правительство имѣло право, по своему усмотрѣнію, устанавливать весь внутренній распорядокъ фабричныхъ работъ, опредѣлять всѣ отношенія рабочихъ ко владѣльцу; безъ его разрѣшенія фабрикантъ не имѣлъ даже права переводить рабочихъ съ одной фабрики на другую, измѣнять характеръ производства или сокращать его. Фабрикантъ имѣлъ право употреблять „домашнія наказанія“, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отправить въ Сибирь рабочаго, но съ разрѣшенія высшаго правительственнаго органа, вѣдавшаго поссессіонныя фабрики. Произволъ фабриканта былъ ограниченъ, за неисполненіе владѣльцемъ поссессіонной фабрики своихъ обязанностей фабрика отбиралась въ казну; за притѣсненія рабочихъ, за употребленіе ихъ

[1]) Тройницкій, Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи стр. 47.

[2]) Туганъ-Барановскій, Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ, стр. 113.

на другія, кромѣ фабричныхъ, работы фабриканту грозило освобожденіе рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ рабочій день продолжался 12 часовъ, но были фабрики, гдѣ рабочій день доходилъ до 17-ти и болѣе часовъ. Ночная работа не была общимъ правиломъ, но за то въ большинствѣ случаевъ употреблялся женскій и дѣтскій трудъ. Работа производилась круглый годъ за исключеніемъ праздниковъ и воскресныхъ дней. Заработная плата поссессіонныхъ крестьянъ была ниже, чѣмъ вольнонаемныхъ (иногда на $^1/_3$). Иногда (но рѣдко) платы не было, и работа производилась „братъ на брата", т. е. крестьяне работали полгода на себя, а полгода на владѣльца.

Положеніе поссессіонныхъ рабочихъ было лучше положенія вольнонаемныхъ тѣмъ, что они были увѣрены въ заработкѣ; существованіе ихъ, хотя и ужасное, было обезпечено: они не могли быть выгнаны на улицу ради выгодъ капиталиста. Сравнительно съ крѣпостными помѣщичьими, а особенно съ фабрично-заводскими рабочими ихъ положеніе было лучше, такъ какъ они имѣли законное право жаловаться на владѣльца, ихъ обязанности были опредѣлены, а владѣльцы ограничены въ своемъ правѣ наказанія рабочихъ и подчинены контролю правительственной власти.

Но тѣмъ не менѣе и здѣсь, главнымъ образомъ вслѣдствіе бюрократизма и взяточничества, господствовавшаго особенно рѣзко въ дореформенную эпоху, злоупотребленія были, что́ и вызывало довольно сильныя волненія рабочихъ. Поводы къ волненіямъ были крайне разнообразны. Такъ на одной фабрикѣ причиною волненія была работа малолѣтнихъ, такъ какъ на этой фабрикѣ десятилѣтнія дѣти работали 15—17, а лѣтомъ 14 — 16 часовъ въ сутки [1]). Вообще чаще

[1]) Туганъ-Барановскій, «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 129.

всего причинами волненій были низкая заработная плата и желаніе сравняться въ ней съ вольнонаемными, продолжительность и трудность работы, штрафы и вычеты, жестокое обращеніе, принужденіе заниматься не фабричною, а другою работою, отнятіе пахотной земли, выпаса и т. п.

Правительство должно было считаться съ этими волненіями, и они производили на него извѣстное давленіе. Фабрикантамъ же, по мѣрѣ улучшенія техники производства, расширенія рынка, необходимости сообразовать размѣръ и родъ производства съ требованіями рынка, поссессіонный трудъ дѣлался невыгоднымъ. Трудъ поссессіонныхъ крестьянъ былъ менѣе интенсивенъ, а обходился дороже вольнонаемнаго даже при меньшей заработной платѣ. Увеличивать и сокращать производство, измѣнять его сообразно съ требованіями рынка, улучшать технику производства, что потребовало бы сокращенія рабочихъ рукъ на фабрикахъ, поссессіонные владѣльцы не могли, не имѣя права безъ разрѣшенія соотвѣтственнаго правительственнаго органа раздроблять фабрику, продавать крестьянъ отъ фабрики или переводить ихъ на другую; они должны были находить работу всѣмъ своимъ рабочимъ, такъ какъ ихъ содержаніе всецѣло лежало на отвѣтственности владѣльцевъ фабрики. Введеніе машинъ затруднялось еще и тѣмъ, что онѣ требовали большей ловкости и развитія со стороны рабочихъ, поссессіонные же рабочіе не имѣли побужденія выучиваться новымъ пріемамъ работы, такъ какъ и безъ этого они имѣли право получать отъ фабриканта опредѣленную работу и содержаніе. Въ 1833 г. поссессіонный фабрикантъ Осокинъ указывалъ, что „введеніе прядильныхъ и трепальныхъ машинъ, употреблявшихся на московскихъ суконныхъ фабрикахъ, чрезвычайно удешевило бы производство; тѣмъ не менѣе, хотя у него имѣлись

тридцать три машины, готовыхъ къ употребленію, онъ можетъ пускать въ дѣйствіе не болѣе семи, такъ какъ, если бы употреблялось для работъ большее число машинъ, многіе мастеровые остались бы совсѣмъ безъ дѣла, а плату они продолжали бы получать прежнюю". Поссессіонный фабрикантъ долженъ былъ „изготовлять изъ года въ годъ въ одномъ и томъ же количествѣ одни и тѣ же продукты, хотя бы эти продукты и не спрашивались на рынкѣ. Между тѣмъ, въ Россіи въ это время возникали новыя отрасли промышленности (напр., хлопчатобумажная), измѣнялись сорта и качество продуктовъ, приготовляемыхъ на фабрикахъ, начинала совершенствоваться техника. Въ силу этихъ причинъ поссессіонная фабрика стала стѣснять фабрикантовъ" [1]). Лучшею иллюстраціею этому служитъ уменьшеніе цѣнности поссессіонныхъ фабрикъ, такъ что послѣднія съ готовыми рабочими цѣнились менѣе, нежели однѣ фабрики безъ рабочихъ. Фабрикантовъ стѣсняли также постоянныя волненія рабочихъ, нарушавшія всѣ ихъ расчеты при веденіи дѣла.

Всѣ эти затрудненія вызывали со стороны фабрикантовъ протесты и жалобы. Правительство дѣлало имъ различныя уступки, но это мало помогало. Оно стало легче дозволять поссессіоннымъ владѣльцамъ переходъ къ новому производству, но это все же было связано съ долгими проволочками. Въ 1824 г. дозволено было отпускать фабричныхъ (поссессіонныхъ) въ другія званія по просьбѣ фабриканта съ разрѣшенія комитета министровъ, съ цѣлью облегчить фабрикантамъ освобождаться отъ лишнихъ рабочихъ рукъ. Въ 1835 г. было разрѣшено отпускать поссессіонныхъ рабочихъ по паспортамъ, при чемъ оброчныя деньги шли

---

[1]) Туганъ-Барановскій, «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 146—147.

не владѣльцу, а въ пользу общественныхъ мірскихъ доходовъ, и фабрика не могла сокращать производства. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ развилось сознаніе необходимости ликвидировать поссессіонное право, такъ какъ оно лишь мѣшало развитію промышленности. Наконецъ, закономъ 1840 г., правительство рѣшительно приступило къ ликвидаціи этой категоріи крѣпостныхъ, давъ поссессіоннымъ владѣльцамъ возможность освобождать своихъ рабочихъ. Увольненіе было предоставлено усмотрѣнію фабриканта. Если дѣло шло о фабрикахъ, купленныхъ самими владѣльцами или со внесеніемъ за нихъ денегъ въ казну, послѣдняя выдавала за каждую ревизскую душу по 36 р. сер. Увольняемые рабочіе могли приписываться или въ государственные крестьяне, или въ городскія сословія. Приписывавшіеся въ государственные крестьяне переселялись на другія земли, при чемъ фабрикантъ долженъ былъ предоставлять на обзаведеніе по 50 р. ассигнаціями на душу м. п. и по 20 р. на душу ж. п., а также на перевозку по 20 р. на душу обоего пола.—Поссессіонные владѣльцы скоро начали прибѣгать къ этому средству избавиться отъ ставшаго неудобнымъ подневольнаго труда. М. И. Туганъ-Барановскій упоминаетъ объ освобожденіи крѣпостныхъ на 42 поссессіонныхъ фабрикахъ въ количествѣ болѣе 15.000 душъ м. п., но эта цифра не точна, такъ какъ дѣла по нѣкоторымъ фабрикамъ утрачены. Просьбы объ освобожденіи на основаніи закона 1840 г. поступали до самой реформы 19 февраля. Рабочіе, получая освобожденіе, неохотно переселялись на другія земли и перечислялись въ другія сословія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось даже прибѣгать къ военной силѣ, чтобы удалить рабочихъ со владѣльческихъ земель. Изъ числа освобожденныхъ по закону 1840 г. 14.441 поссессіонныхъ крестьянъ, о которыхъ имѣются

свѣдѣнія въ книгѣ М. И. Туганъ-Барановскаго, „6.329 приписались въ государственные крестьяне, изъ которыхъ 1.447 душъ м. п. переселены въ Западную Сибирь, а 4.882—надѣлено землею (отъ 3—4 дес. на душу), выкупленною отъ прежнихъ владѣльцевъ“ [1]). Остальные, бо́льшая половина (8.112), приписались въ мѣщане, и лишь небольшая часть въ купцы. Какъ показываетъ примѣръ фабричныхъ рабочихъ въ городѣ Богородскѣ, только немногіе могли выстроить себѣ дома и стать осѣдлыми, а остальная часть пошла на тѣ же фабрики, но уже въ видѣ беззащитныхъ предъ владѣльцами пролетаріевъ.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что правительство само признавало невыгоду крѣпостного труда въ области промышленности и приняло мѣры къ его ограниченію. Фабриканты стали все чаще обращаться къ вольному труду. Уже въ 1825 г. число вольнонаемныхъ въ общей массѣ рабочихъ составляло 54%. Эти рабочіе почерпались главнымъ образомъ въ средѣ крестьянъ, при чемъ помѣщичьи крестьяне преобладали надъ государственными. Помѣщичьи крестьяне предпочитались, главнымъ образомъ, въ силу большей ихъ подчиненности и благодаря тому, что фабриканты, уплачивая за помѣщичьихъ крестьянъ оброкъ помѣщику и тѣмъ самымъ закабаляя ихъ себѣ, пріобрѣтали себѣ постоянныхъ работниковъ, а это было важно въ крѣпостное время, когда было трудно найти вольнонаемныхъ рабочихъ [2]). Главное неудобство найма помѣщичьихъ крестьянъ—возможность вытребованія рабочаго помѣщикомъ во всякое время обратно въ имѣніе — правительство поспѣшило устранить. Закономъ 1835 г. было

---

[1]) Тамъ же, стр. 159.

[2]) Туганъ-Барановскій, «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 90—92.

дозволено лицамъ всѣхъ податныхъ сословій наниматься на фабрику по полученіи узаконеннаго паспорта на срокъ не свыше срока паспорта. До истеченія срока найма ни рабочій не имѣлъ права уйти съ фабрики, ни помѣщикъ или вообще начальство, выдавшее паспортъ, не имѣли права потребовать его къ себѣ обратно. Фабрикантъ же могъ прогнать рабочаго до срока „по причинѣ неисполненія имъ обязанностей или дурного поведенія“ [1]).

Какъ извѣстно, къ сороковымъ годамъ въ Россіи сильно развилась кустарная промышленность. Сильно возвысились такія промышленныя села, какъ Иваново, Павлово, Ворсма (гр. Шереметева) и нѣкоторыя другія, гдѣ капиталистами-фабрикантами являлись крѣпостные-оброчные. Зависимость отъ помѣщичьей власти, которая могла бы во всякое время раззорить крестьянина, отнять у него имущество, угнетающимъ образомъ дѣйствовала на промышленную дѣятельность такихъ крестьянъ. Поэтому для свободнаго и быстраго развитія промышленности среди населенія крѣпостное право должно было быть уничтожено.

Здѣсь должно было играть роль и другое обстоятельство. Наша обрабатывающая промышленность должна была опираться, главнымъ образомъ, на внутренній рынокъ, такъ какъ конкуррировать съ иностранною промышленностью,—далеко ушедшею въ техническихъ усовершенствованіяхъ и завоевавшею себѣ многочисленные рынки,—она не могла. Между тѣмъ, внутренній рынокъ могъ расшириться лишь при ростѣ благосостоянія массы населенія. Крѣпостное же населеніе—значительная часть цѣлаго—раззорялось все болѣе и болѣе и со своей стороны расширять рынокъ не могло; наличность крѣпостныхъ, большой дворни уменьшала на рынкѣ спросъ

[1]) Тамъ же, стр. 166—167.

на продукты обрабатывающей промышленности, такъ какъ часть потребностей удовлетворялась при помощи крѣпостного труда. Поэтому для промышленности было очень важно уничтоженіе крѣпостного права. Правительство же, заботясь о развитіи промышленности, должно было стремиться къ устраненію препятствій на пути этого развитія. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что крѣпостное право пало потому, что классъ промышленниковъ того требовалъ: для этого онъ былъ слишкомъ незначителенъ и слабъ. Если развитіе промышленности въ числѣ другихъ многихъ причинъ оказало долю вліянія на уничтоженіе крѣпостного права, то, главнымъ образомъ, потому, что содѣйствіе этому развитію лежало въ интересахъ правительства и давало лишній стимулъ къ его реформаторскимъ стремленіямъ.

Присматриваясь къ другимъ факторамъ, имѣвшимъ значеніе при отмѣнѣ крѣпостного права, необходимо отмѣтить роль дворянства. Насколько эта реформа вызывалась нуждами самихъ дворянъ, и какіе взгляды на освобожденіе циркулировали среди нихъ? Судя по тому отпору, какой встрѣчали освободительныя попытки правительства въ высшихъ слояхъ дворянства (Николай I указывалъ, что въ правительственныхъ сферахъ только Киселева онъ можетъ считать своимъ единомышленникомъ), судя по тому волненію и враждѣ, съ которыми былъ встрѣченъ помѣщиками приступъ къ реформѣ Александра II, можно было бы сказать, что отмѣна крѣпостного права была вредна для дворянъ. Но, присматриваясь къ степени развитія крѣпостного права въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и встрѣчая въ николаевское время ходатайства самихъ дворянъ объ освобожденіи крестьянъ или объ улучшеніи ихъ быта (проектъ тульскихъ дворянъ, совѣщанія въ Смоленской, Тверской, Рязанской и Петербургской губерніяхъ, проектъ Желтухина и др.) — нельзя

не усомниться въ этомъ. Нельзя говорить объ отношеніи къ крѣпостной реформѣ дворянскаго сословія въ цѣломъ. Въ средѣ его можно было встрѣтить крайне разнообразное отношеніе къ реформѣ, въ зависимости отъ различнаго экономическаго развитія, отъ степени распространенія образованія и т. п.

Присматриваясь къ самому состоянію помѣщичьихъ хозяйствъ, можно a priori сказать о разнообразныхъ отношеніяхъ къ крѣпостному праву различныхъ слоевъ дворянства.—Въ сѣверныхъ губерніяхъ преимущественно встрѣчались оброчныя имѣнія, особенно въ промысловыхъ губерніяхъ. Здѣсь земледѣліе было мало развито; главный доходъ помѣщикъ получалъ съ личности крестьянина, землею же онъ мало дорожилъ. Освобожденіе крестьянъ здѣсь не могло быть выгоднымъ, такъ какъ вмѣстѣ съ личностью крестьянина помѣщикъ лишился бы части дохода съ имѣнія. Но, въ случаѣ неминуемаго освобожденія, помѣщикамъ сѣверныхъ губерній было бы невыгодно безземельное освобожденіе, такъ какъ они не могли бы взять подъ видомъ платы за землю плату за самую личность крестьянина. Безземельное освобожденіе не только лишило бы сѣверныхъ помѣщиковъ даровыхъ работниковъ и плательщиковъ, но, не привязавъ крестьянъ къ мѣсту жительства, лишило бы ихъ, быть можетъ, и платныхъ рабочихъ. Можно было ожидать, что населеніе уйдетъ въ болѣе плодородныя и многоземельныя мѣста, такъ какъ распредѣленіе населенія по территоріи страны вслѣдствіе историческихъ причинъ, указанныхъ уже выше, было крайне неравномѣрно.—Это сознавалось современниками. Безземельное освобожденіе съ правомъ свободнаго перехода, говоритъ Кошелевъ, „раззорило бы по крайней мѣрѣ половину помѣщиковъ, т. е. почти всѣхъ имѣющихъ свои земли въ промышленныхъ губерніяхъ, ибо крестьяне, лишенные своей вѣковой осѣдлости,

ушли бы въ страны болѣе хлѣбородныя" [1]). Въ этихъ губерніяхъ, напротивъ, было бы важно земельное освобожденіе, но поставленное такъ, чтобы оно не давало крестьянину полной независимости отъ помѣщика, и чтобы въ платежахъ за землю заключалось вознагражденіе за потерю права на личный трудъ крестьянъ. Сѣвернымъ помѣщикамъ важна была возможно большая плата за землю.

Не то было въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ. Помѣщикамъ, ведшимъ денежное хозяйство, крѣпостной трудъ могъ мѣшать. Мѣсячники, какъ уже было указано выше, требовали много расходовъ на свое содержаніе. Подневольный трудъ былъ очень дорогъ, такъ какъ былъ мало интенсивенъ и затруднялъ введеніе различныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Помѣщикъ, имѣя извѣстное количество крѣпостныхъ, долженъ былъ использовать ихъ трудъ. Промышленныя предпріятія, основанныя на рабскомъ трудѣ, въ половинѣ XIX вѣка пришли къ полной несостоятельности, такъ что помѣщики бросали эти затѣи. Появленіе затяглыхъ, отпускъ по паспортамъ, ссылка, отдача въ рекруты съ цѣлью избавиться отъ лишнихъ рабочихъ силъ являлись результатомъ этого. Остающимся въ имѣніи силамъ помѣщикъ все же долженъ былъ найти работу. Вилькинсъ въ одной изъ статей разсказываетъ, что одинъ помѣщикъ въ отвѣтъ на предложеніе завести у себя молотилку, признавая ея полезность, наотрѣзъ отказался отъ предложенія. Если бы онъ завелъ у себя въ имѣніи молотильную машину, то его крѣпостнымъ женщинамъ нечего было бы дѣлать [2]). Самаринъ указываетъ далѣе на медленность распространенія въ Россіи машинъ и улучшенныхъ способовъ

[1]) Кошелевъ, стр. 96.
[2]) Самаринъ, т. II, стр. 43.

производства въ области земледѣлія. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ черезъ два, три года мѣнялась мебель въ домѣ, часто не было ни молотилки, ни вѣялки, ни сѣялки. „Усовершенствованіе сельскаго хозяйства въ Россіи есть дѣло охотниковъ, любителей, къ которому масса помѣщиковъ равнодушна именно потому, что не видитъ въ немъ ни нужды, ни денежнаго расчета“ [1]). Здѣсь интересно указаніе Самарина, что такія попытки усовершенствованія сельскаго хозяйства малочисленны, исключительны. Это вполнѣ понятно въ силу невыгодности ихъ при существованіи крѣпостного права.

Дворянское земледѣльческое хозяйство находилось какъ бы въ броженіи и къ опредѣленному сознанію о невыгодности крѣпостного права еще далеко не пришло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики начинали сознавать выгоды приложенія свободнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь еще разъ напомню о свеклосахарныхъ плантаціяхъ въ Малороссіи, гдѣ нанимались въ работники крестьяне сосѣднихъ деревень. Въ губерніяхъ южныхъ, преимущественно земледѣльческихъ, освобожденіе было бы встрѣчено безъ особенной враждебности въ нѣкоторой части дворянства, но среди помѣщиковъ-рутинеровъ и ведшихъ натуральное хозяйство приступъ къ реформѣ долженъ былъ вызывать злобу и ожесточеніе. Когда реформа была окончательно рѣшена, то помѣщики черноземныхъ губерній должны были стремиться къ безземельному освобожденію: они могли быть увѣрены, что само населеніе будетъ брать у нихъ землю въ аренду за дорогія цѣны, и что они никогда не останутся безъ рабочихъ. Цѣна выкупа земли, въ случаѣ земельнаго освобожденія, не должна была ихъ особенно интересовать, такъ какъ высокія арендныя цѣны, которыя поднялись бы при

[1]) Тамъ же, стр. 44.

наличности малоземельнаго населенія, жаждущаго сѣсть на землю и не находящаго заработка въ другихъ отрасляхъ промышленности, возмѣстили бы имъ временный убытокъ. Величину надѣла имъ было выгодно уменьшить до минимума.—Единственною общею чертою для всей массы дворянства могло быть, въ виду неизбѣжности уничтоженія крѣпостного права, сознаніе необходимости не останавливаться на полумѣрахъ, а окончательно развязать всякія обязательныя отношенія къ крестьянамъ. Здѣсь интересы какъ дворянъ, такъ и крестьянъ сходились, расходились они лишь въ условіяхъ разрыва этихъ обязательныхъ отношеній.—Изъ этого бѣглаго очерка можно видѣть то разнообразіе мнѣній и отношеній къ крѣпостному праву среди дворянъ, которое обусловливалось различіемъ экономическаго положенія различныхъ группъ.

Но еще разнообразнѣе дѣлались взгляды дворянства подъ вліяніемъ другихъ факторовъ. Хотя помѣщики южныхъ губерній въ силу своихъ экономическихъ интересовъ должны были стоять за безземельное освобожденіе крестьянъ, но, съ другой стороны, знакомство съ настроеніемъ крестьянъ и ожиданіями ихъ отъ воли, съ ихъ взглядами на землю какъ свою собственность и съ ихъ убѣжденіемъ въ невозможности безземельнаго освобожденія („волчьей“ воли, по выраженію народа), вызывало въ нихъ страхъ передъ возможностью возстанія при подобномъ освобожденіи и заставляло ихъ соглашаться на извѣстное минимальное обезпеченіе крестьянъ землею. — Задолжаніе дворянскихъ имѣній наталкивало мысль дворянъ на освобожденіе крестьянъ и облегчало дѣло освобожденія самому правительству. Въ 1843 году въ государственномъ заемномъ банкѣ и сохранныхъ казнахъ было заложено 5.575.515 душъ мужескаго пола. Въ 1852 году заложено было 5.843.735 д. м. п.; если принять цифру

всѣхъ крѣпостныхъ людей по девятой ревизіи (1851 г.) въ 10.708.856 д. м. п., то оказывается, что было заложено 54% крѣпостныхъ. Въ 1856 году на одну ревизскую душу въ заложенныхъ имѣніяхъ приходилось долгу по 69 рублей, а къ 1-му января этого года въ государственномъ заемномъ банкѣ и по опекунскимъ совѣтамъ было заложено 6.028.794 д. м. п. „Уплата процентовъ по этимъ долгамъ лежала тяжелымъ бременемъ на помѣщичьихъ хозяйствахъ и наводила многихъ дворянъ на мысль, что было бы не дурно раздѣлаться съ этими долгами, хотя бы посредствомъ освобожденія крестьянъ“ [1]).

Съ другой стороны, нельзя забывать вліянія такихъ важныхъ факторовъ, какъ распространеніе образованія и культуры среди русскаго общества въ половинѣ XIX вѣка. Въ началѣ царствованія Николая I, какъ извѣстно, московскій университетъ началъ расцвѣтать. Появилось много талантливыхъ профессоровъ, изъ которыхъ выдѣлялись Павловъ и Надеждинъ. Вліяніе университетовъ, не подвергавшихся до 1848 г. особеннымъ преслѣдованіямъ, было очень сильно. Грановскій, Кавелинъ, Мейеръ и др. профессора своими лекціями будили въ молодежи, преимущественно дворянской, умственные интересы, будили интересъ къ народному благу, гуманизировали ее. Возвращаясь въ свои медвѣжьи уголки, эти молодые люди не могли относиться къ крѣпостнымъ съ тою же холодною жестокостью. Даже преслѣдуя свои личные интересы и стремясь къ болѣе успѣшному веденію сельскаго хозяйства, они должны были наталкиваться на необходимость отмѣны крѣпостного права. Если же это были люди честные, но недѣятельные, то, возвращаясь въ деревни, они или распускали своихъ крестьянъ, или

[1]) В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ“, т. II, стр. 617.

освобождали ихъ, или давали свободу, не давая отпускной. Нерѣдко они сами раззорялись такимъ путемъ, но во всякомъ случаѣ уже однимъ своимъ „дурнымъ примѣромъ“ они благодѣтельно дѣйствовали на сосѣднихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе боялись эксплуатировать своихъ крѣпостныхъ, если въ сосѣдней деревнѣ крестьяне пользовались относительной свободой. Личности, сами по себѣ, по своему развитію, по любви къ рабочей массѣ не удовлетворявшіяся современною имъ дѣйствительностью,—въ родѣ Буташевича-Петрашевскаго, Черносвитова,—приходили къ необходимости уничтоженія крѣпостного права какъ препятствія для всѣхъ остальныхъ реформъ. На этомъ выводѣ сходились всѣ лучшіе русскіе люди того времени, въ главѣ которыхъ стояли Герценъ и Бѣлинскій.

До 1848 г. и само правительство еще проявляло интересъ къ крестьянскому вопросу. Поэтому не было и въ печати того гоненія, какое замѣчается послѣ 1848 г., когда подъ вліяніемъ революцій на западѣ настала рѣшительная реакція. Въ литературѣ, правда, въ беллетристикѣ преимущественно, проскальзывали намеки на мерзости крѣпостного права; такъ въ 1852 году были изданы „Записки охотника“, и печатались нѣкоторые разсказы Тургенева. Въ живыхъ и яркихъ образахъ представляя ужасы и язвы крѣпостного права, литература вліяла гуманизирующимъ образомъ на общество. Беллетристика, критика, распространяясь въ широкихъ кругахъ, облагораживали нравы общества, воспитывала молодежь въ ненависти къ крѣпостному праву. Объ отмѣнѣ крѣпостного права говорили постоянно славянофилы и западники; въ дѣятельности по крестьянской реформѣ заключается главнѣйшая заслуга славянофиловъ. Широкою струею разливалось вліяніе университета, литературы, науки по всѣмъ медвѣжьимъ уголкамъ Россіи въ лицѣ молодыхъ дворянъ

помѣщиковъ. Изъ этой молодежи вышло много защитниковъ отмѣны крѣпостного права. Умы подготовлялись постепенно къ открытому провозглашенію начала реформы. Интеллигенція русская, воспитанная на примѣрахъ западной исторіи, проникнутая западными идеалами, съ одной стороны, а съ другой, — видящая всѣ мрачныя стороны русской дѣйствительности, должна была съ горячею ненавистью относиться къ крѣпостному праву, лежавшему поперекъ всѣхъ реформъ, соціальныхъ и политическихъ. Конечно, нельзя называть интеллигенціею въ этомъ смыслѣ всю массу славянофиловъ и западниковъ, потому что среди нихъ могли встрѣчаться и усердные защитники помѣщичьихъ интересовъ подъ видомъ защиты интересовъ народа. Интеллигенція въ лучшемъ смыслѣ этого слова, не принадлежащая ни къ какому классу, а являющаяся защитницей интересовъ трудящейся массы въ ея цѣломъ,— эта часть русскаго образованнаго общества была до реформы и во время ея защитницею народныхъ интересовъ. Уничтоженіе крѣпостного права было въ ея глазахъ первою, главною цѣлью, на которой должны были сосредоточиваться всѣ усилія, и ради которой отодвигались на второй планъ всѣ остальныя. Отсюда взглядъ Герцена, что всякая политическая форма хороша, если только она способствуетъ соціальнымъ реформамъ. По своему умственному и нравственному вліянію интеллигенція становилась силою, которую могло призвать на свою помощь правительство, когда оно, подъ вліяніемъ неотложныхъ нуждъ и критическихъ обстоятельствъ, перешло къ прогрессивной политикѣ въ области крестьянскаго вопроса.

Какія же обстоятельства вынуждали русское правительство стремиться къ уничтоженію крѣпостного права? Государство толкали на путь реформы уже его собственныя нужды, на первомъ планѣ фискальныя.

Государственные финансы не могли окрѣпнуть при крѣпостномъ порядкѣ. Главная доля всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ Россіи шла съ крестьянскаго населенія. Между тѣмъ при томъ состояніи, въ которомъ находилось крестьянское сословіе до реформы, оно неизбѣжно шло къ постепенному обѣднѣнію и къ уменьшенію платежныхъ силъ. Съ государственныхъ крестьянъ доходы поступали довольно правильно, но, какъ указываетъ Кавелинъ, крѣпостное право и на нихъ отзывалось вредно. Для уплаты податей крестьянину нужно продавать часть сельскихъ продуктовъ или зарабатывать подати на сторонѣ. Хлѣбная торговля не могла развиваться, хлѣбныя цѣны были низки въ силу отсутствія удобныхъ путей сообщенія и въ силу крѣпостного права. Заработки также не могли развиваться при наличности подневольнаго труда въ силу его дешевизны. Все это не позволяло увеличивать налоги и не давало расти государственнымъ финансамъ.

Государство получало съ помѣщичьихъ крестьянъ лишь подушную подать, и львиная доля крестьянскихъ платежей шла въ карманъ помѣщиковъ. При низкомъ уровнѣ благосостоянія помѣщичьи крестьяне не могли много покупать на рынкѣ, довольствовались своими собственными издѣліями; слѣдовательно, и путемъ косвенныхъ налоговъ государство не могло собрать много съ помѣщичьихъ крестьянъ. Мало того, какъ видно изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ современниковъ, а также изъ приведенныхъ выше примѣровъ, самое поступленіе подушной подати, за исправный взносъ которой отвѣчали помѣщики, не было обезпечено. По мѣрѣ паденія дворянскаго землевладѣнія, задолжанія дворянскихъ имѣній, должна была расти дворянская недоимка казнѣ. О ней упоминаетъ Фантонъ-де-Веррайоне при представленіи смоленскихъ депутатовъ наслѣднику въ 1847 г. Кавелинъ въ своей запискѣ ставитъ начинавшее ощу-

щаться уменьшеніе государственныхъ доходовъ въ прямую связь съ постепенно увеличивающимся обѣдненіемъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Государство при крѣпостномъ правѣ имѣло ту выгоду, что освобождалось отъ расходовъ на управленіе и отъ заботъ о продовольствіи части народной массы. Между тѣмъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше фактовъ, помѣщики бѣжали изъ имѣній во время голодовокъ, допускали крестьянъ до нищенства, такъ что самому правительству приходилось все чаще и чаще отпускать суммы на продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ. Мало того, правительство, выдавая продовольственныя суммы на руки помѣщикамъ, не было увѣрено въ правильномъ израсходованіи ихъ, такъ какъ часто дворяне прикарманивали себѣ эти деньги, выдавая лишь ничтожную часть крестьянамъ.—Во времена Павла I помѣщики считались лучшими даровыми „полицеймейстерами", освобождая правительство отъ извѣстныхъ расходовъ. Но эти незабвенные полицеймейстеры слишкомъ хорошо доказали свою полную несостоятельность, доводя крестьянъ до частыхъ волненій, возстаній и проявленій недовольства, такъ что правительство не могло быть увѣрено въ государственномъ спокойствіи.

Крѣпостныя отношенія не допускали и развитія промышленности. Это сознавалъ еще Николай I. „Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли и промышленности" [1]), говорилъ онъ въ рѣчи смоленскимъ депутатамъ отъ дворянства, указывая, почему необходимо подумать серьезно о прекращеніи крѣпостного состоянія. Здѣсь опять-таки непосредственно замѣшаны были интересы государства. Ружья, пушки,

---

[1]) П. В. Анненковъ и его друзья. I. Письмо Бѣлинскаго къ Анненкову, стр. 599—607. Изд. 1892 г.

сукно для казенныхъ надобностей производились на фабрикахъ, основанныхъ на подневольномъ трудѣ. Правительство всячески взращивало, лелѣяло нашу промышленность, но тѣмъ не менѣе она плохо развивалась, и это въ самой значительной степени зависѣло отъ невыгодности подневольнаго труда.—Въ Крымскую войну особенно ясно проявилась непригодность и дурное качество продуктовъ, производимыхъ на фабрикахъ помощью подневольнаго труда. „Наши ружья, орудія, военные и артиллерійскіе снаряды, заготовленные на казенныхъ фабрикахъ, во многихъ случаяхъ оказывались дурного качества и не выдерживали сравненія съ иностранными. Люди спеціальные, близко знакомые съ дѣломъ, утверждаютъ, что одно только и есть средство сравняться въ этомъ отношеніи съ иностранными государствами—заказывать снаряды и оружія частнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ“ [1]). Развитіе же частныхъ фабрикъ и заводовъ возможно было лишь при наличности свободныхъ, вольнонаемныхъ рабочихъ, для чего требовалось уничтоженіе крѣпостного права. Такимъ образомъ, само правительство въ своихъ ближайшихъ нуждахъ оказывалось заинтересованнымъ въ развитіи промышленности, основанной на свободномъ трудѣ.

Въ Крымскую войну явно обнаружилась вся несостоятельность и невозможность того бюрократизма, который царствовалъ въ николаевское время. Со своими порядками Россія дошла до паденія Севастополя. Между тѣмъ переустройство арміи, судовъ и т. п. реформы управленія были такъ тѣсно связаны съ крѣпостнымъ правомъ, что невозможно было начинать одну реформу безъ другой. Крѣпостное право развращало чиновничество, пропитывало насквозь весь государственный организмъ.

---

[1]) Кавелинъ, т. II, стр. 15.

Чиновники, привыкнувъ брать взятки съ помѣщиковъ, существовать на ихъ счетъ, переносили свои привычки на все. Взяточничество, презрѣніе къ человѣческой личности, произволъ старшихъ надъ младшими существовали всюду, въ арміи, флотѣ, въ канцеляріяхъ, въ высшихъ инстанціяхъ и въ низшихъ. Никакіе законы, распоряженія, угрозы высшаго правительства не могли искоренить взяточничества чиновниковъ, когда чуть не половина населенія находилась въ рукахъ помѣщиковъ, распоряжавшихся личностью своихъ крѣпостныхъ, какъ имъ заблагоразсудится. Да и какъ чиновникъ, самъ имѣющій—законнымъ или незаконнымъ образомъ—крѣпостныхъ, могъ уважать личность подчиненнаго въ канцеляріи или правленіи, когда, придя домой, онъ безо всякаго вниманія къ личности своего слуги могъ сѣчь, бить его безнаказанно за малѣйшую провинность, женить, сослать и т. д.

Передъ правительствомъ стоялъ призракъ возможнаго повторенія пугачевщины. Это опасеніе выражали сами государи. Еще Екатерина II писала въ 1767 г. о крѣпостномъ состояніи: „Если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго наказанія (крѣпостного права),—то и противъ воли сами (крестьяне) оную (свободу) возьмутъ рано или поздно“ [1]). Николай I выразилъ ту же мысль въ рѣчи къ депутатамъ отъ смоленскаго дворянства: лишь переводъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные можетъ предупредить „крутой“ переломъ. „Лучше намъ отдать добровольно, чѣмъ допустить, чтобы отъ насъ отняли“, говорилъ онъ [2]). Александръ II уже очень ясно сказалъ въ рѣчи къ московскому дворян-

[1]) Милюковъ, «Крестьяне». Словарь Брокгауза и Ефрона, XVI А, стр. 693.

[2]) В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ“, т. II, стр. 163—165; отрывокъ изъ письма В. Г. Бѣлинскаго къ П. В. Анненкову.

ству: „Лучше, чтобы освобожденіе произошло сверху, нежели снизу".

Особенно сильное вліяніе могла оказать на правительство Крымская война. Необходимость въ критическій моментъ борьбы со внѣшнимъ врагомъ считаться съ внутренними волненіями, для усмиренія которыхъ требовались даже военныя силы, громко напоминала правительству о невозможности сохраненія крѣпостного права. Волненія эти обнаруживали внутреннюю слабость Россіи передъ внѣшними врагами, ослабляли ее, показывая, что государство въ критическія минуты своего существованія не можетъ разсчитывать на внутреннее спокойствіе. Обширность мѣстностей, захваченныхъ волненіями 1854 и 1855 гг., показала правительству, что народъ нетерпѣливо ждетъ освобожденія. Можно было ожидать еще сильнѣйшихъ волненій по окончаніи Крымской войны. Правительство понимало это, и, можетъ быть, именно Крымская война повліяла въ такомъ смыслѣ на императора Александра II, что онъ выступилъ послѣ заключенія Парижскаго мира убѣжденнымъ сторонникомъ крестьянской реформы.

Правительство много разъ приступало къ крестьянскому вопросу съ намѣреніемъ разрѣшить его тѣмъ или другимъ способомъ; встрѣчая сильную оппозицію со стороны дворянъ и высшихъ чиновныхъ лицъ, попытки эти сходили на нѣтъ. Надъ уничтоженіемъ крѣпостного права задумывалась еще Екатерина II. Она предложила въ 1766 г. С.-Петербургскому Вольно-Экономическому Обществу тему на премію: Насколько полезно для общества предоставленіе крестьянамъ правъ собственности на землю, и насколько должно простираться право собственности,—тему, возбудившую интересъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Александръ I серьезно интересовался крестьянскимъ вопросомъ. При немъ былъ даже изданъ знаменитый

указъ 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Съ твердымъ намѣреніемъ предпринять рядъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ вступилъ на престолъ Николай I. На него повліяло, можетъ быть, то обстоятельство, что въ кружкахъ декабристовъ крѣпостной вопросъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ, волновавшихъ членовъ общества. Какъ извѣстно, при Николаѣ I засѣдало девять секретныхъ комитетовъ, но всѣ они привели къ ничтожнымъ результатамъ. Николай I встрѣчалъ оппозицію даже среди приближенныхъ къ себѣ лицъ: онъ называлъ Киселева единственнымъ лицомъ, сочувствовавшимъ ему въ его освободительныхъ планахъ.—При Николаѣ I было сдѣлано много мелкихъ измѣненій и улучшеній въ положеніи крестьянъ, но они оставались по большей части мертвою буквою. Изъ мѣръ, принятыхъ имъ, наиболѣе важны въ смыслѣ ликвидаціи крѣпостного права указы 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ и 1847 г. о выкупѣ помѣщичьихъ имѣній съ публичнаго торга самими крестьянами въ тридцатидневный срокъ.

Указъ 1803 г. былъ самымъ дѣйствительнымъ, такъ какъ на основаніи его съ 1804 по 1858 г. освободилось 107.796 чел. помѣщичьихъ крестьянъ [1]).—Условія освобожденія по этому указу были трояка́го рода: 1) крестьяне получали свободу съ землею, внося господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму; 2) при увольненіи сумма разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности; 3) крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить

[1]) Милюковъ «Крестьяне», стр. 698. Словарь Брокгауза и Ефрона полутомъ 32.

оброкъ деньгами или продуктами [1]). Указъ имѣлъ ту несомнѣнно хорошую сторону, что ставилъ непремѣннымъ условіемъ земельное обезпеченіе крестьянъ при освобожденіи. Неблагопріятнымъ условіемъ для крестьянъ было требованіе подѣлить землю между крестьянами по участкамъ такъ, чтобы и по освобожденіи каждый самъ отвѣчалъ за свои повинности. Кошелевъ указываетъ, что это обстоятельство удерживало многихъ помѣщиковъ отъ освобожденія, такъ какъ этимъ раздѣломъ нарушался существующій у крестьянъ институтъ круговой поруки, который могъ служить обезпеченіемъ исправной уплаты выкупной суммы. Впрочемъ, это требованіе рѣдко исполнялось въ дѣйствительности, такъ какъ большею частью дѣлежъ земли предоставлялся самимъ крестьянамъ. Въ 1838 г. было дозволено то, что совершалось въ жизни: крестьяне могли сами производить дѣлежъ земли, если это было оговорено въ условіяхъ освобожденія. Дѣлежъ производился по числу душъ, по количеству внесеннаго каждымъ выкупа, а въ иныхъ случаяхъ было предоставлено крестьянамъ произвести раздѣлъ земли „полюбовно". Иногда встрѣчалось повтореніе передѣловъ земли пропорціонально суммѣ выкупа въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ дѣлежъ былъ произведенъ на этомъ основаніи. „Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянамъ самимъ предоставлялось произвести раздѣлъ земли, они, обыкновенно, продолжали владѣть ею на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при крѣпостномъ правѣ, т. е. съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Тамъ же, гдѣ уцѣлѣло участковое землевладѣніе, оно привело, судя по крайней мѣрѣ по наблюденіямъ въ Московской губерніи, къ печальнымъ послѣдствіямъ" [2]). По указу 1803 г. за не-

[1]) В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ". Введеніе, стр. XV–XVI.

[2]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 220—221.

исправное исполненіе своихъ обязанностей свободные хлѣбопашцы могли быть обращаемы опять въ крѣпостные. Это не улыбалось помѣщикамъ, такъ какъ съ крестьянами, привыкшими уже къ личной свободѣ, трудно было бы справляться. Поэтому помѣщики большею частью освобождали крестьянъ лишь при единовременной уплатѣ выкупной суммы, что могли исполнить лишь рѣдкіе крестьяне; въ силу этого случаи освобожденія встрѣчались рѣдко [1]). Правительство же очень рѣдко приходило на помощь крестьянамъ путемъ кредита. Нерѣдко помѣщики для устраненія риска заключали домашнее условіе и дѣлали оффиціальное лишь послѣ уплаты крестьянами полной суммы выкупа. При этомъ нерѣдко происходили злоупотребленія. Иногда помѣщикъ, заключившій домашнее условіе, умиралъ, а наслѣдники ничего не желали знать про заключенное условіе.—Препятствовало дѣйствію указа 1803 г. множество инстанцій, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе освобожденія. Это было необходимо, такъ какъ условія могли быть невыгодными для крестьянъ, но за то помѣщики могли останавливаться передъ массою формальностей. Иногда дѣло объ освобожденіи тянулось нѣсколько лѣтъ. Крестьянъ освобождали на условіяхъ крайне разнообразныхъ, начиная съ полнаго выкупа съ единовременною уплатою или съ разсрочкою платежа на извѣстное число лѣтъ и кончая вѣчнымъ обязательствомъ передъ различными учрежденіями, большею частью, благотворительными. Безъ всякой платы крестьяне были освобождены при Николаѣ I лишь въ 9-ти случаяхъ изъ 250-ти, а при Александрѣ I—въ 17-ти изъ 160.

По указу 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ было освобождено крѣпостныхъ менѣе, чѣмъ по указу 1803 г.,

---

[1]) Кошелевъ, стр. 102—105.

а именно по десятой ревизіи ихъ числилось 59.998 д. обоего пола (изъ нихъ 29.748 д. м. п.). Въ силу этого указа по добровольному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ послѣдніе могли сохранять принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, крестьяне же получали отъ господина участки земли въ пользованіе за условленныя повинности, которыя могли быть опредѣлены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обрабатываніемъ помѣщичьей земли или другою работою. Помѣщикъ сохранялъ право на вотчинный судъ, расправу и наблюденіе за сельскою полиціею. Заботы о продовольствіи и вспомоществованіи въ несчастныхъ случаяхъ падали на собственныя средства обязанныхъ крестьянъ подъ наблюденіемъ помѣщика, который могъ и эту обязанность передать правительству. Въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ было запрещено увольнять крестьянъ въ обязанные по духовному завѣщанію [1].— Ничтожное количество освобожденныхъ по этому указу объясняется въ значительной мѣрѣ неопредѣленностью въ условіяхъ освобожденія. Кошелевъ въ одной изъ своихъ записокъ по крѣпостному праву указываетъ на недостатки указа. Главный недостатокъ—его половинчатость. Желаютъ уничтожить крѣпостное право и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ его. Крестьяне не могли считать крѣпостное право уничтоженнымъ при сохраненіи барщины и вотчинной власти помѣщика; они не освобождались даже отъ тѣлесныхъ наказаній по волѣ помѣщика. Крестьяне какъ будто освобождены и вмѣстѣ съ тѣмъ остаются прикрѣпленными къ землѣ, и не къ своей, а къ чужой, они видятъ въ землевладѣльцѣ своего судью, исправника и чуть-чуть не прежняго

[1]) Матеріалы для исторіи упразд. крѣп. состоянія, т. II, стр. 117

своего помѣщика. Крестьянинъ имѣлъ право жалобы на помѣщика, но при матеріальной силѣ и власти помѣщика, при подкупности чиновниковъ ему слишкомъ трудно было бы добиться правды. Съ другой стороны, „помѣщикъ, лишаясь части своихъ прежнихъ правъ и долженствуя уважать постановленныя ограниченія его власти, сохраняетъ преимущество судить и наказывать, но при неисполненіи договора крестьянами имѣетъ жаловаться полиціи и, съ неубраннымъ хлѣбомъ и незасѣянными полями, ожидать отъ нея должнаго удовлетворенія“ [1]). Даже исходъ дѣла въ пользу помѣщика не облегчалъ его положенія при обыкновенно долгомъ веденіи дѣла, такъ какъ ему нужна немедленно работа крестьянина, чтобы не потерпѣть убытка; описать же имущество крестьянина—это значитъ раззорить его, а отсюда пойдетъ необезпеченность крестьянскихъ платежей. Нужно замѣтить, кромѣ того, что *добровольно* (чего требовалъ указъ 1842 г.) лишить себя крѣпостного труда согласились бы очень немногіе помѣщики даже при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ освобожденія.

По указу 8 ноября 1847 г., позволившему крѣпостнымъ выкупаться при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, выкупилось лишь ничтожное количество крестьянъ, а именно 964 души мужескаго пола. Крестьяне могли выкупаться путемъ взноса состоявшейся на торгахъ цѣны или полной оцѣночной суммы въ теченіе тридцати дней со времени выслушанія ими о томъ объявленія. Казна при этомъ не открывала крестьянамъ никакого кредита. Естественно, что крестьяне, желая выкупиться, продавали послѣднее имущество, раззорялись, закабаляли себя напередъ купцамъ и другимъ лицамъ, дававшимъ имъ взаймы, лишь бы выйти на свободу.

---

[1]) Кошелевъ, Записки, стр. 99.

Если же имъ не удавалось собрать денегъ къ сроку, то они просили отсрочки, просили у казны пособій на выкупъ, а отказы вызывали у нихъ раздраженіе и волненія. Помѣщики, покупавшіе такія имѣнія, встрѣчались очень враждебно, и имъ зачастую не желали подчиняться. Безпорядки по поводу этого указа были въ 14-ти губерніяхъ, и въ трехъ случаяхъ потребовалась военная сила. Дворянство относилось очень враждебно къ указу, роптало, говоря, что крестьяне нарочно перестанутъ исполнять повинности, чтобы раззорить помѣщиковъ и вызвать продажу имѣнія съ публичнаго торга.—Правительство негласно отмѣнило дѣйствіе указа въ 1849 г., полученіе крестьянами продающихся съ торговъ имѣній было поставлено въ зависимость отъ согласія помѣщика освободить ихъ на основаніи указа 1803 г., внеся всю сумму долга или переведя послѣдній на крестьянъ. Однако, выкупы на основаніи указа 1847 г. продолжались до 1852 г. включительно. Этотъ указъ былъ бы полезенъ, если бы государство открыло кредитъ крестьянамъ, желающимъ выкупиться. Онъ важенъ тѣмъ, что признавалъ землю за крестьянами и оговаривалъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія при переходѣ земли въ собственность крестьянъ. Эти двѣ основы крестьянской реформы получили, стало быть, право гражданства въ правительственныхъ сферахъ.

Были и другіе способы сокращенія массы крѣпостныхъ. Укажу ихъ вкратцѣ. Въ царствованіе Николая I въ великороссійскихъ губерніяхъ, съ 1838 по 1855 г., было куплено въ казну 54,349 д. м. п.; всѣ крѣпостные, взятые въ рекруты, дѣлались свободными; крестьяне, высланные и отчужденные въ казну, поступали въ сословіе государственныхъ крестьянъ; извѣстное число крѣпостныхъ освободилось по отдѣльнымъ отпускнымъ; правительство оставляло иногда на мѣстѣ поселенія

бѣглыхъ крѣпостныхъ (въ Новороссіи, Бессарабіи и Закубаньѣ), вознаграждая помѣщиковъ опредѣленною суммою; не мало имѣній было конфисковано въ западныхъ губерніяхъ послѣ польскаго возстанія 1831 г. Въ силу всѣхъ этихъ мѣръ количество крѣпостныхъ постепенно уменьшалось [1]).

По 5 рев.	(1794—96)	въ Евр. Рос., Сиб. и Оста. краѣ	было	9.889,680 д.
» 6 »	(1811)	» » » » »	»	10.416,813 »
» 8 »	(1835)	» » (освоб. въ Оста. краѣ 416,013 д. м. п.)	было	10.872,229 »
» 9 »	(1851)	» » » » »	»	10.708,856 »
» 10 »	(1859)	» » » » »	»	10.696,136 »

Эта медленность въ уменьшеніи количества крѣпостныхъ показывала, что мѣры, существующія и принимаемыя правительствомъ для ликвидаціи крѣпостного права, были слишкомъ недостаточны.

Сводя вмѣстѣ вышеизложенное, мы видимъ, что невозможно говорить объ единомъ факторѣ, подготовившемъ паденіе крѣпостного права. Народъ лишь пугалъ призракомъ пугачевщины и какъ бы подгонялъ и вызывалъ освободительное движеніе. Дворянство представляло слишкомъ разношерстную массу; у него были слишкомъ разнообразные интересы, чтобы говорить о вліяніи дворянства какъ класса въ освободительномъ движеніи. Наши промышленные капиталисты, конечно, желали освобожденія, но эта группа была слишкомъ незначительна, слаба, чтобы оказывать подавляющее, главнѣйшее вліяніе на правительство, хотя, конечно, такое вліяніе отчасти и было. Интеллигенція, хотя страстно желала освобожденія, но въ силу отсутствія свободы не могла имѣть сильнаго вліянія на правительственную власть. Этихъ причинъ было недостаточно не только для того, чтобы произвести самую

[1]) В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II. стр. 570.

крестьянскую реформу, но и чтобы побудить правительство приступить къ реформѣ. Хотя само правительство было заинтересовано въ уничтоженіи крѣпостного права, но оно приступало къ его ликвидаціи робко, несмѣло. Необходимъ былъ какой либо сильный толчокъ, который могъ бы вызвать рѣшительный шагъ правительства, которое, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, было единственнымъ активнымъ элементомъ въ государствѣ, могущимъ начать реформу.—Такимъ толчкомъ, заставившимъ правительство выступить съ энергичными мѣропріятіями, послужила Крымская война. Россія должна была сознаться въ собственномъ безсиліи передъ иностранными державами и заключить позорный Парижскій миръ главнымъ образомъ вслѣдствіе своихъ внутреннихъ непорядковъ. Наше оружіе, приготовленное на казенныхъ заводахъ, было никуда негодно, пути сообщенія плохи, въ войскахъ свирѣпствовали эпидеміи вслѣдствіе недостатка продовольствія и врачебной помощи, такъ какъ взяточничество и недобросовѣстность господствовали отъ низшихъ сферъ до высшихъ; финансы были истощены; торговля была парализована; внутри Россіи крѣпостные волновались, желая получить свободу вступленіемъ въ ополченіе. Правительство должно было послѣ войны принять мѣры для улучшенія порядка управленія, для реорганизаціи суда, арміи, для поднятія экономическаго благосостоянія народа, чтобы получить возможность занять прежнее мѣсто въ ряду европейскихъ державъ и не притти къ полному банкротству. Это заставило приступить къ радикальнымъ реформамъ.

Т А В Л И

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество крестьянъ.	Т Я		
			Оброчныя.	Смѣшанныя.	Издѣльныя.
Владимірская . . .	390	147.700	53.913½	14.450	5.884¼
Ярославская . . .	474	114.790	37.206½	16.490¾	5.196¾
Костромская . . .	508	142.474	40.836¼	19.377½	7.138
Олонецкая	164	2.097	428½	484½	117
Московская	593	171.921	53.298¼	11.977½	15.943½
Вологодская. . . .	167	41.185	11.415¼	2.893½	3.263¾
Нижегородская . .	506	186.252	37.837¾	24.798	21.195
Тверская	690	175.828	26.813¼	27.702¾	25.176
Новгородская . . .	373	90.583	11.140¾	14.773¾	13.499½
С.-Петербургская .	161	46.197	7.680¾	5.230¾	6.941¾
Калужская	511	165.008	31.757½	10.252½	29.378½
Воронежская . . .	373	148.582	45.663½	7.709	37.161
Рязанская	670	183,705	26.673½	7.668	37.232
Смоленская. . . .	608	180.745	15.032¾	14.273½	52.209½
Псковская	408	99.445	16.648½	1.194	34.680
Тульская	250	205.590	14.176½	7.096	56.097¼
Орловская	705	191.897	9.055¾	10.530¾	54.928½
Тамбовская	798	238.514	9.618½	10.579	68.704½
Пензенская	465	167.560	7.010½	4.316½	49.281
Курская	611	183.108	7.348¾	2.419½	48.845

А № 1.

Г Л А.						
Всего.	% оброчныхъ.	% сѣнныхъ.	% издѣльныхъ.	% оброчныхъ и сѣнныхъ.	% издѣльныхъ и сѣнныхъ.	Количество душъ, приходящихся на 1 тягло.
74.247 3/4	72,61	19,46	7,93	91,53	8,47	1,99
58.894	63,17	28,00	8,83	90,87	9,13	1,95
67.351 3/4	60,63	28,77	10,60	89,13	10,87	2,11
1.130	41,60	47,04	11,36	88,64	11,36	2,03
81.219 1/4	65,62	14,75	19,63	80,27	19,73	2,12
17.572 1/2	64.96	16,47	18,57	80,04	19,96	2 34
83.830 3/4	45,14	29,58	25,28	74,38	25,62	2,21
79.692	33,65	34,76	31,59	68,25	31,75	2,21
39.414	28,27	37,48	34,25	65,14	34,86	2,30
19.853 1/4	38,69	26,35	34,96	63,14	36,86	2,33
71.388 1/2	44,49	14,36	41,15	58,79	41,21	2,31
90.533 1/2	50,44	8,52	41,04	58,76	41,24	2,62
71.573 1/2	37,27	10,71	52,02	47,98	52,02	2,56
81.515 3/4	18.44	17,51	64,05	33,89	66,11	2,22
52.522 1/2	31,70	2 .7	66,03	32,81	67,19	1,89
77.369 3/4	18,33	9,17	72,50	27,23	72,77	2,65
74.515	12,15	14 13	73,72	25,88	74,12	2,57
88.902	10,82	11,90	77,28	21,60	78,40	2,68
60.608	11,57	7,12	81,31	18,52	81,48	2,76
58.613 1/4	12,54	4,13	83,33	16,67	83,33	3,14

Т А Б Л И

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество въ нихъ крестьянъ, надѣленныхъ землею.	Удобной земли.	Неудобной.	Всей земли на 1 душу.	Удобной земли на 1 душу.	Удобной земли.	Неудобной.
Владимірская . . .	399	154.742	577.042,87	13.714,11	3,81	3,72	543.155,47	33.473,50
Вологодская. . . .	200	49.598	430.731,76	9.841,58	8,88	8,68	273.482,00	2.903,78
Воронежская . . .	373	199.470	600.582,12	3.952,74	3,03	3,02	805.476,41	88.994,73
Калужская	488	155.920	526.757,47	1.236,27	3,39	3,38	463.426,26	35.346,91
Костромская . . .	526	151.301	885.666,00	10.655,32	5,92	5,85	1.220.041,87	33.058,68
Курская	623	216.987	538.798,52	818,14	2,49	2,48	675.808,29	11.277,53
Московская	595	174.239	498.453,11		—	2,86	—	
Новгородская . . .	285	73.125	629.030,66		—	8,61	843.119,20	
Нижегородская . .	542	224.329	859.128,76	12.060,84	3,88	3,83	730.447,32	38.172,79
Олонецкая	12	1.516	11.581,53	201,00	7,77	7,64	82.985,14	580,00
Орловская	720	203.945	7. 4.336,44		—	3,50	857.101,41	
Пензенская. . . .	522	190.646	617.690,49		—	3,24	771.283,56	
Петербургская. . .	167	46.758	299.365,13	22.924,78	6,89	6,40	380.410,17	65.915,32
Псковская	446	113.334	571.070,00	34.381,15	5,34	5,04	899.704,60	41.398,64
Рязанская	681	188.235	518.563,47	1.682,84	2,74	2,74	567.488,02	56.980.40
Смоленская	518	139.430	738.189,48	26.155,59	5,48	5,29	838.678,83	45.903,93
Тамбовская	765	232.423	669.539,95	429,04	2,88	2,88	1.064.828,78	82.975,03
Тверская	495	115.730	610.619,86	13.519,04	5,27	4,41	466.882,42	20.152,76
Тульская	278	215.049	619.352,64	2.633,42	2,89	2,88	604.327,28	7.236,65
Ярославская. . . .	577	150.871	709.008,84	12.533,45	4,78	4,70	431.452,20	9

Ц А № 2

Въ томъ числѣ лѣсу	Удобной безъ лѣсу десятинъ.	% всей удобной земли		% всей удобной земли безъ лѣсу.		Количество имѣній.	Количество пахотной земли.	Пахотной земли на 1 душу.
		у крестьянъ.	у помѣщиковъ.	у крестьянъ.	у помѣщиковъ.	Количество въ нихъ крестьянъ.		
394.547,19	148.608,28	51,51	48,49	79,52	20,48	—	—	—
117.170,23	156.311,77	61,17	38,83	73,37	26,63	—	—	—
101.882,27	703.594,14	42,71	57.29	46,05	53,95	—	—	—
297.239,93	166.186,33	53,30	46,70	76,02	23,98	481 / 154.501	402.282,02	2,60
335.327,68	884.714,19	42,06	57,94	50,02	49,98	—	—	—
74.289,56	601.518,73	44,36	55,64	47,25	52,75	623 / 216.987	434.994,89	2,09
—	—	—	—	—	—	595 / 174.239	284.569,25	1,63
39.610,99	303.508,21	42,73	57,27	67,45	32,55	—	—	—
04.795,85	225.651,47	54,05	45,95	79,20	20,80	542 / 224.329	634.895,61	2,83
76.915,80	6.069,34	12,25	87,75	65,61	34,39	11 / 1.390	2.592,79	1,87
20.794,64	836.306,77	45,46	54,54	46,67	53,33	—	—	—
10.054,13	461.229,43	44,47	55,53	57,25	42,75	—	—	—
03.990,54	76.419,63	44,04	55,96	79,66	20,34	—	—	—
33.809,71	265.894,89	38,83	61,17	68,24	31,76	—	—	—
57.691,59	309.796,43	47,74	52,26	52,60	47,40	—	—	—
43.058,67	295.620,16	46,81	53,19	71,41	28,59	—	—	—
15.810,62	749.018,16	38,60	61,40	47,20	52,80	—	—	—
36.335,87	180.546,55	56,67	43,33	77,18	22,82	405 / 115.592	262.147,72	2,21
32.875,16	571.452,12	50,61	49,39	52,00	48,00	185 / 177.055	413.177,30	2,33
45.623,97	185.828,23	62,17	37,83	79,23	20,77	365 / 97.940	226.392,85	2,31

ТАБЛИЦА № 3.

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество тяголъ.	Сумма оброка взимаемаго съ нихъ.	Средній оброкъ съ тягла.
С.-Петербургская. . .	38	3.601¼	98.171 р. 40 к.	27 р. 26 к.
Тульская.	124	5.774	134.978 „ 84 „	23 „ 38 „
Орловская	66	5.608	124.179 „ 32 „	22 „ 14 „
Пензенская	104	5.920¾	118.612 „ 66 „	20 „ 3 „
Ярославская	231	30.263¾	606.019 „ 76 „	20 „ 2 „
Калужская	267	26.226	518.443 „ 39 „	19 „ 77 „
Тамбовская.	103	6.811¾	134.542 „ 96 „	19 „ 75 „
Новгородская.	114	7.033	137.473 „ 8 „	19 „ 55 „
Псковская	151	11.488	224.645 „ 79 „	19 „ 55 „
Костромская	289	32.415½	628.867 „ 14 „	19 „ 40 „
Рязанская	199	24.245¼	469.118 „ 98 „	19 „ 35 „
Нижегородская. . . .	186	30.319½	568.807 „ 52 „	18 „ 76 „
Воронежская.	68	45.055	831.904 „ 42 „	18 „ 46 „
Вологодская	98	8.487	151.351 „ 43 „	17 „ 83 „
Московская	116	16.350¾	288.984 „ 45 „	17 „ 67 „
Тверская	183	17.410	305.254 „ 19 „	17 „ 53 „
Владимірская.	181	38.422	663.754 „ 60 „	17 „ 27 „
Смоленская	133	11.329	190.594 „ 54 „	16 „ 82 „
Курская	45	2.574	40.152 „ 66 „	15 „ 60 „
Олонецкая.	4	168	2.103 „ — „	12 „ 51 „

ТАВЛИЦА № 4.

ГУБЕРНІИ	Количество имѣній.	Количество крестьянъ.	Количество дворовыхъ	% дворовыхъ	% дв. и кр. на двор. под. и т. п.	Количество кр. и двор. во всѣхъ имѣніяхъ (по Тройницкому).	% кр. и двор. помѣщен. въ „Изложеніяхъ". по отнош. къ общ. числу ихъ.
Курская. . . .	630	220.133	23.436	9,62	9,62	349.003	66,79
Орловская . . .	720	208.052	18.370	8,11	8,18	350.750	64 55
Тамбовская . .	811	245.745	20.136	7,57	7,88	370.664	71,74
Воронежская . .	382	202.152	14.296	6,60	9 52	258,034	83,88
Тульская. . . .	279	217.002	13.939	6,03	6,66	396.603	58.23
Пензенская. . .	522	190.646	10.536	5,24	5,70	267.732	84,57
Рязанская . . .	688	190.516	9.969	4,97	5,22	392.080	51,13
Новгородская. .	387	94.982	4.170	4,21	5,77	200.467	49 44
Тверская. . . .	724	197.583	8.286	4,19	5,67	361.702	56.92
Смоленская . .	623	196.435	8.470	4,13	4,13	367.115	55,81
Калужская . . .	525	167.884	6.538	3,75	3.76	284.624	61,28
Псковская . . .	446	113.404	4.392	3,73	4,76	184.538	63,83
Ярославская . .	548	151.650	5.222	3,33	3,33	257.296	60,97
С.-Петербургск.	173	48.927	1.613	3,19	3,19	122.450	41,26
Московская . .	611	181.051	5.447	2 92	2,92	298.019	62,58
Вологодская . .	202	49.676	1.478	2,89	4,22	102.805	49,71
Костромская. .	528	157.233	4.339	2,68	2,70	292.589	55,22
Владимірская. .	400	156.585	3.285	2,05	2,05	326.695	48,93
Нижегородская.	546	232.187	4.755	2,01	2,01	347.392	68,20
Олонецкая . . .	16	2.100	41	1,91	1,95	5.411	39,57

Списокъ источниковъ и пособій.

1) **Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ. Извлеченія изъ описаній имѣній по великороссійскимъ губерніямъ. Т. I—V.**

2) **Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Тт. III, VI, XV и XVI. С.-Петербургъ, 1860 г.**

3) **Тройницкій.** „Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи". С.-Петербургъ, 1861 г.

4) **Матеріалы для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи.** Извлеченіе изъ секретныхъ отчетовъ мин. внутр. дѣлъ за 1836—56 гг.

5) **Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія** помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II. Тт. I—II. Берлинъ, 1861 г.

6) **Ю. Янсонъ.** „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ". С.-Петербургъ, 1881 г.

7) **Скребицкій.** „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II". Тт. I, II, III. Боннъ на Рейнѣ, 1862 г.

8) **А. Гакстгаузенъ.** „Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи". Т. I, Москва, 1869 г.

9) **Baron Auguste de Haxthausen.** „Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie" Vv. II и III. Berlin, 1853 г.

10) **Романовичъ-Славатинскій.** „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права". СПБ., 1870 г.

11) **Заблоцкій-Десятовскій.** „Графъ Киселевъ и его время". Т. IV. С.-Петербургъ, 1882 г.

12) **Самаринъ.** Сочиненія, т. II.

13) **Кавелинъ.** Сочиненія, т. II.

14) **А. И. Кошелевъ.** „Записки", Берлинъ, 1884 г. (Въ приложеніи: „Записка по уничтоженію крѣпостного состоянія въ Россіи").

15) **В. И. Семевскій.** „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II". Т. I. С.-Петербургъ, 1881 г.

16) **В. И. Семевскій.** „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка". Тт. I—II. СПБ., 1888 г.

17) **В. И. Семевскій.** „Крестьянскій вопросъ въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова". Сборникъ Правовѣдѣнія и Общественныхъ Знаній". т. I.

18) **Кн. Н. Волконскій.** „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ". Рязань, 1898 г.

19) **П. Б. Струве.** „Основные моменты въ развитіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ", Міръ Божій, 1899 г., кн. 10—12.

20) П. Б. Струве. „Попытки артельныхъ организацій". „Начало", 1899 г. №№ 1—2.
21) П. Милюковъ. „Крестьяне". Энциклопедическій словарь, т. XVI, А. Изданіе Брокгауза и Ефрона.
22) А. Семеновъ. „Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 г.". С.-Петербургъ, 1859 г.
23) Ст. О. Гулишамбаровъ. „Всемірная торговля въ XIX вѣкѣ и участіе въ ней Россіи". С.-Петербургъ, 1898 г.
24) Туганъ-Барановскій. „Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ".
25) Воспоминанія декабриста Бѣляева о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г. „Русск. Стар.", 1886 г., февраль.
26) Воспоминанія, мысли и признанія доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина. „Русск. Стар.", 1895 г., май, іюль, сентябрь.
27) Воспоминанія крѣпостного. Опубликовано Н. Щербанемъ, „Русск. Вѣстникъ", 1877 г., кн. 7 и 9.
28) Делярю. „Эпизодъ изъ крѣпостного права". „Русск. Архивъ". 1884 г. № 4.
29) Н. Демидовъ. „Историческій очеркъ Васильсурскаго уѣзда Нижегородской губ.", Н. Новгородъ, 1884 г.
30) Дубасовъ. „Къ исторіи крестьянской реформы". „Еженедѣльное Новое Время", 1880 г. № 53.
31) Житова. „Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева". „Вѣстникъ Европы", 1884 г., ноябрь.
32) Записки Л. П. Никулиной-Косицкой. „Русск. Стар.", 1880 т. 21.
33) Записки сельскаго священника. „Русск. Стар.", 1880 г., т. 27.
34) Колонтаева. „Воспоминанія о селѣ Спасскомъ". „Историческій Вѣстникъ", 1885 г., № 10.
35) «Н. И. Костомаровъ». „Русск. Стар.", 1886 г., январь.
36) Ек. Лѣткова. „Крѣпостная интеллигенція". „Отеч. Зап.", 1883 г., кн. 11.
37) А. Любавскій. „Русскіе уголовные процессы". СПБ., 1866 г.
38) М. К. Николаева. „Деревня въ старину". „Сѣв. Вѣстникъ", 1891 г., № 6.
39) Носовичъ. „Крестьянская реформа".
40) Обозрѣніе Кіевской, Волынской и Подольской губ. 1838—1850 г. „Русскій Архивъ", 1884 г., т. III.
41) А. Д. Повалишинъ. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные". Труды Ряз. Арх. Уч. Комиссіи. 1895 г., т. X, вып. I.
42) А. Д. Повалишинъ. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные (условія нормальнаго помѣщичьяго хозяйства)". Труды Ряз. Арх. Уч. Комиссіи, 1899 г., т. XIV, выпускъ 1.
43) А. Д. Повалишинъ. „Очерки крѣпостного права. Жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крѣпостными". Труды Ряз. Арх. Уч. Комиссіи, 1896 г., т. XI, выпускъ II.
44) Процессъ крестьянъ села Лютаригъ графа А. В. Бобринскаго, обвинявшихся въ сопротивленіи должностнымъ ли-

цамъ". „Юридич. Вѣстникъ", 1881 г., № 2. Хроника уголовнаго суда.

45) Приказъ помѣщицы Черниковой о выборѣ рекрут. Орелъ, 1817 г. „Русск. Стар." 1896 г., іюль.

46) Н. Рамазановъ. „Василій Андреевичъ Тропининъ". „Русскій Вѣстникъ", 1861 г., кн. 11.

47) Фонъ-Риттеръ. „Отзвуки минувшаго". Москва, 1895 г.

48) Н. Рѣшетовъ. „Дѣла давно минувшихъ дней". „Русскій Архивъ", 1885 г., т. II, 1886 г., т. I.

49) Н. Рѣшетовъ. „Эпизоды при введеніи положенія 19-го февраля 1861 г.", „Русскій Архивъ", 1885 г. кн. 10—12.

50) С. «Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ». Устои, 1882 г.

51) Н. П. Семеновъ. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II". С.-Петербургъ, 1894 г.

52) В. И. Снѣжневскій. „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ", Нижегородскій сборникъ, издаваемый нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ подъ редакціей А. С. Гацискаго. Т. X, Н. Новгородъ, 1890 г.

53) Снѣжневскій. „Крѣпостные крестьяне и помѣщики нижегородской губ. наканунѣ реформы 19-го февраля и первые годы послѣ нея". Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ статей и документовъ, т. III.

54) Сообщеніе Красильникова. „Русск. Архивъ", 1873 г., № 4.

55) Страничка изъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. „Русск. Стар.", 1895 г. мартъ.

56) Д. Столыпинъ. „Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостного права", „Русск. Архивъ", 1874 г., тетрадь 5-я.

57) Г. А. Тепловъ. „Опытъ улучшенія быта крестьянъ" М., 1870 г.

58) Н. М. Толстой. „Дворовые люди въ старые годы". „Отеч. Зап.", 1860 г. № 1.

59) Шейнъ. „Пѣсни". „Русск. Стар.", 1886 г., мартъ.

60) Н. Шиповъ. „Исторія моей жизни и моихъ странствій". Разсказъ бывшаго крѣпостного крестьянина Николая Шипова. „Русск. Стар.", 1881 г., тт. 31 и 32.

61) В. А. Шомпулевъ. „Мнимоумершій". „Русск. Стар.", 1898 г. май.

62) В. А. Шомпулевъ. „Провинціальные типы 40-хъ годовъ". „Русск. Стар." 1898 г., августъ.

63) „Изъ записокъ барона Корфа", „Русск. Стар." 1900 г., мартъ.

64) Джаншіевъ. „Эпоха великихъ реформъ". Изд. 7-е.

Р.

Кошкаровъ, Финансы за пост.-крѣпостн. время

Рожковъ, Народ. и деревня

Шимкевичъ, В. Наслѣдственность и попытки ея объясненія. Ц. 1 р.
Овелакъ, Аб. Лингвистика. Пер. съ франц. Ц. 2 р.
Спиноза, Б. Этика. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 50 к.
Гюйо, Л. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Ц. 2 р. 50 к.
Фриманъ, Э. Сравнительная политика и единство исторіи. Ц. 2 р. 50 к.
Исторія и теорія статистики. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ дополн. проф. Янсона. Ц. 2 р.
Дарестъ, Р. Изслѣдованія по исторіи права. Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Зайцевъ, В. Древняя исторія Востока. Ц. 2 р. Его-же. Древняя исторія Запада. Т. I. Эллинская эпоха. Ц. 4 р.
Джеббъ, Р. Гомеръ. (Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Ц. 1 р. 50 к.
Платонъ. Апологія Сократа, Критонъ. Ц. 50 к.
Модестовъ, В. Лекціи по исторіи римской литературы. Ц. 5 р.
Тацитъ, К. Сочиненія: Т. I. Агрикола. Германія. Исторіи. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лѣтописи. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к. Пер. В. И. Модестова.
Апулей. Золотой оселъ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к., вел. 2 р. 50 к.
Мюллеръ, А Исторія Ислама съ основ. до новѣйшихъ временъ. Ц. 10 р.
Куглеръ, Б. Исторія крестовыхъ походовъ. Съ рис. и картами. Ц. 3 р.
Додю, Г. Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291). Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Сорель, А. Европа и французская революція. Цѣна за I и II тт. 6 р., за III и IV тт. 5 р. 50 к.
Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Ц. 3 р., велен. 5 р.
Монтескье. Персидскія письма. Ц. 2 р. 50 к.
Лесажъ. Исторія Жиль Блаза де Сантильяна. Ц. 2 р. 50 к.
Бобржинскій, М. Очеркъ исторіи Польши. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к.
Ждановъ, Ив. Русскій былевой эпосъ Изслѣдованія и матеріалы. Ц. 5 р.
Бѣловъ, Е. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Ц. 3 р.
Майковъ, Л. Н. Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к., веленев. 2 р. 50 к., Его-же. Историко-литературные очерки. Ц. 2 р.
Мануиловъ, А. Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.
Куторга, М. С. Собраніе сочиненій. 2 тт. Ц. 9 р.
Минаевъ, Н. П. Очерки Цейлона и Индіи. 2 чч. Ц. 2 р. 50 к.
Сѣрошевскій, В. На краю лѣсовъ. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.
Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.
Мерцаловъ, А. Е. Вологодская старина. Ц. 1 р.
Шереръ, В. Исторія нѣмецкой литературы. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к. отдѣльно по 3 р. за томъ.
Кенетъ Грэмъ. Золотой возрастъ. Ц. 75 к. Его-же. Дни грезъ. Ц. 75 к.
Вотье. Мѣстное управленіе въ Англіи. Пер. съ фр. В. Водовозова. Ц. 2 р.
Фонъ-Шаккъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Ц. 2 р. 50 к.
Лазарилло изъ Тормезъ. Пер. съ испанск. Ц. 75 к.
Могра. Послѣдніе дни одного общества. Пер. съ фр. Ц. 3 р.
Спенсеръ, Г. Основныя начала. Пер. съ англ. Ц. 2 р.
Штраусъ, Давидъ. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Ц. 3 р.

Недавно вышедшія изданія Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВА.

ль Луи Курье. Сочиненія. Политическіе памфлеты. Ц. 2 р.
дерле. Люди въ доисторическую эпоху. Ц. 5 р.
ъ-Бринкъ. Шекспиръ. Пер. П. И. Вейнберга. Ц. 75 к.
йль. Леонардо да-Винчи. Пер. съ франц. Ц. 2 р.
нъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. 3 тт. Ц. 8 р.
рра. Общественные очерки Испаніи. Пер. М. В. Ватсонъ. Ц. 2 р. 50 к.
весъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.
тонъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
йбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ соціальнаго положенія. Ц. 1 р. 25 к.
скаль. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. Ц. 2 р.
нри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.
голажъ. Соціологія Конта. Ц. 2 р. 50 к.
льшовскій. Жизнь Гете. Пер. п. ред. П. И. Вейнберга. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.
Л. Болье. Новыя англо саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (нѣсколько главъ посвящено Трансваалю). Ц. 2 р.
риштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и квакеры. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к.
бервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Изд. 2-ое. Ц. 6 р.
ихтенбергъ. Афоризмы. Пер. съ нѣм. Н. М. Соколова. Ц. 1 р. 50 к.
ниль, Д. Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.
нге, Ф. А. Исторія матеріализма. 2-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.
натьевскій, С. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.
йезенъ, Гіальмаръ. „Фаустъ" Гете. Комментарій къ поэмѣ. Ц. 1 р. 50 к.
ртъ, Пауль. Философія исторіи какъ соціологія. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
хъ, М. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.
регоровіусъ, Ф. Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. 2 тт. Ц. 3 р. 50 к.
ма, Э. Римъ и Имперія въ первые два вѣка новой эры Ц. 1 р. 50 к.
цольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. 2 тт. Ц. 5 р. 50 к.
усратъ, А. Средневѣковые реформаторы. Пер. съ нѣм. подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Абеляръ. Арнольдъ Брешіанскій. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассизскій. Вѣчное Евангеліе. Сегарелли. Дольчино. Ц. 2 р.
тернъ, Альфредъ. Исторія революціи въ Англіи. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.
рганъ, Л. Г. Первобытное общество, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р.
нтескье. О Духѣ Законовъ, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 4 р.
рокоповичъ, С. Н. Къ критикѣ Маркса. Ц. 1 р. 50 к.
нри де Уокеръ. Развитіе австралійской демократіи. Ц. 1 р. 80 к.
нжуевъ, П. Г. Великій расколъ англо-саксонской расы. Американская революція. Ц. 1 р. 25 к.
тру, Эмиль. Паскаль, пер. съ франц. Ц. 80 к.
гарке, К. Н. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Ц. 1 р. 60 к.
бо. Опытъ изслѣдованія творческаго воображенія. Пер. съ фр. Ц. 80 к.
скинъ, Джонъ. Прогулки по Флоренціи. Пер. А. Герцыкъ. Ц. 60 к.
ипповичъ, Евг. Основанія Политическ. экономіи. Пер. съ нѣм. Ц. 3 р.
уденъ, Эд. Исторія французской литературы. Ц. 1 р. 50 к.

Печатаются и готовятся къ печати:

бервегъ-Гейнце. Исторія древней философіи. — Исторія средневѣковой философіи.—Исторія философіи у славянскихъ народовъ въ обработкѣ Я. Н. Колубовскаго
ундтъ. Система философіи.
якотинъ, В. А. Историческія монографіи.

Складъ всѣхъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.